ТРИ СЕРПА

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

МОСКОВСКІЯ ЛЮБИМЫЯ ЛЕГЕНДЫ

ТРИ СЕРПА

ИЗД. ТАИРЪ
ПАРИЖЪ
MCMXXIX

С. П. Ремизовой Довгелло.

ВНѢ ЗАКОНА

Знаменитый храмъ Артемиды въ Мирахъ былъ реквизированъ подъ Пятницу Параскеву. Священная роща срублена, жрецы разогнаны.

Какіе-то странные — зеленые появились въ «Охранѣ памятниковъ старины и искусства». Лопочущими голосами просили они взять на учетъ храмъ, какъ драгоцѣнный памятникъ искусства, и не велѣть ничего трогать.

«Съ рощей дѣло упущено, но хоть внутри — не трогать!»

Видъ у нихъ былъ жалкій — очень странный, а рѣчь, точно ни на какомъ языкѣ не говорили.

Замѣститель завѣдующаго ничего не имѣлъ противъ — «памятникъ историческій» — но завѣдующій, съ нимъ не очень поговоришь.

«Ваша религія опіумъ для народа!» — уперся и никакихъ.

Такъ и пошли.

Я видѣлъ въ окно — побѣжали! затравленные.

Откровенно говоря: столкнуться ночью въ пустырѣ съ такимъ — ей Богу, бросится кусаться.

Изъ Яффы шелъ пароходъ въ Ликію — это все были паломники со святой земли въ Миры къ Николаю-

чудотворцу. На Кипрѣ сѣла какая-то — я очень хорошо помню: высокая, очень худая и страшно бѣдно одѣта, а видно, не изъ бѣдныхъ, точно — дунь только, пыль слетитъ и загорится богатый нарядъ; все было настоящее, только отъ носки и непривычной работы истерлось и зашмыргалось. Я и раньше встрѣчалъ такихъ: это изъ вдругъ обнищавшей знати и богатыхъ, когда старшая дочь идетъ стоять на рынокъ. Не поднимая глазъ, прошла она на палубу и сѣла у трубы, бережно держа въ рукѣ бутылку.

Помню еще капитанъ, обходя, спросилъ:

«Чего везете?»

Должно быть, онъ думалъ, что какое-нибудь особенное вино.

«Масло святителю Николаю!» — сказала она сухими губами и въ первый разъ посмотрѣла.

И я увидѣлъ, она совсѣмъ еще молодая — да, это вѣрно, какъ старшая дочь.

Вѣрно на сердцѣ у нея большая обида, и вотъ почему это масло, въ этомъ маслѣ въ лампадкѣ все сожжется — приметъ Угодникъ! — тогда и заплачетъ, такія не плачутъ, и голосъ будетъ другой — съ этой обидой сгоришь!

И я все слѣдилъ за ней.

Я ѣхалъ весь путь отъ самой Яффы и все было хорошо — погода хорошая, вѣтерокъ продуваетъ — и никакихъ ссоръ всю дорогу, не спорили, не задирали, мирный народъ — и осталось-то всего ничего, на утро и пріѣхали! да вдругъ какъ загудитъ. Вѣтеръ! а море вцѣпилось зубами, ну, никуда.

Всѣ, сколько насъ было, всѣ мы на палубу, кричимъ, вопимъ: «или неугодно?» — «и неужто Угодникъ допуститъ?» — «вѣдь къ нему же ѣдемъ на его могилу!» И та тутъ же съ нами, стиснула зубы, бутылку свою

прячетъ, блѣдная такая — зелень!

Покричали-покричали, а легче не стало, такъ и швыряетъ — стали мы на колѣни, скрестили руки и ждемъ — конецъ.

— — —

Да ка-акъ грохнетъ — все небо упало — и всѣ мы, кто такъ стоялъ, такъ и ткнулся. И сколько прошло, не скажу, только очень тихо стало — а открыли глаза — и свѣтъ, бѣлый такой свѣтъ, лодка плыветъ, а въ лодкѣ старичокъ, и лодку волной, какъ кони катятъ, прямо къ пароходу.

И слышимъ голосъ — послѣ грома-то человѣчій голосъ такъ прямо въ душу:

«Чего это вы, горемыки, бушуете?»

«Милостивый Никола, — отвѣчаемъ, — не мы бушуемъ, море насъ топитъ».

Онъ къ капитану:

«Послушай-ка, — говоритъ, — у тебя тамъ пассажирка масло везетъ, конфискуй ты у нея бутылку — бутылку! (повторилъ), а ее не тронь, слышишь!»

Капитанъ: кто? гдѣ?

А я ему тихонько «вонъ-эта», говорю - - — у! что море, и глазъ не подыметъ, а и черезъ жжетъ, не подступись! Ну, капитанъ, ему чего, этотъ — рукой подъ платокъ ей — и бутылка въ рукахъ.

И съ бутылкой къ лодкѣ.

«Нате, дѣдушка, эта самая?»

— — —

Взялъ старикъ бутылку, подавилъ пальцемъ пробку, покрѣпче чтобъ, перекрестился — волна катитъ — да по волнѣ ее бацъ — —

Всѣ такъ и присѣли — огнище!!! море горитъ! все море! и скачетъ! по зелени красные кони! песьи языки

лижутъ — и сини и черны! — глазамъ ужасно. И пошелъ такой удушливый запахъ.

— — —

А когда разсѣялось — и нѣтъ ничего: ни старика, ни лодки. Бросились искать: «кто везъ бутылку?» — кто везъ бутылку?» А я понимаю — куда ужъ! — найдешь!

Воображаете: что бъ это было! — маслица такого въ лампадку? — да не только Миры, полміра разнесло бы въ куски.

О ТРЕХЪ КУПЦАХЪ

«Во дни царствованія Проба царя и Флоріана» плылъ корабль по Черному морю въ городъ Византію, тогда еще не переименованную въ Константинополь. И такая это была огромадина, всѣ водяныя чудовища, какъ черноморскія, такъ и средиземныя, разбѣгались отъ него безъ оглядки, а морскіе духи плакались. Англійской компаніи принадлежалъ пароходъ. А понасовалось въ него народу и въ каютахъ и на палубѣ, и всякой клади навалено и бочекъ, такъ что и за кладью и между бочекъ, купцы насчитали носовъ до тысячи. И все иностранцы: и только трое крещеныхъ: три русскіе купца изъ Ростова Великаго.

Забрались купцы на пароходъ загодя, отыскали свою каюту по номеру и засѣли въ ней крѣпко. А и ловко все у нихъ сладилось — хитрые купцы! — и удобно и надежно: никто ихъ ни слова не понимаетъ и бояться нечего. И не спроста намѣтились они на такой: «англійской компаніи»: своихъ боялись — на большую сумму товару везли съ собой! — а кто его узнаетъ, кто съ тобой сядетъ: жулья и воровъ! — да и сболтнешь: свой языкъ — первый врагъ.

Звали купцовъ за общій столъ ужинать — половые по каютамъ мальчишки бѣгали, въ колокольчики позванивали —ну вотъ еще, чай, запасовъ у каждаго съ собой порядочно да и отъ грѣха подальше: дни пост-

ные, подсунутъ замѣсто грибовъ червячью окрошку либо какой маринадъ улитошный, а потомъ изволь кайся. Повынимали купцы изъ плетушекъ всякой домашней провизіи, копченыхъ закусокъ, для крѣпости перцовки выпили, заправились, теперь Богу молиться и спать.

Тутъ контроль нагрянулъ; провѣрка билетовъ и документы.

И по документамъ объявляется: Cabine de luxe 200 — Deck A — три русскихъ купца изъ Ростова Великаго: Горюшинъ, Лепешкинъ и Свѣшниковъ — ѣдутъ въ городъ Византію и везутъ съ собой на большую сумму товара.

И какъ только ихъ купеческое званіе получило публичную огласку, а главное, что они русскіе — крещеные, вся картина мѣняется.

***

Горюшинъ сунулся запереть каюту — не можетъ найти крючекъ, нѣту крючка! нащупалъ шпынекъ какой - то, сталъ крутить, да только свѣтъ мигаетъ: дверь ли отсырѣла, либо такое устройство, и спросить не у кого — никто ничего не понимаетъ. Дѣло совсѣмъ неудобное. Переглянулся онъ съ товарищами, а тѣ себѣ тоже думаютъ. А подъ ихъ дверью стоянку устроили, орутъ, гогочутъ, — ничего не поймешь, съ чего. И, словно-бъ ошибкой, сунется какой въ каюту и глазами шаритъ, потомъ что-то буркнетъ и за дверь, а за нимъ другой. И видъ у всѣхъ самый звѣрскій. А не запрешься, не ухоронишься. Смерть, надоѣло и жутко чего-то.

Вышелъ Лепешкинъ на палубу — погода отличная, воздухъ легкій, а пришлось воротиться: всѣ чего-то на него косятся, не то смѣшно имъ, не то недовольны, —

а и смѣшного ровно ничего нѣтъ: вышелъ человѣкъ передъ сномъ провѣтриться! Тоже и Свѣшниковъ: по собственному дѣлу пошелъ — еще садясь, замѣтилъ расположенiе, а тутъ, какъ на грѣхъ, отыскать не можетъ, а знаками пробовалъ объясниться, ему же на его собственную каюту показываютъ, ну, онъ по чужимъ каютамъ тычется, ищетъ — такъ за нимъ по пятамъ, точно онъ воръ какой.

И полегли купцы невесело, на душѣ у нихъ смутно: чувствуютъ, что не спроста это все, не доброе на умѣ, не дай Богъ, погубятъ.

И припоминаются всякiе случаи, про купцовъ же: какъ грабили купцовъ и мучили, и за то только мучили, что они крещеные, въ Бога вѣруютъ, а эти — команда и начальники ихъ — въ Бога не вѣруютъ, идоламъ кланяются. И полѣзли въ голову всякiе страхи и страсти изъ житiй мучениковъ, что изъ книгъ читали или слышали, — а сколько православнаго народу загублено отъ лютыхъ язычниковъ!

И пожалѣли купцы: вѣдь какъ они были увѣрены, что умно и хитро придумали, всѣхъ провели, а вотъ — на погибель себѣ. И если громко не сказалъ ни одинъ, но подумалъ про себя всякiй одно: о своемъ смертномъ часѣ и напрасной смерти.

Инда въ жаръ бросило — и такъ-и-сякъ, съ боку-на-бокъ, а никакъ не заснуть: жарко. Раздѣться бъ, да боязно. А все-таки пришлось. И ужъ налегкѣ помаялись — потомились — и заснули.

А какъ заснули купцы, да сномъ уложило тревожныя мысли, такую пустили они въ три носа музыку, такой волжскiй свистъ по каютѣ — на весь пароходъ, не надо и джаза.

— — — — — — — — — — — —

И вдругъ среди ночи ка-акъ дернетъ — — не то шелкъ рвутъ, не то пушка пальнула, не то на камень наперлись. Купцы смотрятъ: дверь настежь, яркій свѣтъ въ корридорѣ, а по стѣнкѣ трое — ихъ трое крадутся: ни лица, ни глазъ, одни револьверныя дула, и прямо на нихъ: «Вы, — кричатъ, — русскіе купцы изъ Ростова: Горюшинъ, Лепешкинъ и Свѣшниковъ?» И въ отвѣтъ изъ корридора кто-то нахально: «Мы, — говоритъ, — Горюшинъ, Лепешкинъ и Свѣшниковъ». Дула опустили, стали въ кругъ, о чемъ-то совѣщаются, и слышно, ихъ начальникъ: «Они, — говоритъ, — въ Бога вѣруютъ, а мы не признаемъ». И какъ это сказалъ онъ, свѣтъ погасъ. И въ потемкахъ набросились на нихъ, да за шиворотъ, чуть крестъ не сорвали, да на палубу и потащили. И тамъ одинъ за руку, другой за ногу — раскачали — и, какъ щенятъ, швырнули за бортъ въ море.

Лепешкинъ и Свѣшниковъ породы кондовой, оба грузные,какъ о волну ихъ шлепнуло — волна только вспѣнилась — ни рукой, ни ногой безъ шевеля поплыли они, двѣ здоровенныхъ колоды. А Горюшинъ сухъ, какъ соленый снетокъ, бултыхнулся и канулъ съ волной.

Озернулись товарищи — ночь, и ни откуда имъ помощи, а погибать не хочется — да какъ гаркнутъ: Николу вспомнили:

> Милостивый нашъ Никола,
> гдѣ бы ты ни былъ!

И откуда ни возьмись, поднялся со дна морского камень — за этотъ самый камушекъ они и ухватились.

Нащупали: крѣпко. Да полегоньку на него сперва туловищемъ, а потомъ и съ ногами. А какъ засѣли, камень дернуло, и стрѣлой помчался онъ по волнамъ.

Плывутъ купцы, пошевельнуться боятся и понять не могутъ, куда ихъ несетъ камень. И одно чувствуютъ: миновала погибель. И вспоминаютъ Горюшина: не иначе, какъ погибъ! а покликать не рѣшаются: скувырнешься.

И такъ всю ночь плывутъ купцы и куда, неизвѣстно. Стало свѣтать. И видно: камень порядочный, а сидятъ они на самомъ краешкѣ. Размѣстились поудобнѣе и опять о Горюшинѣ: или несчастнаго рыба сглотнула или пластомъ на днѣ лежитъ, утопленникъ!

И когда они такъ о Горюшинѣ разсуждали и жалѣли товарища, глядь: чудовище — огромадное: китъ! Незамѣтно подплылъ онъ къ камню и рыло свое на камушекъ кладетъ, страшную пасть раскрылъ — — хорошо еще во-время отскочили! И изъ пасти лѣзетъ Горюшинъ, а въ рукахъ, ухватя, этакій мѣшокъ держитъ. Глазамъ не вѣрятъ: Горюшинъ! А онъ спрыгнулъ на камушекъ и тоже смотритъ — не ожидалъ товарищей встрѣтить, думалъ, погибли. И всѣ трое стоятъ, какъ одурѣлые, переглядываются, на кита косятся.

Китъ пустилъ на купцовъ струю и погрузился на дно морское.

Видятъ купцы, погрязъ китъ въ пучинахъ, отлегло отъ сердца и къ Горюшину съ допросомъ: какъ его въ такое чудовище вперло? А Горюшинъ говоритъ, что очень просто: китъ его проглотилъ.

«Проглотилъ китъ и очутился я въ его утробѣ, а тамъ большущій корабль у него сглотнутъ, товары и бочекъ навалено, и повсюду мертвыя тѣла разбросаны видимо-невидимо. Жарища нестерпимая! Присѣлъ я на его потроха и думаю себѣ: конецъ. Главное дѣло, не

знай, куда выскочить: темно. И зажигалка не дѣйствуетъ: чикаетъ, а огонька и званія нѣтъ. Пропалъ. А когда рыло-то онъ на камушекъ положилъ и раскрылась пасть, свѣтъ озарилъ всѣ его внутренности, и я увидѣлъ подъ самымъ моимъ носомъ мѣшокъ: воспользовавшись моментомъ, ухватилъ я этотъ мѣшокъ да скорѣе бѣжать, выскакивать изъ пасти».

Купцамъ стало даже весело и сейчасъ же съ мѣшка сорвали печать, развязали — а въ мѣшкѣ золото: полно золота!

И стало на душѣ веселѣй: съ этакой казной куда хочешь проткнешься, всякій тебѣ ручку пожметъ.

А камень мчится — съ волны на волну — такъ и гонитъ, такъ и рвется, не угнаться и скоролету.

Такъ два дня трепало камень въ открытомъ морѣ и понемногу стало море тише и плыть поспокойнѣй. И на третій день показался островъ — и видятъ купцы городъ — Византія! — и по вѣтру звонъ различаютъ: къ обѣднѣ звонятъ — Софійскій соборный колоколъ.

Сбѣжался народъ на пристань и диву дается: купцы на камнѣ по морю плывутъ! И которые побѣжали къ своему князю Ѳатапону. И Ѳатапонъ, слыша о такомъ чудѣ, очень заинтересовался и велитъ изъ пушекъ палить и немедленно къ себѣ купцовъ доставить.

А купцы какъ только съ камня спрыгнули на берегъ, камушекъ быстро такъ отплылъ отъ берега и на глазахъ у всѣхъ погрузился на дно морское.

Обступили купцовъ, всѣмъ въ диво — и принялись купцы разсказывать о своемъ чудѣ. И тутъ только обратили они вниманіе, что совсѣмъ-то они безо всего, стоятъ нагишомъ, а отъ рубахъ, если что и сохранилось, такъ однѣ ластовки да воротъ, да и то все клочья — вывернуто. Нашлись добрые люди, надѣли на купцовъ порты и повели во дворецъ къ самому князю Ѳатапону.

И опять пушки палятъ и народъ бѣжитъ, кричатъ: «Горюшинъ, Лепешкинъ и Свѣшниковъ, русскіе купцы изъ Ростова!».

Ѳатапонъ принялъ купцовъ съ честью. Разсказали ему купцы все по порядку съ самой той минуты, какъ на пароходъ засѣли, и какъ контроль пошелъ и что послѣ контроля случилось, и какъ ночью выбросили ихъ въ море и чудомъ камень со дна поднялся и на томъ камнѣ плыли они два дня, а на третій приплыли въ Византію, и про кита и про мѣшокъ съ золотомъ. Подивился Ѳатапонъ чуду, похвалилъ купцовъ за ихъ вѣру и отпустилъ съ миромъ: жить въ Византіи, сколько вздумается и гдѣ пожелаютъ.

**
*

Живутъ купцы въ Византіи, остановились въ лучшей гостинницѣ, и городъ осматриваютъ и съ тамошними купцами знакомятся и товары приглядываютъ — о старомъ тужить нечего, китовый мѣшокъ — золото! расжиться есть съ чего.

И вотъ слышатъ купцы: пришелъ въ Византію какой-то диковинный корабль — и всѣ только объ этомъ и говорятъ. Побѣжали на пристань провѣрить: такъ и есть, тотъ самый. Да скорѣй къ Ѳатапону и объявляютъ, что корабль тотъ самый «англійской компаніи», откуда ихъ ночью сверзили въ море, и что они ему всѣхъ злодѣевъ укажутъ.

Ѳатапонъ велитъ купцамъ немедленно разойтись и ожидать по своимъ номерамъ — носу не высовывать, чтобы какъ корабельщикамъ на глаза не попасться и не испортить все дѣло. А самъ посылаетъ на корабль, зоветъ къ себѣ корабельщиковъ.

Большой пиръ устроилъ князь Ѳатапонъ, много

собралось всякаго народа и тоже съ того корабля явились, начальники. И когда подали ужинъ, пришепнулъ Ѳатапонъ слугѣ: ввести купцовъ и чтобъ вино разносили. И какъ купцовъ взяли, и съ подносомъ прямо къ столу, гдѣ тѣ трое сидятъ.

Ѳатапонъ говоритъ заморскимъ корабельщикамъ:

«Прошу отвѣдать вино этихъ купцовъ!»

Корабельщики встали — а когда протянули стаканы съ купцами чокаться и глаза ихъ встрѣтились — ихъ руки окоченѣли, и стоятъ — истуканы.

«Или вы мной недовольны, — говоритъ Ѳатапонъ, —не хотите купцово вино пить!»

А тѣ молчатъ — ротъ запекло.

Поднялся Ѳатапонъ и, обратясь къ корабельщикамъ, сказалъ всѣмъ слышно:

«Вы не признаете Бога — такъ умрите же смертью, какою вы грозили тѣмъ, кто признаетъ Бога. И пусть бросятъ васъ въ яму, какую вырыли ваши руки!»

И по знаку Ѳатапону, слуги его набросились на корабельщиковъ да за шиворотъ и тутъ же изъ окна, какъ щенятъ, шваркнули въ море.

А товаръ съ корабля присудилъ Ѳатапонъ купцамъ: въ полное распоряженіе.

Но купцы и такъ много довольны — одинъ китовый мѣшокъ чего стоитъ! — изъ товаровъ повыбрали они свое добро, а все остальное отдали Ѳатапону: раздѣлить среди византійской бѣдноты: отдать тѣмъ, кому трудно живется, нечѣмъ платить за квартиру и съ кого налоги дерутъ и кто пишетъ всякія прошенія о вспомоществованіи, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ обездоленнымъ въ память чуда и на вѣчный поминъ: Саввы Горюшина, Андрея Лепешкина и Алексѣя Свѣшникова, русскихъ купцовъ изъ Ростова Великаго.

О КОВРѢ

При царѣ Исаакѣ Комненѣ и патріархѣ Михаилѣ Керулларіи жилъ-былъ въ Константинополѣ серебряникъ Козлокъ. Большой мастеръ и искусникъ, всякія онъ маленькія вещицы дѣлалъ, и такой невообразимой тонины, глядя, никакъ не повѣришь, что изъ серебра онѣ, а не изъ снѣжинокъ — морозныхъ цвѣтовъ: бѣлыхъ елочекъ, травокъ, усатыхъ и рогатыхъ листочковъ, паутинокъ, прутиковъ, ну чего только ни навыдумаетъ морозъ выдумщикъ и колдунъ, — первый серебряный мастеръ рѣзчикъ Козлокъ.

Подъ старость глаза у него ослабѣли и работы онъ своей не можетъ работать, а такъ подвернется чего, то и дѣлаетъ: случится, дастъ кто ведерко починить или сито продырявится, тоже и сито поправитъ.

А съ такой мелочью нешто прибыль! и дай Богъ какъ-нибудь день прожить.

Такъ онъ и жилъ — такъ доживали они свою старость, Козлокъ и Анна Петровна. Жизнь ихъ была нераздѣлима: и Козлокъ, когда что говорилъ, всегда скажетъ: «мы».

Анна Петровна въ молодости ковры вышивала и тоже на тонину глазъ у нея мѣткій и тоже, какъ старость-то пришла, и ушка въ иголкѣ не можетъ найти и въ канвѣ въ дырку не попадаетъ. Занималась она чинкой, что погрубѣе.

И починка и чинка, это тоже всѣмъ нужно, безъ этого рѣдко кто обходится, и какъ-нибудь справились бы они съ жизнью, да вѣдь годы не тѣ — оба прихварывать стали и не споро дѣло дѣлается, не посидишь ночь, какъ прежде. И если они еще жили на бѣломъ свѣтѣ, то только чудомъ, въ которое оба вѣрили; и какъ бы круто ни бывало, не отчаявались и никогда не роптали.

Какъ это въ жизни бываетъ нескладно: вотъ онъ, Козлокъ, серебряный мастеръ, и всѣ самые видные мастера серебряники, о которыхъ только и слышишь, вся современная серебряная Византія — отъ его мастерства и науки, всѣ прославленныя издѣлья по его манеру, а онъ живетъ черезъ силу и хоть бы вспомнилъ кто! Очень они бѣдно жили и съ каждымъ днемъ бѣдовѣе.

***

Николинъ день — Козлокъ именинникъ.

И говоритъ Козлокъ старухѣ:

— Анна Петровна, пучелой я прожилъ всю свою жизнь: завтра Николинъ день, а намъ не съ чѣмъ и въ церковь пройти, свѣчку поставить.

Анна Петровна говоритъ:

— А вотъ коверъ, — и точно оправдываясь: — только моль разводитъ.

Коверъ висѣлъ во всю стѣну — и не продали, а у себя хранили, память: когда-то, давно это, сдѣланъ былъ въ большомъ горѣ: у всякаго есть такое, про что человѣкъ такъ и промолчитъ до смерти и съ нимъ уйдетъ на тотъ свѣтъ за отвѣтомъ.

— Снеси ты коверъ къ Солнцу, — («Солнце» — статуя Константина Великаго съ лучистой головой, стоитъ посреди Константиновскаго рынка), — тогда десять ру-

блей на матерьялъ пошло: что-нибудь да дадутъ.

Снялъ Козлокъ коверъ со стѣны, повыбралъ съ него сухія молинки, вытряхнулъ, аккуратно сложилъ и такъ завязалъ, точно на край свѣта собирается; самъ укутался потеплѣе, все, что нашлось, — на Николу зима съ гвоздемъ ходитъ! — и пошелъ къ Солнцу.

И уже совсѣмъ близко, обогнулъ Платоновскую церковь, — а вонъ и Солнце! И тутъ какой-то ему навстрѣчу:

— Куда, Козлокъ, идешь?

— Коврикъ продавать.

— А много ль за него просишь?

— Анна Петровна говоритъ, двѣнадцать рублей онъ ей стоилъ, — прибавилъ отъ себя Козлокъ, — а я ужъ и не знаю: сколько дадутъ.

И принялся развязывать — долго развязывалъ, экъ его, какъ запуталъ! — наконецъ, высвободилъ коверъ изъ бумагъ и на руку его метнулъ, какъ на Бульварахъ въ Парижѣ алжирцы торгуютъ.

Прохожій, не глядя:

— Бери шесть, — коверъ мой.

— Спасибо, — Козлокъ шапку снялъ, — спасибо! Ну, слава Богу, выручилъ, получайте коверъ.

И тотъ взялъ коверъ, вынулъ деньги — шесть рублей, и Козлоку на ладонь рублями.

Козлокъ зажалъ деньги и руку въ карманъ, и тамъ опустилъ рубли. А когда вынулъ руку варежку надѣть, глядь, а ужъ покупщика съ ковромъ нѣтъ, а стоитъ вокругъ народъ и всѣ на него чего-то смотрятъ.

— Что-й то ты, дѣдъ, видѣлъ что ли кого: стоишь и самъ съ собой разговариваешь?

А Козлокъ такъ радъ, не знай, чего и говорить:

— Я Козлокъ, серебряный мастеръ, я завтра именинникъ!

И всѣмъ это очень понравилось, кричатъ:

— Козлокъ! — Козлокъ! — съ наступающимъ днемъ ангела! съ именинами!

Сложилъ Козлокъ веревку, сунулъ въ карманъ — пригодится еще! — и пошелъ, пошелъ къ Солнцу: теперь онъ всего накупитъ и съ покупкой домой, да еще и останется, на все хватитъ.

**
*

Анна Петровна какъ осталась одна — въ комнатѣ пусто! — это безъ ковра такъ осиротѣло — и горько: точнс послѣднее отняли. Что же дѣлать-то: больше нѣтъ у нихъ ничего! И все равно, скоро въ путь — за отвѣтомъ? — все равно, сосѣди возьмутъ, да и праздникъ-то, можетъ, послѣднiй.

Присѣла къ окну, посвѣтлѣе, взяла себѣ бѣлье чинить: для праздника-то хоть не рвань надѣнетъ. И сидитъ такъ за работой, старика ждетъ.

Стукъ въ дверь, — а это всегда очень пугаетъ: думается, за деньгами по счету, тоже за газъ не заплачено! А надо открыть. Поднялась она. Открыла — нѣтъ, не за деньгами, а какой-то свертокъ.

— Вашъ коврикъ получайте!

А она брать не хочетъ: какъ же это такъ — назадъ?

— У Солнца встрѣтились, — и точно обрадовался чему, — Козлока я давно знаю: серебряный мастеръ! онъ мнѣ и говоритъ: сдѣлайте мнѣ любезное дѣло, снесите этотъ коверъ домой Аннѣ Петровнѣ.

Анна Петровна взяла коверъ — есть чему радоваться? И стало ей очень досадно — хотѣла еще разспросить: самъ-то Козлокъ что же, куда самъ-то пошелъ съ пустыми руками? А тотъ ужъ за дверь. И ей показалось:

какъ дверь-то распахнулъ онъ, на лѣстницѣ свѣтъ — —

Или это отъ сердца въ глаза ей огонь?

Она швырнула коверъ:

«Всю жизнь вотъ такъ! Послѣднихъ пустяковъ не можетъ сдѣлать — «сдѣлайте любезное дѣло!» скажите, какъ это важно, а самъ-то, небось, не посмѣлъ! А явится, начнетъ врать, оправдываться... всю жизнь чучелой!»

И не можетъ она успокоиться — такъ съ ней всегда отъ внезапности и неожиданности — не можетъ она успокоиться, досадно: «пошелъ продавать коверъ и вернулъ съ какимъ-то...» — и не можетъ она ничего дѣлать; какъ сѣла, такъ и сидитъ, спичку грызетъ.

Козлокъ, толкаясь у Солнца, накупилъ вотъ какой кулекъ: и апельсиновъ, и мандариновъ, и халвы — спеціально для Анны Петровны, любимое ея, — и финиковъ коробку, и винныхъ ягодъ, и баранокъ, и два горшочка іогурта и варенье. Да еще рубль остался.

И затѣялъ онъ попугать Анну Петровну, чтобы «ефектъ получился» — такъ онъ часто дѣлалъ. И какъ вернулся, кулекъ нарочно оставилъ въ прихожей, а самъ входитъ съ пустыми руками — и если бы не такъ взволнована была Анна Петровна, а когда такое, человѣкъ не смотритъ, она сразу бы догадалась: вѣдь у него на лицѣ солнце играло!

— Больше ты меня не увидишь, —сказала она, не глядя, — я отъ тебя только одно зло видѣла всю жизнь. Скажите, пожалуйста: «сдѣлайте любезное дѣло!»

И схватя со стула коверъ, бросила его на столъ.

Козлокъ узналъ коверъ — ничего не понимаетъ.

— Я никого не посылалъ!

Да чтобы не запутывать дѣло, скорѣе въ прихо-

жую, ухватилъ кулекъ и тащитъ. И на коверъ все: и апельсины, и мандарины, и халву, и финики, и винныя ягоды, и баранки, и іогуртъ, и варенье.

— И еще вотъ рубль.

И разсказалъ, какъ по дорогѣ къ Солнцу онъ встрѣтилъ какого-то и тотъ окликнулъ: «Козлокъ, куда идешь?» — и за шесть рублей сторговалъ коверъ.

— Я ему нарочно сказалъ, что коверъ тринадцать стоилъ! — прихвастнулъ Козлокъ.

У нихъ былъ сынъ и пропалъ — сарацины въ плѣнъ забрали — давно это было, очень они его любили: тоже надъ всякими маленькими вещицами, бывало, старается, пальчики нѣжные, пушинку завьетъ! — и Анна Петровна въ добрыя свои минуты старика по памяти о сынѣ «папой» называла.

— Папочка, — сказала она, — да вѣдь это былъ Никола.

И слезы отъ счастья показались на ея измученныхъ отъ работы и тяготы, погасшихъ и вдругъ засвѣтившихся глазахъ.

А Козлокъ почувствовалъ себя виноватымъ: Козлокъ старался припомнить и возстановить.

— И ты его не узналъ?

— Да я плохо вижу, — оправдывался Козлокъ, — «Козлокъ, куда идешь?» Я взглянулъ и какъ будто знакомый, думаю, не мастеръ ли это Разсыпновъ, помнишь, такой къ намъ ходилъ? А потомъ вижу, нѣтъ, это не Разсыпновъ. И знаешь, какъ деньги-то онъ мнѣ далъ... и говоритъ: «я, говоритъ, тебѣ, Козлокъ, и еще бы далъ, да у меня у самого нѣту!» А люди говорятъ: «Чтой-то ты, Козлокъ, съ ума спятилъ, самъ съ собой разговариваешь и руками машешь?»

— А мнѣ, какъ онъ вышелъ, показалось: свѣтъ за нимъ — вся лѣстница освѣщена...

— — —

И такъ, пока они другъ другу разсказывали, припоминая всѣ мелочи, и что каждый думалъ и о чемъ догадывался, наступилъ вечеръ и у Святой Софіи ударили ко всенощной.

По морозцу — первые морозы Никольскіе — заспѣшили они въ церковь и отъ счастья не помнятъ, какъ и всенощная кончилась. Послѣ всенощной дождались патріарха и разсказали ему о своемъ чудѣ.

А на обѣднѣ патріархъ всенародно разсказалъ о коврѣ.

И по указу патріарха велѣно было изъ дома Святой Софіи выдавать старикамъ вспомоществованіе — шесть рублей въ мѣсяцъ: «чтобы покойно имъ было жить — ихъ послѣдніе дни».

***

Въ первую получку Козлокъ пошелъ къ Солнцу, накупилъ на всѣ гостинцевъ и съ улицы созвалъ гостей. Много охотниковъ нашлось послушать о чудѣ и на коверъ посмотрѣть.

Проживавшій о ту пору въ Константинополѣ переяславскій епископъ Ефремъ тоже зашелъ къ старикамъ — отъ него я и узналъ о коврѣ.

А по смерти ихъ чудесный коверъ взяли въ церковь. И всѣмъ видно, виситъ коверъ у Николы-Димитровскаго, что за Святой Софіей, въ придѣлѣ у апостола Петра.

О ДИМИТРІИ

Патріархомъ Фотіемъ была освящена знаменитая Нэа — Новая церковь, построенная царемъ Василіемъ Македоняниномъ во дворѣ дворца. Новый храмъ былъ посвященъ Спасителю, Богородицѣ, архангелу Михаилу, Иліи Пророку и Николаю-Чудотворцу. По словамъ лѣтописца, этотъ храмъ превосходилъ своимъ великолѣпіемъ всѣ храмы, и ни одинъ не могъ съ нимъ равняться, особенно много было дверей — входовъ и выходовъ. На освященіи присутствовалъ царь и наро-ду!

Въ числѣ почетныхъ лицъ былъ представитель византійской золотой молодежи Димитрій — домъ его сейчасъ же за св. Софіей, любого спроси, всякій покажетъ.

Послѣ торжества у всѣхъ было приподнятое религіозное настроеніе, говорили только о божественномъ и чудесахъ. Димитрій и его товарищи, такіе же, какъ онъ, изъ знатныхъ византійцевъ, рѣшили ѣхать въ Миры ко гробу Николая-чудотворца. Привлекало путешествіе и чудеса, о которыхъ много разсказывали и писали: житіе Михаила и похвальное слово патріарха Мефодія извѣстно было всѣмъ. Много вечеровъ было посвящено разговорамъ о путешествіи, но въ концѣ концовъ пришлось отказаться: Критъ былъ занятъ арабами, и самымъ ихъ излюбленнымъ дѣломъ были набѣги на Ликію. Ѣхать въ Миры было опасно. И выбрали поближе

— на Атиръ, это совсѣмъ недалеко въ Мраморномъ морѣ, тамъ была церковь Николая-чудотворца: ночь на морѣ могла создать иллюзію ночей къ Мирамъ. На этотъ Атиръ и рѣшено было ѣхать. Наняли судно, пригласили музыкантовъ и хоръ, исполнявшій гимны византійскихъ поэтовъ Федора, Романа и Іосифа, посвященные Николаю-чудотворцу.

Плыть было такъ легко и незамѣтно, что если бы не движущіяся звѣзды, можно было бы забыть, что кругомъ море. Какимъ покоемъ стелились тихія мысли и было трепетно, какъ при всякомъ счастливомъ ожиданіи: звѣздный часъ кончался, сейчасъ проснется утро, оно будетъ чуть мглистымъ, чуть пріоткроетъ зеленый островъ и звонъ къ обѣднѣ заторопитъ судно. И вдругъ — откуда? — налетѣла буря, погасли звѣзды, съ громомъ встала волна и опрокинула судно, — и всѣ пошли ко дну — всѣ и музыканты и хоръ. «Никола — помоги!» — только и крикнулъ Димитрій и закрылъ глаза тонуть. И, погружаясь въ воду, почувствовалъ, что его кто-то тянетъ, открылъ глаза и увидѣлъ — такимъ въ Менологіи изображенъ — стоитъ передъ нимъ Николай-чудотворецъ и бѣлый омофоръ съ нашивными крестами свѣтитъ ему, какъ прожекторъ. И повторяя молитву, Димитрій пошелъ за нимъ по морю, какъ по торцовой мостовой — —

— — — — — — — — — — — —

Сосѣди были встревожены крикомъ. Кто-то вопилъ благимъ матомъ. И всѣмъ показалось: кричатъ изъ дома Димитрія. Рѣшили, что онъ отпустилъ прислугу, а воры, воспользовавшись, забрались къ нему, напали на

соннаго и расправляются. И кого какъ застала ночь, ухватя, что ближе лежало, кто съ книгой, кто съ молоткомъ, кто съ дубиломъ, освѣщая дорогу фонарями, побѣжали спасать.

Но проникнуть въ домъ было очень трудно: заперто — пришлось выломать дверь. И войдя въ комнаты, дѣйствительно, изъ прислуги никого не встрѣтили, но ничего особеннаго не было замѣтно: возможно, что вечеромъ были гости, да такъ не прибрано и осталось. Теперь ясно слышался голосъ: кричалъ Димитрій изъ своей спальни. Спальня была тоже заперта и еще выломали дверь. И когда вошли и освѣтили фонарями комнату, увидѣли, что Димитрій лежитъ на кровати и выкрикиваетъ одно и то же, надрываясь до хрипа: «Никола — помоги!» И притомъ весь онъ мокрый.

Не отъ шума, а отъ свѣта Димитрій очнулся:

— Какъ вы сюда попали? — спросилъ онъ въ ужасѣ, — развѣ я не на днѣ морскомъ?

— Ничего подобнаго, — говорятъ, — вы у себя дома на вашей собственной кровати.

Но Димитрій, хоть и пересталъ кричать, испуганно озирался: онъ не вѣрилъ.

И только когда ему перемѣнили бѣлье, онъ согрѣлся, успокоился и разсказалъ все бывшее съ нимъ — и всѣ дивились такому чуду.

И на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Димитрія, по смерти его по его завѣщанію построили церковь — Никола Дмитровскій. Въ этой церкви и виситъ Козлока коверъ, византійскаго серебрянаго мастера.

КРЕСТИКЪ

Разсказывали о молодомъ человѣкѣ, называли его имя — Николай. Захворалъ онъ еще весной: гриппъ. Сталъ поправляться и вдругъ отнялись ноги. И чего только ни дѣлали: и электричествомъ и еще чѣмъ-то — ничего не помогаетъ, такъ и бросили. Такъ онъ и лежалъ всю осень И вотъ на Николинъ день потащился на костыляхъ ко всенощной. Ближайшая церковь Никола — проби лобъ. Навстрѣчу какой-то монахъ. Пожалѣлъ его и говоритъ: «Не ходи ты къ Николѣ-проби лобъ, пойдемъ къ Николѣ Дмитровскому, я тебя доведу». А Никола Дмитровскій куда дальше. И всю дорогу монахъ утѣшаетъ: «поправишься, непремѣнно поправишься!» Такъ и дошли. И у самой церкви спутникъ куда-то пропалъ. Николай одинъ вошелъ въ церковь — очень было трудно. Потихоньку протолкался къ образу. И былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ со своимъ спутникомъ; и чѣмъ больше онъ вглядывался, тѣмъ меньше оставалось сомнѣнія, кто это былъ его спутникъ. И охватилъ его трепетъ — потянулся къ образу приложиться. А костыли: никакъ не достать! И совсѣмъ ужъ близко, а не дотянуться — — и, сдѣлавъ послѣднее усиліе, онъ ртомъ поймалъ металлическій крестикъ, — висѣлъ на образѣ, — рванулъ зубами — — и проглотилъ И когда онъ снова потянулся къ образу и невольно протянулъ руки, сразу почувствовалъ, что стоитъ — крѣпко и твердо — безъ костылей.

НАДОѢЛЪ

Еще о Львѣ: этого несчастнаго Льва принесли на носилкахъ и положили передъ образомъ Николая-чудотворца. Онъ былъ весь парализованъ и не говорилъ, а мычалъ — и такъ жалобно, тяжко было слушать. И молящіеся возроптали: третью всенощную нѣтъ покою, невозможно молиться, — мычитъ! И надоѣлъ онъ всѣмъ: все равно, такой — такая его судьба и надо терпѣливо нести крестъ, а не испытывать и другихъ не тяготить. Но Левъ-то, потерявъ всякую надежду, не потерялъ вѣру и, глядя на образъ, жалобно мычалъ — только мычалъ, и у него въ этомъ все было и никакъ онъ по-другому не можетъ. И вдругъ замѣчаютъ, стало какъ-то спокойно въ церкви: а это Левъ затихъ. Думали, ну померъ! Нѣтъ, измучившись, онъ заснулъ. «И не знаю, какъ это я заснулъ, — разсказывалъ Левъ, — и вижу Николай Угодникъ подходитъ, а я мычу, а онъ ближе, ясно вижу, наклонился: «Левъ, — говоритъ, — перестань! — да рукой меня, какъ подзатыльникъ, — вставай и иди!» И я вскочилъ и бѣжать». Когда Левъ побѣжалъ изъ церкви, народъ шарахнулся отъ него, какъ отъ звѣря — ужъ очень это всѣмъ странно и страшно. Хорошо еще зима, воздухомъ-то его сейчасъ же за оградой очнуло, перекрестился онъ и пошелъ назадъ въ церковь.

ПРОБИ-ЛОБЪ

При царѣ Константинѣ Дукѣ изъ всѣхъ константинопольскихъ монастырей Молиботскій монастырь самый первый и по вкладамъ и по убранству церкви и по подбору братіи. Нигдѣ не было собрано такихъ запасовъ и нигдѣ не увидишь такого золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней и нигдѣ не встрѣтишь такихъ ученыхъ и мудрыхъ иноковъ. Главная святыня — образъ Николая-чудотворца, подъ кровомъ котораго жилъ монастырь. Икона чудотворная. И всякій, кто бывалъ въ Константинополѣ, не могъ обойти, не побывавъ за Золотыми воротами — у Николы Молиботскаго.

***

Послѣ вечерней трапезы монахи разошлись по кельямъ и всякій занялся своимъ дѣломъ: одни — болѣе простые — послѣ дневной работы по хозяйству укладывались спать, другіе, свободные отъ такихъ работъ, сѣли за книгу, третьи — постигшіе всю человѣческую мудрость — стали на правило, продолжая дневную жизнь чистаго богомыслія. Въ монастырѣ наступилъ часъ покоя, духовной работы и искушеній — часъ особенно трепетный для тѣхъ, кто бодрствовалъ, и безмятежный, кто отдыхалъ.

И въ такую-то минуту внимательнѣйшей ночи — въ жизнь, освобожденную отъ всѣхъ заботъ дня и дневныхъ случайностей — въ монастырѣ ударили въ било, внезапный неурочный звонъ. И всколыхнуло до — самаго: что-то случилось? По корридору бѣгалъ келарь и два послушника, стучали по кельямъ, извѣщая братію, что въ монастырѣ несчастье.

Кто въ чемъ и какъ попало, сбѣжались иноки въ церковь: думали, пожаръ.

И въ церкви глазамъ ихъ представилось, нѣтъ, это не пожаръ, а какъ навожденіе: вся церковь вдругъ выросла, поднялась, и одни огромные глаза смотрятъ со стѣнъ — иконы стояли ободранныя, безъ ризъ, безъ украшеній — ни одного камешка.

И монастырскій сундукъ съ казной — взломанъ, опустошенъ и перевернутъ. А со двора, говорятъ, изъ кладовыхъ всѣ запасы — все вывезено.

Это воры, выслѣдивъ, гдѣ и чѣмъ можно поживиться, очень ловко — и, конечно, не безъ своихъ — обчистили монастырь.

Теперь монастырю конецъ — жизнь кончена — пропали!

И послѣ минутнаго остолбенѣнія взрывъ вопля: всѣ глаза устремлены къ чудотворному образу Николы — безъ золотой тяжелой рызы, кутавшей его, какъ въ шубу, легко надъ землей стоялъ онъ и отъ простертыхъ, осѣняющихъ рукъ казался крылатымъ — архангелъ.

Такъ какъ же? устроившій такое великолѣпное мѣсто для молитвы, хранитель и кровъ монастыря — допустилъ?

Настоятель, человѣкъ опытный, пытался уговаривать: онъ говорилъ о неисповѣдимомъ божественномъ судѣ, о страхѣ Божьемъ и о кротости — монашескомъ обѣтѣ.

— Нельзя винить ни тѣхъ, кто отнялъ у монастыря сокровища — «и на какую еще пользу, а, можетъ, себѣ на гибель?» Ни того, въ рукахъ котораго и чьимъ промысломъ жилъ и живетъ монастырь — «и кто знаетъ божественныя цѣли?»

Никто его не слушалъ, изъ вопля громче вырывались проклятія.

— Проклятые и окаянные!

— Проклятые и окаянные!

Три инока: Уаръ, Гаркисъ и Амлій — особенно изъ всѣхъ неистовствовали; такъ еще на памяти неистовствовалъ Гіакинъ, несчастный инокъ, свихнувшійся на Плотинѣ.

Въ изступленіи они метались въ кругу вертящейся разстери взлохмаченной растерзанной братіи: они ныряли и выныряли, и ихъ проклятія изъ человѣческихъ голосовъ проклятій высвистывались птичьимъ свистомъ, надптичьей скопческой фистулой, они подпрыгивали — безъ опоры! — вытоптывали, какъ копытомъ, они напрягались, какъ удавленникъ въ петлѣ, освободить крикомъ задыхающуюся душу, и крича до — — —

— — —

А со стѣнъ изъ внезапныхъ, огромныхъ глазъ выскальзывали, какъ змѣи, безкостные мягкіе черти и, суча заструнившимися стебельками, скакали, хватались, въ ладоши хлопали — пугали и поддразнивали.

Старцы говорили:

— Такъ по заслугамъ, и надо принять, не проклиная: никто не знаетъ, дано ли испытаніе въ наказаніе — а хотя бы и наказаніе! — или какъ открытый путь къ наградѣ дарами духа. Смиривъ страсти, надо поблагодарить за все совершенное.

И это «по-бла-го-дарить» больнѣе взорвало.

Около образа Николая-чудотворца, прислоненный

къ стѣнѣ, стоялъ шестъ съ мѣднымъ оконечникомъ: къ нему прилѣпляли огарокъ для зажженія паникадилъ. Уаръ, схватя этотъ шестъ, размахнулся и бацнулъ по образу — — и изъ разсѣченнаго лба потекла кровь.

И когда окровавленный образъ съ трепещущими крыльями былъ одинъ передъ глазами и наступила какъ бы полночь, всѣ проклятія задушены, безножье и нѣмь, и только это — эта съ болью капающая кровь, — въ этотъ отчаянный часъ, на другомъ концѣ города спокойно спалъ царь, ничего ему не снилось. И вдругъ какъ передернуло, всполохнувшись, открылъ онъ глаза — и закрыть уже не смѣлъ: передъ нимъ архіепископъ во всемъ облаченіи съ простертыми осѣняющими руками и руки, какъ крылья, держатъ его надъ землей, а изъ разсѣченнаго лба течетъ кровь.

«Царь Константинъ, ты знаешь, что творится въ твоемъ государствѣ. Я — Николай Молиботскій, архіепископъ мирликійскій, ступай и уйми безобразниковъ: они не понимаютъ! и отъ ихъ проклятій — несетъ!..

И крылья взвихнулись — и въ брызнувшемъ свѣтѣ со свѣтомъ погасъ.

Царь немедля собрался и, не глядя на ночь, съ дежурной стражей отправился къ Золотымъ воротамъ въ монастырь. Въ монастырѣ не надо было ему стучаться, всѣ двери настежь, какъ въ брошенномъ домѣ. Онъ прошелъ въ церковь и мимо сбившихся въ кучу оробѣвшихъ иноковъ подошелъ къ образу и сталъ — и глядѣлъ, не смѣя опустить глазъ: съ образа кротко глядѣли на него глаза — «я имъ простилъ!» — и изъ разсѣченнаго лба текла кровь.

И царь въ землю поклонился, прося и его простить.

И обернувшись къ инокамъ, разсказалъ о своемъ ночномъ видѣніи — что привело его въ такой часъ въ монастырь.

Отслуживъ благодарственный молебенъ, царь удалился, оставивъ большіе дары «посѣщенному» монастырю.

О ЗОЛОТОМЪ ГРОБѢ

Молиботскій монастырь, самый богатый изъ всѣхъ константинопольскихъ, послѣ ограбленія, обнищалъ, братія разбѣжалась и остался настоятель да старцы, да еще кое кто: одни не ушли, потому что некуда, другіе доживали свои дни и все равно было, гдѣ помирать.

Настоятель ввелъ новый уставъ: монахи давали обѣтъ не имѣть никакой собственности. И нашлись — приняли. И монастырь опять наполнился, но ужъ совсѣмъ другими.

Жизнь поддерживалась подаяніемъ — богомольцы не обходили монастырь, его знаменитую святыню: чудотворный образъ.

Это тотъ самый образъ — «Никола — проби лобъ» — теперь одинъ изъ всѣхъ иконъ закрытый — въ серебряной кованой ризѣ, и только на Пасху, да царю, когда случалось, снималась риза и всѣмъ было видно: съ простертыми, какъ крылья, руками смотрѣлъ онъ — «архангелъ!» — и изъ разсѣченнаго лба запекшейся дорожкой кровь на бѣлый крещатый омофоръ, царь прикладывался къ головѣ и опять закрывали ризой.

Трудно, конечно, было при новыхъ порядкахъ, запасовъ никакихъ, да и не могло быть, не полагалось, и жили на волю Божью: есть что ѣсть, хорошо, а нѣту, да живы еще, и то слава Богу!

⁂

Въ одинъ изъ голодныхъ дней пріѣзжаетъ въ монастырь купецъ — не здѣшній, а слышалъ о чудотворномъ образѣ и о строгой жизни, вотъ и рѣшилъ побывать въ монастырѣ и милостыней помочь. Но онъ не одинъ, — привезъ съ собой человѣка: онъ подобралъ его на дорогѣ, на перекресткѣ; и человѣкъ этотъ мертвый: разбойники ли его убили или замерзъ! И проситъ похоронить.

Настоятель сейчасъ же распорядился: сдѣлали гробъ, положили несчастнаго — а вѣрно, что замерзъ: квелый и ледящій, какъ зайчатина свернулся! И поставили въ церковь, чтобы завтра отпѣть, и похоронятъ.

Купецъ отстоялъ всенощную, оставилъ въ монастырь на погребеніе и на утро, не дожидаясь похоронъ, поѣхалъ домой: дѣло не ждетъ.

Ѣдетъ онъ по дорогѣ и весело ему: привелъ Богъ! И, сколько проѣхалъ не замѣтилъ, подъѣзжаетъ къ тому самому мѣсту, къ перекрестку, гдѣ несчастнаго-то подобралъ, и слышитъ плачъ; пріостановилъ лошадь — плачетъ; слѣзъ — и видно: какой-то съежился, какъ птица, голову въ колѣни и горько плачетъ.

— Чего это ты? — тронулъ его купецъ.

И тотъ посмотрѣлъ такъ — а совсѣмъ еще мальчикъ!

— Сколько дней, — говоритъ, — ищемъ: отецъ у насъ пропалъ — пошелъ по этой дорогѣ: или замерзъ или волки съѣли.

Вздохнулъ купецъ — трудно о такомъ говорить — и сказалъ:

— Съ твоимъ отцомъ несчастье: я его съ этихъ мѣстовъ поднялъ и мертваго въ монастырь свезъ.

И тотъ вдругъ какъ встрепенется — и слезы пропали:

— Я туда пойду.

— Куда тебѣ! — и подумалъ купецъ: «такому! пѣшкова ѣзда не въ даль доведетъ!» — и стало его жалко: «придется, значитъ, вернуться!» — ничего, я тебя подвезу.

А какъ смотритъ! — и тихо и ясно.

— Похоронили, — сказалъ купецъ, — я и денегъ далъ на похороны. Что подѣлаешь, воля Божья.

И за купцомъ повторилъ, и вѣдь чудно-то какъ: обрадовался:

— Воля Божья.

Усадилъ его купецъ съ собой на коня и поѣхали. Не очень это пріятно, какъ возвращаться приходится, а тутъ купецъ не замѣчаетъ: всю дорогу спутникъ его разсказывалъ — и отъ его словъ было и тихо и ясно, вѣкъ бы слушалъ — сказки разсказывалъ!

Не замѣтили, какъ и пріѣхали, и прямо къ настоятелю.

— И опять я къ вамъ, — сказалъ купецъ, — давеча мертваго, а сейчасъ съ живымъ: сынишка ихъ!

— Похоронили, — сказалъ настоятель.

А купецъ проситъ: очень ему жалко мальчишку.

— Взглянуть бы, — говоритъ, — нельзя ли какъ: чтобы проститься?

— Придется разрывать могилу, — сказалъ настоятель и, взглянувъ на мальчика, почувствовалъ, что надо такъ сдѣлать.

Позвалъ братію и всѣ пошли на кладбище.

Отыскали свѣжую могилу, легко разбросали землю, подняли гробъ.

И когда открыли крышку — столбнякомъ одернуло

и языкъ одеревенѣлъ: не покойникъ лежалъ въ гробу, а весь гробъ до краевъ — золото.

— — —

А когда очнулись, мальчишки уже нѣтъ, исчезъ — — а это былъ ангелъ.

ПАСТУХЪ НАПУТАЛЪ

На томъ самомъ мѣстѣ, на перекресткѣ, гдѣ купецъ Казанцевъ ангела встрѣтилъ, построили часовню и обслуживалъ ее бывшій молиботскій инокъ Уаръ, отличившійся въ памятную ночь своимъ выдающимся безобразіемъ. Жилъ онъ около часовни въ келейкѣ и часто уходилъ въ городъ за сборомъ на поддержаніе часовни и себѣ на пропитаніе. Прохожіе, кому случалось въ Константинополь, считали своимъ долгомъ свѣчку Николѣ поставить, на чудного монаха посмотрѣть и исторію отъ него послушать о молиботскомъ чудѣ. Уаръ охотно и съ воодушевленіемъ разсказывалъ, и считалъ неменьшимъ долгомъ въ послѣсловіи заявить, что только благодаря попустительству Божью, которое его тогда возмутило, сдѣлался онъ знаменитымъ.

— Ну кто бы изъ васъ зналъ монаха Уара, не будь той ночи, когда въ мановеніе ока богатѣйшій изъ монастырей сталъ, какъ самая захудалая пустынь!

Не согласиться нельзя было: что вѣрно, то вѣрно, имя Уара само собой въ исторію никакъ бы не попало.

А наставительные люди прибавляли:

— Пути Господни неисповѣдимы и отбрыкиваться отъ напасти не годится.

— И надо ее бороть, а не расхлястываться! — вставляли ужъ самые наставительные.

И вотъ, какъ на смѣхъ, пошелъ Уаръ со сборомъ, а

пастухъ Маркеллъ — и сколько лѣтъ по близости пасъ стада, какой пастухъ! — ну точно со слѣпу человѣкъ не туда вткнется: забрался пастухъ въ келью и всю ветошь и сапоги и теплую шапку и подстилку, все до тряпки вынесъ, а въ часовнѣ — крестики, образки, свѣчекъ, сколько было, полбутылки деревяннаго масла. И все уволокъ на дорогу и въ оврагъ сложилъ: ночью къ себѣ перенесетъ въ хибарку.

— А дураку еще подадутъ, не обѣдняетъ!

И погналъ стадо.

Со звѣздами вернулся Уаръ изъ города, усталъ — всю дорогу думалъ о кашѣ, въ печуркѣ съ утра поставилъ, каша хорошо упрѣла, каши поѣстъ, потомъ выпьетъ чаю съ баранками и спать. А какой спать! — въ кельѣ оказалось такъ чисто, какъ, когда строили, было такъ чисто. Уаръ въ часовню, а въ часовнѣ — одинъ только образъ и передъ образомъ подсвѣчникъ — даже огарышки, и тѣ повынималъ, разбойникъ!

Уаръ стоялъ — не могъ посмотрѣть на образъ: это когда огорчитъ кто и руку тебѣ протянетъ мириться, а ты не м о ж е ш ь — но пересилишь себя и сразу, какъ воздухомъ дунетъ, легко.

Легко Уаръ взглянулъ на образъ — а съ образа смотритъ на него Угодникъ и словно говоритъ:

«Уаръ, я это дѣло поправлю!»

Хотѣлъ Уаръ лампадку поправить, а лампадка — это луна блеститъ!. — лампадка перевернута: пастухъ, какъ крестики, да образки срывалъ, головищей о лампадку задѣлъ!

Поклонился Уаръ и пошелъ въ свою пустую келью,

легъ на голую лавку, да чтобы поскорѣе заснуть, не думать о кашѣ, сталъ думать — отъ безсонницы вѣрное средство! — думать, какъ въ полѣ рожь колосится, это когда дунетъ вѣтеръ и пойдетъ все поле — —

А пастухъ — а какой вѣдь былъ пастухъ разсудительный: Маркеллъ! — кашу-то онъ къ себѣ припряталъ, навалился и весь горшокъ съѣлъ. И стало его распирать и пучить, воздуху нѣтъ! и не знаетъ, какъ уже скорчиться, чтобы посвободнѣй, въ глазахъ снуютъ мурашки, смерть!

И видитъ: старикъ вошелъ въ хибарку.

«Что ты, пастухъ, напуталъ? — и головой такъ, брови сжалъ, хмурый, — каши что ли не видѣлъ? или рванью обрадовался — или пролежанная подстилка теплѣе, мягче твоихъ шкуръ? Брось, говорю, валяться, неси все на мѣсто!»

— — —

Кое-какъ, гдѣ ползкомъ, гдѣ вприпрыжку, добрался пастухъ до оврага, взвалилъ на себя рухлядь и къ часовнѣ, у дверей и шваркнулъ. И назадъ въ хибарку, легъ и затаился.

«Ну, пастухъ, съ тебя довольно!»

И почувствовалъ Маркеллъ, какъ отлегло вдругъ — легко и ничего не больно! — и заснулъ спокойнымъ звѣрющимъ сномъ.

На зарѣ прохожій будитъ Уара:

—Что это тамъ въ часовнѣ у тебя непорядокъ: вся дверь завалена дрянью!

Вскочилъ Уаръ, думалъ, Богъ знаетъ что, да бѣгомъ къ часовнѣ: а тамъ — и все-то до послѣдней вере-

вочки цѣло и подстилка цѣла и шапка и сапоги, только горшокъ пустой — сожралъ разбойникъ!

И со слезами отъ радости открылся Уаръ прохожему о постигшемъ несчастьѣ.

— Да вотъ — — Угодникъ простилъ!

О ТРЕХЪ ИКОНАХЪ

При царѣ Львѣ Исаврѣ и патріархѣ Анастасіи жилъ въ Константинополѣ Ѳеофанъ, богатый и сильный человѣкъ, много онъ добра всякаго дѣлалъ и считалъ себя счастливымъ человѣкомъ. И правда, великое это счастье имѣть средства помогать людямъ, и какое несчастье, когда нечѣмъ — и есть одно только слово, которое, бываетъ, что и дойдетъ до ожесточившагося сердца, успокоитъ человѣка и укрѣпитъ, а какъ часто — да если бы еще на вѣтеръ! а то хуже, только растравитъ.

Жена Ѳеофана имѣла такое же отзывчивое сердце, была за-одно съ мужемъ, и оттого въ домѣ у нихъ всегда былъ ладъ. И оттого домъ ихъ всегда полонъ — къ нимъ тянуло людей и не только бѣдныхъ и странныхъ, которымъ они помогали, но и такихъ же, какъ они сами, одаренныхъ всякими благами и по судьбѣ удачливыхъ въ жизни.

И чѣмъ ближе подходили они къ бѣдѣ и несчастью бѣдняковъ и странниковъ, тѣмъ глубже проникало ихъ сердце желаніе: облегчить трудную жизнь съ непостижимой и какой жестокой судьбой. И дѣлая людямъ добро, не искали они себѣ за это славы — всѣ человѣческія похвалы и превозношенія казались пустымъ и совсѣмъ неважнымъ, если сравнить съ захватывающимъ чувствомъ счастья, какое испытывали они, помогая людямъ въ бѣдѣ. И правда, какъ надо оглохнуть, ослѣп-

нуть и одеревенѣть — и не увидѣть, не услышать, не почувствовать свѣтъ, звукъ и теплоту добра, отъ котораго сама тяжелая земля ощущается, какъ воздухъ, а легкій воздухъ, какъ дуновеніе.

***

Сидитъ Ѳеофанъ въ своей комнатѣ — ночь. И не можетъ онъ никакъ успокоиться и чувствуетъ себя несчастнѣйшимъ въ мірѣ и очень хорошо понимаетъ, что никто не виноватъ въ его несчастьѣ, только онъ самъ. Весь вечеръ ждалъ и еще была надежда поправить, а теперь такой часъ — поздно: а это-то и есть самое ужасное, когда видишь, что ждать нечего — поздно.

Много за день перебывало народу и какой-то — вотъ про него-то Ѳеофанъ и не можетъ забыть! — его-то онъ и ждалъ весь вечеръ: это былъ какой-то въ родѣ какъ заштатный священникъ и, видно, очень бѣдный... можетъ быть, запрещенный и не за злое дѣло, не такой онъ, а по слабости человѣческой.. или оклеветали, ну, мало ли чего бываетъ! — а пришелъ онъ всѣхъ позже и лѣзетъ внѣ очереди, и показалось Ѳеофану... не трезвый, и Ѳеофанъ съ сердцемъ ему сказалъ: «Идите, проспитесь и потомъ приходите!» — и тотъ молча и кротко повернулся и пошелъ.

Не можетъ простить себѣ Ѳеофанъ: и какъ это такъ случилось: такъ грубо отогналъ человѣка? а теперь гдѣ отыскать? — какъ поправить? Ни отыскать, ни поправить онъ не видѣлъ никакой возможности.

Въ домѣ давно всѣ спали, а онъ все сидѣлъ — и его взбудораженная совѣсть безпощадная мстила ему за всѣ его минуты счастья «добраго человѣка», который такъ грубо поступилъ съ человѣкомъ.

И ему показалось, — а ночью, да еще когда такъ, все очень чутко — ему почуялось, какъ будто кто-то на столѣ книги тронулъ. Поднялъ онъ голову — и сразу отлегло отъ сердца: какое счастье! сбоку за книгами сидѣлъ у стола —по грудь видно — тотъ самый заштатный священникъ и видно, отдышаться не можетъ, запыхался: спѣшилъ ли онъ или трудно было въ домъ попасть? — дѣйствительно, очень трудно въ домъ попасть.

«Какъ вы меня обрадовали: вернулись! — сказалъ Ѳеофанъ, — все время я о васъ думаю. Вы понимаете, я даже не спросилъ вашъ адресъ и... ваше имя, иначе какъ же отыскать? И какъ это хорошо, вы сами пришли, мнѣ такъ совѣстно».

Но тотъ не отозвался — тотъ только посмотрѣлъ спокойно, кротко и глубоко отъ самаго сердца и этимъ взглядомъ какъ бы говорилъ онъ отъ мудраго сердца спокойно и кротко:

«Что объ этомъ — мало ли чего бываетъ! — и не надо больше думать, вотъ я и вернулся...»

И Ѳеофанъ сказалъ:

«Вамъ что-нибудь нужно?»

«Мнѣ — ничего не надо!» — отвѣтилъ странникъ.

И Ѳеофану показалось, какъ будто свѣтъ заструился вокругъ его головы и плечъ — это такъ, будто ножницами вырѣзали изъ пространства его фигуру: голову по грудь, а тамъ, гдѣ прорѣзали ножницы, заструился свѣтъ.

И странникъ сказалъ:

«Если что нужно, ты меня позови — Николай, архіепископъ мирликійскій».

И свѣтъ хлынулъ изъ прорѣзи и лицо его развѣялось въ свѣтѣ.

***

Въ Константинополѣ жилъ знаменитый иконописецъ Аггей: онъ былъ извѣстенъ не только въ Византіи, но и въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ. Въ Константинополѣ Аггей былъ первымъ человѣкомъ. Но пришли другія времена, и славная доля византійскаго иконописца стала долей гонимаго и невольника.

Декретомъ царя Льва почитаніе иконъ объявлено было, какъ идолослуженіе.

И на первыхъ порахъ еще ничего — разрушали только священныя изображенія по улицамъ и на площадяхъ, а по церквамъ иконы подвѣшивались выше, чтобы трудно было прикладываться, но послѣ убійства комиссара Стахія — Стахій съ топоромъ самъ полѣзъ и сталъ рубить мозаичное изображеніе Спасителя надъ бронзовой дверью дворца, возмущенная толпа опрокинула лѣстницу и его разорвали! — послѣ такого эксцесса дѣло обернулось круче, и чѣмъ дальше, тѣмъ жестче.

Всѣ иконы велѣно было вынести изъ церквей и частныхъ домовъ — и сжигать, а иконопись, какъ «дѣло соблазнительное, противорѣчащее духу христіанства», запрещалась подъ угрозой штрафа, тюрьмы, ссылки и даже разстрѣла, хуже! — забьютъ кнутомъ въ циркѣ.

Подъ эту борьбу на иконномъ фронтѣ первымъ попалъ иконописецъ Аггей.

Съ Аггея взяли подписку, что онъ прекращаетъ свое ремесло и употребитъ свои знанія и искусство на дѣла полезныя для государства и прежде всего по своей спеціальности художника: на возбужденіе искусствомъ духовности въ человѣкѣ, а никакъ не изувѣрства. Аггей долженъ былъ закрыть свою мастерскую и распустить учениковъ. И еще съ него потребовали: внушить ученикамъ вредность своего ученья, — но отъ этого онъ от-

казался, потому что въ своемъ искусствѣ онъ ничего не видѣлъ ни вреднаго, ни соблазнительнаго, наоборотъ, его искусство возбуждало только духовность въ человѣкѣ. И тогда его отдали подъ надзоръ и объявили отвѣтственнымъ за учениковъ.

Безработный, подъ постоянной угрозой ареста, ссылки и кнута — въ самомъ дѣлѣ, какъ можно ручаться за другого, чего тотъ сдѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что лучшіе его ученики, а это очень хорошо понималъ Аггей, никогда не бросятъ его ученья! — Аггей жилъ одиноко, въ загонѣ, и писалъ мемуары.

И тѣ, кто заискивалъ передъ знаменитымъ художникомъ, теперь осуждали его — говорили, что слава его недоразумѣніе и что онъ бездарность, а хорошіе знакомые избѣгали съ нимъ встрѣчи, а друзья отреклись отъ него.

Ѳеофанъ былъ связанъ дружбой съ Аггеемъ. И его очень мучила судьба его друга; если бы дѣло заключалось только въ деньгахъ, онъ помогъ бы ему, но ему надо было дать не денегъ, а свободу!

Къ этому «бывшему» иконописцу Аггею, какъ оффиціально звался теперь знаменитый византійскій художникъ, отправился Ѳеофанъ послѣ той странной ночи, когда былъ онъ и самый въ мірѣ несчастный и счастливѣйшій изъ всѣхъ. Онъ пришелъ къ Аггею, къ своему другу, просить написать для него три иконы: «Спасителя», «Богородицу» и «Николу».

Если бы съ такимъ предложеніемъ явился съ улицы, Аггей, конечно, отказалъ бы, но отъ Ѳеофана онъ съ радостью принялъ заказъ. Ѳеофанъ разсказалъ ему о своей чудесной ночи и это еще больше побудило художника: онъ уже видѣлъ написанными эти три такія непохожія иконы — три образа: Спаситель, Богородица и Никола.

**
*

Заказъ былъ исполненъ. Все обошлось благополучно: работу никто не прерывалъ, ничто не отвлекало, не случалось, не было и обыска, который могъ бы все разстроить да еще и навлечь большія непріятности.

Со всякими предосторожностями Аггей принесъ иконы Ѳеофану.

Въ своемъ богатомъ домѣ въ самой лучшей комнатѣ, куда изъ постороннихъ никто не могъ проникнуть, Ѳеофанъ поставилъ ихъ въ рядъ: посередкѣ Спасителя, справа Богородицу, слѣва Николу:

«Спаситель» — какъ судія, распредѣляющій долю — судьба, дѣла которой человѣку непостижимы и человѣкомъ ощущаемы, какъ удача въ жизни — какъ промыселъ, т. е., какъ заботливость, предусмотрительность и предосторожность внѣ воли человѣка, или какъ боль, какъ какая-то «безпричинная» кара, постоянная неудача, тягчайшая и никакъ «непонятная» справедливость, «несправедливость», какъ выговоритъ отчаяніе;

«Богордица» — какъ воплощеніе беззавѣтнаго милосердія, нѣжнѣйшее сердце, которое уже тѣмъ только, что вотъ тихо бьется, умягчитъ и самую лютѣйшую боль и подыметъ сомкнутыя горемъ или безцѣльностью отяжелѣлыя вѣки;

«Никола» — какъ человѣкъ, такихъ сколько хотите, прошедшій всѣ человѣческія дороги бѣды и, конечно, какой-то вины и той простой радости, что вотъ живемъ мы всѣ на землѣ и, какъ хотите, при всѣхъ невзгодахъ, а

> вѣдь есть что-то такое, почему умирать никому не хочется, есть какіе-то уголки, которые держатъ, привязываютъ — къ улицѣ ли, къ полю, къ морю, къ горамъ, къ степи, къ лѣсу, или къ человѣку, ну, къ тому, кого или что человѣкъ любитъ; «Никола» — человѣкъ, котораго ничуть не страшно, но передъ которымъ совѣстно.

Замыселъ художника пришелся по душѣ: и Спасителя Ѳеофанъ увидѣлъ судіей, Богородицу милосердіемъ, и былъ несказанно обрадованъ, увидя въ Николѣ своего знакомаго «заштатнаго» священника — странника, который приходилъ къ нему.

Еще оставалось нелегкое дѣло: освятить иконы.

Ни одинъ попъ не согласился: очень строго — и кто бъ это захотѣлъ рисковать! — съ мѣста погонять и запретятъ да и въ тюрьмѣ насидишься, а станешь оправдываться, не очень-то поцеремонятся, живо зашьютъ въ мѣшокъ и въ море.

Ѳеофанъ былъ богатый и сильный — доступъ ему всюду. Съ патріархомъ онъ былъ знакомъ. И онъ рѣшилъ итти просить самого патріарха.

***

Патріархъ Анастасій былъ за одно съ царемъ: почитаніе иконъ онъ считалъ грубымъ пережиткомъ язычества, противнымъ духу христіанства, и искорененіе этой идолопоклонской повадки обязанностью всякаго истиннаго христіанина и прямымъ своимъ долгомъ, какъ главы церкви.

Патріархъ Анастасій былъ вдохновителемъ «иконоборческаго догмата»: анаѳемы —

противъ тѣхъ, кто изображаетъ матерьяльными красками образъ воплощеннаго Слова;
противъ тѣхъ, кто изображаетъ въ подобіи человѣка сущность и ѵпостась Слова;
противъ тѣхъ, кто изображаетъ ѵпостасное Единство и называетъ этотъ образъ Христомъ;
и тѣмъ, кто изображаетъ плоть, отдѣляя ее отъ Слова;
и тѣмъ, кто изображаетъ «Рожденнаго отъ Дѣвы» и этимъ раздѣляетъ Христа;
и тѣмъ, кто изображаетъ обожествленную плоть;
и тѣмъ, кто изображаетъ Слово, принявшее зракъ раба въ Свою Ѵпостась, —въ видѣ человѣка, и тѣмъ вводитъ четвертое лицо въ св. Троицу;
и тѣмъ, кто изображаетъ святыхъ красками, вмѣсто того, чтобы воспроизводить ихъ добродѣтели въ своей жизни.

И не безъ его участія изъ Константинополя высланы были всѣ монахи.

Но патріархъ Анастасій разсудительный человѣкъ: если бы это какой съ улицы толкнулся къ нему, то само-собой онъ не только отказалъ бы, но и привлекъ бы къ суду, какъ нарушившаго царскій декретъ, но Ѳеофанъ, правда, старорежимный, но во всѣхъ своихъ поступкахъ вполнѣ лойяльный. А кромѣ того, патріархъ Анастасій большой былъ любитель искусства и именно иконописнаго искусства: у него было рѣдкостное собраніе иконъ и главнымъ образомъ изъ иконнаго фонда, составленнаго изъ отобранныхъ иконъ по церквамъ и изъ упраздненыхъ монастырей.

И когда отъ Ѳеофана онъ узналъ, что иконы рабо-

ты такого мастера, какъ Аггей, онъ охотно согласился пріѣхать къ Ѳеофану освятить иконы.

Освящать иконы, конечно, совсѣмъ ни къ чему и, пожалуй, даже кощунственно, въ этомъ былъ глубоко убѣжденъ патріархъ, но вѣдь освященіе было для него поводомъ посмотрѣть иконы, и онъ условился съ Ѳеофаномъ о своемъ визитѣ.

По утру Ѳеофанъ и его жена были на обѣднѣ въ св. Софіи. Служилъ патріархъ. Было очень торжественно: присутствовалъ царь. Ѳеофану надо было выяснить, когда ожидать патріарха на освященіе, а подойти не было никакой возможности. Но патріархъ самъ вспомнилъ: архидьяконъ Дормедонтъ передалъ Ѳеофану, что святѣйшій прибудетъ послѣ всенощной.

Готовили ужинъ: ѳеофановскій поваръ постарался — меню изъ любимаго патріархомъ. Постороннихъ никого, только иконописецъ Аггей.

И патріархъ пріѣхалъ съ избраннымъ клиромъ. И прямо прошелъ въ комнату, гдѣ стояли иконы. Иподьяконы готовили кадило: синій дымъ росного ладана проникалъ душистыми цвѣтами и медовымъ воскомъ.

Патріархъ не скрывалъ своего восхищенія: «Спаситель» и «Богородица»!

— А это что за чучела? — обратился онъ къ Ѳеофану, вглядываясь въ образъ Николая-чудотворца.

Вспоминается, какъ одинъ развязный молодой человѣкъ, глазѣя по стѣнамъ, спросилъ хозяйку — барышню — показывая на портретъ: «это что за обезьяна?» и та не сразу: «мама», — и было тягостно и неловко, также и на «чучелу» отвѣтилъ Ѳеофанъ — —

— Николай мирликійскій! — рѣзко перебилъ патріархъ, — этому смердовичу здѣсь не мѣсто.

«Смердовичъ» отъ «смерда» — низкаго происхожденія: хотѣлъ ли патріархъ сказать, что рядомъ съ бо-

жественнымъ: божественной судьбой-судіей и божественнымъ милосердіемъ — сердцемъ всего міра — «звѣздой морей» такое человѣческое недопустимо, или замѣтилъ, что образъ Николы слишкомъ живописенъ и никакъ не икона?

Аггею онъ сказалъ:

— Такъ... этого писать нельзя.

А Ѳеофанъ долженъ былъ вынести икону — и онъ понесъ ее въ свою комнату, поставилъ къ книгамъ тамъ, гдѣ въ ту ночь явился его обрадовавшій странникъ.

Патріархъ служилъ молебенъ съ водосвятіемъ и освятилъ иконы: «Спасителя» и «Богородицу». Служба кончилась. Патріархъ разоблачался.

И тутъ одинъ старый священникъ, кажется, единственный изъ сохранившихся отъ старыхъ временъ въ клирѣ патріарха, тихонечко дернулъ Ѳеофана за рукавъ — Ѳеофанъ подумалъ совсѣмъ на другое и повелъ священника въ корридоръ. А старичокъ шепнулъ ему, что «Угодника онъ освятитъ!» И въ комнатѣ у Ѳеофана, заперевъ двери, священникъ скороговоркой прочиталъ молитву и припрятанной кропильницей окропилъ образъ святой водой. Счастливымъ вернулся Ѳеофанъ къ гостямъ, да и гости были довольны: время къ столу, а столъ — царскій.

***

За ужиномъ Аггей сидѣлъ съ партіархомъ. Тема — любимая патріархомъ: иконы, которыя онъ съ такой жестокостью гналъ во имя одухотворенія вѣры и искорененія языческаго элемента, — «искусство недоступное массамъ!» Аггей возражалъ: онъ указывалъ на чудотворные образа, какъ на примѣръ чудодѣйственнаго искусства, покоряющаго, какъ избранныхъ, такъ и убо-

гихъ. А на это возражалъ патріархъ, — что для массы любая чурбашка можетъ стать чудодѣйственной; и все сводилось къ тому, что сначала надо воспитать массы и тогда можно, что угодно. А выговоривъ свое принципіальное, патріархъ сказалъ слово: похвалу иконописцу Аггею, величайшему византійскому мастеру.

И когда онъ кончилъ, нежданно появился новый гость: это былъ эпархъ Ѳеофилактъ, приближенный царя Льва: къ Ѳеофану его привелъ слѣдъ Аггея.

Только подборъ винъ на всякаго любителя и знатока, а то бы разстроился вечеръ! Опытныхъ людей на бутылкѣ не поймаешь. Все шло гладко, и какъ будто такъ и полагалось: Аггей и Анастасій за однимъ столомъ у Ѳеофана. Ужинъ затянулся за полночь. Къ всеобщему удовольствію эпархъ Ѳеофилактъ такъ же, какъ появился, такъ и исчезъ. И безъ него сразу почувствовалась свобода и непринужденность.

Замѣтилъ Ѳеофанъ, какъ архидьяконъ Дормедонтъ щелкнулъ себя по воротничку, давъ понять, что надо еще вина, и, подмигнувъ, укоризненно скосился на патріарха: патріархъ держалъ въ рукѣ пустой стаканъ. Ѳеофанъ всталъ распорядиться. Но ему говорятъ, что вина нѣтъ — ни одной бутылки. Ѳеофанъ поднялъ на ноги весь домъ. Но опять-таки, что подѣлаешь, такой часъ — все закрыто.

Какая досада! Съ такимъ чувствомъ прошелъ Ѳеофанъ въ свою комнату: все-таки надо что-то придумать. А чего придумаешь? Не подавать же въ самомъ дѣлѣ патріарху послѣ самосскаго шабли? Ѳеофанъ, присѣвъ къ столу, взглянулъ на икону: она такъ и осталась у книгъ.

«Мнѣ очень неловко просить васъ объ этомъ, — сказалъ Ѳеофанъ, говоря, какъ тогда, какъ сидѣлъ у него на этомъ самомъ мѣстѣ странникъ, — но если мож-

но — — всѣ лавки закрыты, достать негдѣ!»

И всталъ — — пошелъ къ гостямъ.

И когда проходилъ онъ по корридору, бѣжитъ навстрѣчу Павелъ:

— Три бутылки достали! — запыхался, — три бутылки достали! — и прижимаетъ старыя, не разобрать даже что.

А когда разлили изъ этихъ бутылокъ, ну знаете, — ви-но! въ Вавилонѣ у царей Вавилонскихъ за столомъ такого не подавали: пей, не напьешься, еще!

Только на зарѣ патріархъ поднялся домой ѣхать — «съ миромъ изыдемъ!» — по слову архидьякона Дормедонта столпотвореннаго.

***

Дома патріарха ждали: въ ночь пріѣхалъ съ острововъ Василій Карминогенетъ, очень важный византійскій вельможа: съ его дочерью припадокъ — въ изступленіи. И проситъ патріарха возложить на нее евангеліе.

Очень некстати, но отказать невозможно. Патріархъ отпустилъ Василія, пообѣщавъ быть черезъ часъ: ему хотѣлось немного оправиться послѣ безсонной ночи. Но когда Василій уѣхалъ, онъ раздумалъ: утро было чудесное — шелъ тихій дождикъ.

И не распуская клира, патріархъ взялъ евангеліе отъ Луки и на корабль: плыть на островъ, гдѣ его ждутъ съ нетерпѣніемъ и вѣрой.

Какъ хорошо пасмурное утро на морѣ, и я не знаю, гдѣ дышется легче: на лугу, покрытомъ пестрыми звѣздочками, или надъ звѣздящейся тихой волной! Патріархъ вышелъ на палубу и подъ тихимъ дождемъ почувствовалъ, какъ укладываются его мысли, взбудораженныя безсонной ночью, какъ стебельками никнутъ онѣ и

устилается большая дорога — покой. Это чувство покоя, какъ волна — эта сѣрая живая волна вплывала въ глаза и плыла безконечная — —

— — — — — — — — — — —

И вотъ откуда что взялось, не узнать стало моря: какъ было тихо — волна наступаетъ и въ безвѣтріи рветъ вихрь; темное облако опустилось надъ кораблемъ — ночь. Патріархъ слышитъ: «погибаемъ!» кричатъ, и на мигъ молнія прорѣзала ночь: у борта стоитъ архидьяконъ Дормедонтъ, высоко подоткнулъ рясу, въ бѣлыхъ штанахъ: «погибаемъ!» кричитъ. И опять — ночь. Патріархъ поднялся, но только что сдѣлалъ шагъ, нахлынувшая волна ка-акъ бацнетъ по спинѣ, и онъ покатился: «погибаю!» кричитъ. И глотая волну, вспомнилъ, какъ еще въ дѣтствѣ молился, и единственное имя поднялось отъ сердца съ послѣдней надеждой — имя Николы. И почувствовалъ, какъ кто-то схватилъ его за руку — волна отхлынула — и онъ увидѣлъ: тотъ самый — съ иконы Аггея — заштатный священникъ: это онъ держитъ его за руку.

«Смердовича позвалъ! — сказалъ священникъ, но совсѣмъ безъ укора, — и развѣ онъ можетъ помочь?»

А патріархъ глядѣлъ на него и вѣря: «поможетъ!» — и виновато: все вспомнилъ.

«Ну, что тамъ! пойдемъ: я тебя на твой корабль посажу, плывите назадъ въ городъ».

И по скользящимъ волнамъ, какъ по скаламъ, повелъ его къ кораблю.

— — — — — — — — — — — —

На кораблѣ была большая тревога — едва живы остались! и въ суматохѣ, спасаясь, кто какъ могъ, никто не помянулъ о другомъ. Но когда буря затихла и опять всѣ узнали другъ друга, хватились — нѣтъ патріарха!

Большая была тревога. И вотъ когда, наконецъ, нашли — эка куда его забросило! и какъ это онъ уцѣлѣлъ! — отъ радости подняли крикъ.

И патріархъ, какъ отъ сна, раскрылъ глаза и не можетъ сообразить:

— Гдѣ мы?

— На пароходѣ, — отвѣчаютъ, — и всѣ мы цѣлы.

И разсказали патріарху, какой былъ страхъ — чуть не опрокинуло корабль! — и еще было страшнѣе, когда хватились — нѣтъ патріарха! — и нигдѣ его не могутъ найти.

— Я виноватъ передъ Николой, — сказалъ патріархъ, — а онъ меня спасъ.

И разсказалъ патріархъ, какъ тонулъ онъ и какъ на его зовъ явился Никола, взялъ его за руку и повелъ по волнамъ къ кораблю и, посадивъ на корабль, велѣлъ плыть назадъ въ городъ.

— «Смердовича позвалъ! — повторялъ патріархъ, — и развѣ онъ можетъ помочь?» —

— Можетъ.

Корабль плылъ назадъ въ городъ. Не повѣрить, что только что пронеслась гроза, такъ было ясно.

И когда вернулись въ Константинополь, патріархъ послалъ за Ѳеофаномъ: принести ему три иконы — работа иконописца Аггея: «Спаситель», «Богородица» и «Никола». Ѳеофанъ не могъ ослушаться патріарха и съ иконами не замедлилъ, явился въ домъ св. Софіи.

И тогда патріархъ Анастасій взялъ иконы и самъ поставилъ у св. Софіи: Спасителя, Богородицу и Николу.

***

Иконы изъ св. Софіи попали на Русь, ихъ всѣ знаютъ: въ Большомъ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ

Спасъ цареградскій — золотая ряса и Пирогощенская-Владимирская Божія Матерь, а на Вяткѣ Никола Великорѣцкій.

ГИМНОГРАФЪ ІОСИФЪ

«Иконный фронтъ» начатъ Львомъ Исавромъ, обоснованъ Константиномъ Копронимомъ на «лжеименномъ» соборѣ. По смерти Льва Хазара при Иринѣ новый соборъ — никейскій возстановилъ иконопочитаніе. Но и тридцати лѣтъ не исполнилось, опять принялись за старое: началъ Левъ Армянинъ, а кончилось только со смертью Феофила: ради чистоты вѣры такую опять встряску задали, только перья летятъ. Воспрещалось не только поклоненіе иконамъ, но и почитаніе Богородицы, святыхъ и мощей, да чтобы духу монастырскаго не было! — или просто говоря, мудровали надъ человѣкомъ: какъ ему правильно вѣровать.

Терпѣли вѣрующіе — которые попадались со своей вѣрой; монахи— только потому что монахи; досталось и писателямъ и поэтамъ-музыкантамъ.

Главное вниманіе было обращено не на тѣхъ, кто сидя въ эмиграціи — внѣ всякихъ репрессій — крикливо обличалъ антихристово правительство, кроша анаѳемой, какъ прибауткой, и не на тѣхъ, кто оплакивалъ прошлыя свободныя времена, сочиняя «плачи о погибели», — ни въ проклятіяхъ, ни въ плачѣ не было никакой опасности: брань на вороту не виснетъ, а плачъ —плачемъ душу отвести можно, но дѣла не сдѣлаешь. Опасными представлялись тѣ, кто въ сторонѣ отъ всякой борьбы дѣлалъ свое духовное дѣло, а дѣло, не какъ-ни-

будь сдѣланное, по самому своему духу подрывало «иконоборческій догматъ» и было большимъ соблазномъ для смирившихся поневолѣ. Такимъ надо было заткнуть глотку. Такимъ оказался византійскій поэтъ-музыкантъ Іосифъ, авторъ стихиръ и кановонъ — величальныхъ и покаянныхъ пѣсенъ.

Іосифъ — монахъ и съ нимъ можно было бы расправиться по монашески: можно было бы его публично женить, обезобразить, ну, отрѣзать, носъ, уши, а если и это не пройметъ, то въ мѣшокъ и въ море. Но Іосифъ очень популяренъ и съ нимъ поступили милостиво: его сослали на островъ Критъ и тамъ посадили въ тюрьму.

Много Іосифъ чего видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ: въ ранней молодости онъ долженъ былъ покинуть родину — это при первыхъ набѣгахъ арабскихъ корсаръ на Сицилію, жилъ одно время въ Салоникахъ, а потомъ ужъ поселился въ Константинополѣ. И теперь вспоминая «сарацинскія звѣрства» — какіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Константинополѣ: никакому сарацину не придетъ въ голову изъ-за вѣры такъ истязать человѣка!

Въ колодкахъ, съ цѣпью на шеѣ, какъ на арканѣ, провелъ Іосифъ въ тюрьмѣ шесть лѣтъ. И за этотъ срокъ собачьей жизни онъ написалъ семь кановонъ своему любимому образу, прославляя Николу — «свѣтозарную звѣзду — небеснаго человѣка, сидящаго на престолѣ архангела, которому служатъ ангелы, повинуется море, слушаетъ воздухъ, покоряются народы!».

Освобожденіе Іосифа изъ тюрьмы произошло чудесно.

Въ ночь подъ Рождество, запертый въ своей камерѣ, Іосифъ безъ книгъ служилъ всенощную, вспоминая

стихи Германа, Іоанна, Өеофана, Сергія и Романа, византійскихъ поэтовъ - гимнографовъ. И вдругъ явственно увидѣлъ передъ собой человѣка: это былъ сторожъ, закованный въ латы.

«Іосифъ, — сказалъ онъ, — по твоей любви я пришелъ къ тебѣ изъ Миръ Ликійскихъ, я принесъ тебѣ вѣсть — идетъ судъ Божій! — ты долженъ вернуться къ людямъ и укрѣпить ихъ данной тебѣ благодатью Духа».

И, подавая записку, велѣлъ ее проглотить.

Іосифъ взялъ изъ его рукъ клочекъ бумаги и, положивъ себѣ въ ротъ, сказалъ:

«Какъ пламенны умной гортани моей души написанныя слова!» — и, проглотивъ, воззвалъ:

Ускори щедрый и потщися яко милостивъ
На помощь нашу,
Яко можеши, хотяй!

(«Поспѣши на помощь, всеблагій и милостивый: ты все можешь, коли захочешь!»).

И какъ только произнесъ онъ эти слова, такъ и случилось: желѣзный арканъ сорвался съ его шеи и колодки распались.

И слышитъ голосъ:

«Слѣдуй за мной».

И увидѣлъ: его стражъ и вѣстникъ раздѣляетъ воздухъ и улетаетъ. И самъ онъ, какъ воспламененный, поднялся на воздухъ и полетѣлъ — —

Въ эту ночь царь Левъ Армянинъ былъ свергнутъ и убитъ. И на зарѣ великое славословіе разносилось по улицамъ Константинополя и среди освобожденнаго народа видѣли: Іосифъ!

О МОНАХѢ НИКОЛАѢ

Хартофилаксъ **Hagia Sophia** — архиварiусъ св. Софiи — Георгiй Декаполитъ, въ своей Похвалѣ вознесшiй мирликiйскаго чудотворца выше Моисея, Ильи и Iоанна, записалъ чудесный случай съ монахомъ Николаемъ, ученикомъ своего знаменитаго дяди, Симеона Декаполита, во время гоненiй на вѣру при царѣ Львѣ Заикѣ.

Симеонъ Декаполитъ, мудрѣйшiй изъ византiйскихъ старцевъ, былъ заключенъ въ тюрьму. И что было еще придумать, чтобы обезвредить общество отъ влiянiя закоснѣлаго «старообрядческаго» монаха, почитающаго иконы и святыхъ. Конечно, если бы захотѣлъ, Симеонъ давно бы могъ эмигрировать — за эти годы въ одну Калабрiю эмигрировало до пятидесяти тысячъ монаховъ, священниковъ и просто не пожелавшихъ подчиняться никакимъ декретамъ о вѣрѣ! — но Симеонъ считалъ, что какъ кто хочетъ, но онъ останется до смерти. Сидя въ тюрьмѣ подъ строжайшимъ надзоромъ, Симеонъ поддерживалъ постоянное общенiе съ Константинополемъ — такова сила его власти и обаянiя! — и не только съ Константинополемъ, а и съ далекой своей родиной — съ исаврiйскимъ Декаполисомъ. А это было очень трудно и исполнить порученiе старца могъ толь-

ко очень смѣлый и прѐданный вѣрѣ. А такимъ былъ самый молодой изъ учениковъ Симеона монахъ Николай. Помогалъ ему хартофилаксъ Георгій.

На вечерней зарѣ судно вышло въ море. Все благопріятствовало путешествію. А ночью сбились съ пути. И погода разстроилась. Плывутъ, не зная куда. Жуткій наступилъ часъ, когда поднялась настоящая буря. Гребцы выбились изъ силъ, сложили весла и легли на дно судна. Одинъ Николай остался стоять у руля. Но что онъ могъ поправить, окруженный со всѣхъ сторонъ грозой: драконы, свистя и шипя, бѣлымъ огнемъ лизали море, море вскипало и въ вскипѣ судно — ни впередъ, ни назадъ. Николай, обезсилѣвъ, закрылъ глаза. И не помнитъ, долго ли онъ былъ въ оцѣпененіи безъ чувствъ, а очнулся отъ сильнаго толчка и видитъ: въ бѣлыхъ ризахъ, по кипящей волнѣ шелъ старикъ —

«Встань, — сказалъ онъ, — и не поддавайся дремотѣ. Иди на порученное тебѣ дѣло — миръ тебѣ и благословеніе!»

И Николай смотритъ на удаляющагося бѣлаго старика — а это былъ Никола! — и не можетъ сообразить: такая тишина кругомъ и изъ-за быстро-бѣгущихъ тучъ мелькаетъ звѣзда.

Гребцы взялись за весла, Николай сталъ у руля. И тотъ путь, что дѣлали въ двѣ недѣли, судно проплыло за одинъ часъ.

СХОЛАРІЙ ПЕТРЪ

Командиръ самаго блестящаго «салоннаго» кавалерійскаго отряда — схоларій Петръ въ третій разъ попался въ плѣнъ къ арабамъ. Важная птица — и его перевезли въ самый центръ, въ Самару.

Дважды византійское правительство выкупало Петра — не малый кушъ перепалъ въ руки арабамъ. Если и теперь согласятся хлопотать за знатнаго плѣнника, арабы, конечно, заломятъ большую цѣну, византійцы будутъ торговаться, а ему сидѣть въ крѣпости и ждать — безъ срока.

Всякій разъ, попадая въ плѣнъ, Петръ давалъ обѣтъ: выпустятъ, онъ перемѣнитъ жизнь, все броситъ — и что можетъ быть цѣннѣе свободы! — и уйдетъ въ монастырь. Но какъ только его освобождали, обѣщаніе забывалось, — вѣдь жизнь такъ прекрасна! — и онъ возвращался къ прежней жизни, къ дѣламъ, которыя организовывались его волей, и суетѣ, спутницѣ всякихъ житейскихъ дѣлъ.

На работу его не гоняли, какъ другихъ арестантовъ, его берегли — его бѣлую одежду съ серебряной гривной. И постоянно одинъ, скованный, онъ лежалъ или молился.

И однажды видитъ онъ во снѣ, будто идетъ онъ по лѣсу и никого кругомъ, тишина, — и чѣмъ дальше онъ уходитъ, тѣмъ тише, и кажется ему, что уйдетъ онъ на

край свѣта и ему откроется, о чемъ онъ и не мечтаетъ — — но ему изъ яви мысли его прерываютъ: «какъ бы далеко ни уходилъ, а все равно — плѣнникъ! — и какіе тамъ края свѣта въ тюрьмѣ!» — и онъ, спохватившись, остановился: у дерева стоитъ Никола, какъ лѣсникъ-сторожъ.

«Ты просишь освободить тебя? Тебя освобождали, но ты всегда нарушалъ клятву. Что же ты клятвой-то, какъ въ игрушку играть задумалъ?»

Петръ проснулся, и ему очень совѣстно, оправданія онъ себѣ не находилъ: да, онъ обманывалъ — онъ поддавался привычной жизни, втягивался и отстать не могъ.

⁂

Между тѣмъ, велись переговоры: обѣ стороны торговались. И по передачѣ съ воли Петръ видѣлъ, что хорошаго ждать нечего: свои могутъ отъ него отказаться.

«И что за важная птица, — говорили въ Константинополѣ, — чтобы за него платить и платить безъ конца? да и талантикъ-то у него съ куриный носокъ, дѣлу безъ него уронъ небольшой, и не такіе командиры найдутся!»

Нѣтъ, ему надо самому отказаться: и не потому, что его ждетъ смерть или, въ лучшемъ случаѣ, жизнь «на покоѣ» — устраненнаго отъ всякаго дѣла только изъ-за несчастной случайности, возможной съ каждымъ, а потому что — жизнь его была пустой жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, что онъ такого сдѣлалъ, чтобы гордиться передъ людьми и требовать признанія себѣ и внимательности? Эта его погоня за славой? — и какъ надо принизить себя, чтобы довольствоваться похвалой, которая часто объясняется невысокой требовательностью, невѣжествомъ и дурнымъ слухомъ, и которую

очень легко добыть деньгами, а еще вѣрнѣе обѣщаніями! А постоянная интрига? — вѣдь всегда кто-нибудь мѣшаетъ или кажется, что мѣшаетъ, и надо всякими способами расчищать себѣ дорогу, а это значитъ, лгать, клеветать или что-то замалчивать, обходить кого-то — —

И опять ему снится: онъ дома въ Константинополѣ, въ своей комнатѣ, только все гораздо больше, длиннѣе и шире, чѣмъ это въ дѣйствительности — огромный столъ, книги и, какъ троны, стулья, а цвѣты, какъ змѣиныя пасти, картины съ великанами — и оттого въ комнатѣ очень тѣсно, а самъ онъ совсѣмъ маленькій, совсѣмъ незамѣтный; но этого недостаточно — на его глазахъ вещи ростутъ, завладѣваютъ пространствомъ; и онъ чувствуетъ, все равно, какъ онъ ни малъ, а вещи его вытѣснятъ, и то ничтожное мѣсто, какое занимаетъ онъ, отнимутъ у него; и онъ подбирается весь, руки такъ — ноги такъ, голову въ грудь, чтобы только какъ-нибудь удержаться, и видитъ: изъ цвѣтовъ Никола, но ужъ садовникомъ.

«Еще не наступилъ срокъ... а ты знаешь Симеона?»

«Какъ же, — отвѣчаетъ Петръ, — всѣ знаютъ: «нынѣ отпущаеши»!

«Молись ему».

Съ этой ночи Петръ молился Симеону.

И часто думалъ о немъ, вспоминая сказаніе о «срѣтеніи»: это когда послѣ обрѣзанія принесли Младенца въ храмъ и съ нимъ горлинокъ и голубятъ —

въ храмѣ былъ одинъ человѣкъ Божій, исполненный силою посвященія и силою добра, имя его Симе-

онъ и лѣтъ ему было сто двѣнадцать; было ему откровеніе отъ Господа міровъ, что не вкуситъ онъ смерти, пока не увидитъ Христа, Сына Божія, въ физическомъ человѣческомъ тѣлѣ; и когда онъ увидѣлъ Младенца, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Божественный міръ посѣщаетъ свой народъ, Господь міровъ исполнилъ свой обѣтъ!» Потомъ поднялъ Его высоко, окуталъ своей священнической одеждой и поцѣловалъ стопы Его: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего...»

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего...» — повторялъ Петръ и чувствовалъ, какъ съ этими словами входитъ въ его душу надежда, что произойдетъ что-то чудесное и измѣнитъ его жизнь.

Тюремный его режимъ рѣзко измѣнился: бывали дни, никто не входилъ въ его камеру, какъ будто его и не было, и цѣлый день онъ оставался безъ ѣды; прежняго береженія тоже не замѣчалось, а это плохой признакъ: съ переговорами, значитъ, заминка, а можетъ быть, свои отказались отъ него?

Извѣстія съ воли вскорѣ подтвердили догадку: византійцы отказались платить за него выкупъ. И онъ очутился въ рукахъ враговъ: что хотятъ, то съ нимъ и сдѣлаютъ.

А что дѣлать человѣку, если свои отъ него отказались, а здѣсь ему готовятъ смерть? Единственный выходъ: онъ долженъ какъ-то «выпрыгнуть» изъ самого себя. Вѣдь, все равно, если онъ и убѣжитъ, нельзя вернуться домой — тамъ ему нѣтъ мѣста, а здѣсь — рано или поздно палачъ выбьетъ изъ-подъ его ногъ скамейку, послѣднее, что онъ занимаетъ на землѣ. Человѣку, котораго загоняютъ съ двухъ сторонъ, никуда не скрыться, никакое подполье не поможетъ: ему дѣйстви-

тельно только и остается «выскочить» изъ себя — подняться надъ землей, и тогда и свои и здѣшніе столкнутся, и онъ свободно уйдетъ. Ему надо отказаться отъ этой земли, съ которой его хотятъ прогнать, отречься отъ жизни, въ которой ему нѣтъ мѣста, и духомъ начать жизнь надъ этой землей — надъ этой жизнью.

Ночью, ужъ не мечтая ни о какой волѣ — вѣдь эта самая воля была связана съ землей и жизнью! — Петръ собиралъ въ себѣ духовныя силы, чтобы укрѣпить себя — подняться надъ собой — своей волей надъ этой волей, въ камеру его вошли, онъ это почувствовалъ, и видитъ: два странника — одного онъ узналъ: Никола, и съ нимъ очень старый въ священнической одеждѣ. И тотъ старикъ въ священической одеждѣ подошелъ и эпитрахилью коснулся его: «Нынѣ отпущаеши...».

«Нынѣ отпущаеши раба Твоего...» — проговорилъ за нимъ Петръ и, напоенный силой, поднялся съ наръ и почувствовалъ, какъ ему легко вдругъ.

Дверь въ камеру была открытой — свѣтлой дорожкой таялъ слѣдъ уходившихъ странниковъ. И Петръ вышелъ по ихъ слѣду — —

— — — — — — — — — — —

Въ эту ночь папѣ Льву снится: два странника — Никола и съ нимъ въ бѣлой одеждѣ съ серебряной гривной; и Никола, показывая на своего спутника, говоритъ: «Я и Симеонъ освободили его. Поручаю тебѣ, посвяти его. Ты его увидишь въ церкви апостола Петра: его имя Петръ».

И когда Петръ, выбравшись изъ Самары, прибылъ въ Римъ и пришелъ въ церковь апостола Петра, папа

Левъ узналъ его. Петръ открылъ ему свое имя, разсказалъ о чудѣ — какъ спасся онъ изъ плѣна — и просилъ постричь его.

И монахомъ Петръ не вернулся домой въ Константинополь, а прожилъ жизнь на своей новой родинѣ — въ духѣ.

О ХРИСТОФОРѢ

Въ царствованіе Михаила-пьяницы, пославшаго въ Моравію первоучителей словянскихъ Кирилла и Мефодія, жилъ на островѣ Лесбосѣ въ Митиленѣ старикъ священникъ Христофоръ. Человѣкъ чистой вѣры и несомнѣнной, умѣлъ онъ на все отвѣтить — и на житейское и на духовное — ясно и твердо. И потому пользовался большимъ довѣріемъ какъ отъ прихожанъ, такъ и отъ постороннихъ: и если даже и не согласенъ съ нимъ, все-таки знаешь, что вотъ человѣкъ — по совѣсти неподкупно и безкорыстно по своей вѣрѣ, въ свѣтѣ этой вѣры такъ разсуждаетъ, и отвѣтъ у него одинъ и другого нѣтъ и не можетъ быть, ни про-себя, ни за твоей спиной. У Христофора не было этого лукавства, и такимъ его всегда знали. А времена бывали лукавыя: то за икону гонятъ, то за святыхъ преслѣдуютъ! — а ужъ извѣстно — тамъ, гдѣ преслѣдованія, тамъ подходящій случай свои счеты сводить, и надо было постоянно лавировать, чтобы удержаться, а то живо либо свой тебя подсидитъ, либо чужой спихнетъ. И за всѣ эти годы, не такіе, какъ теперь, когда кончилось наконецъ гоненіе, Христофоръ пронесъ свою вѣру: всякій годъ съ большимъ рискомъ отправлялся онъ моремъ въ Миры, на праздникъ, и назадъ вернется, привезетъ и камушковъ съ могилы и мира отъ гроба и всѣмъ раздастъ и разскажетъ, какъ будто и самъ съ нимъ тамъ побылъ, хорошо раз-

сказывалъ, и большое было утѣшеніе людямъ. Опасно стало жить и въ особенности на островахъ, имъ всѣхъ больше доставалось: каждую весну съ Крита нападали арабы, и не было весны — всегда слышно: то тамъ, то тутъ, ну, какъ саранча. Конечно, зимой много тише, но вѣдь и то сказать: чѣмъ больше добыча, тѣмъ смѣлѣе — обнаглѣли!

Плылъ Христофоръ съ паломниками хорошо, да на полдорогѣ стопъ: арабы! — и всѣхъ до одного на Критъ въ Хандаксъ. И тамъ на базарѣ плѣнниковъ, какъ водится, раздѣлили на три категоріи: однихъ продать — это все молодые и здоровые, годные на работу — купецъ найдется изъ Сиріи, Египта, Месопотаміи, ишь изъ-подъ чалмы перемигивается, всѣхъ разберутъ: кого въ Бассору, кого въ Геджасъ, кого на Нилъ, кого въ Андалузію; а другихъ засадятъ въ тюрьму — это тѣ, кто познатнѣ и побогаче — за нихъ хорошій выкупъ можно сорвать; а третьихъ — это слабые и старики — съ ними не няньчиться же, такая ужъ судьба: конецъ.

Христофору выпала на долю судьба: конецъ.

И когда палачъ, переходя по рядамъ, сталъ рубить головы спутникамъ Христофора, и его очередь приближается, вспомнилъ Христофоръ свои грѣхи за всю свою жизнь.

«И мало бы, что человѣкъ хочетъ жить по правдѣ и давать людямъ только полезное для ихъ души, но часто не хватаетъ мудрости въ человѣкѣ, не умѣешь подойти къ самому живому въ человѣкѣ, а разбередишь только внѣшнее и отъ твоей правды не свѣтъ, а горечь останется — добраго не пробудишь, а злыя намѣренія укоренишь! то же и со слабостями человѣческими и главной — ропотъ, и вѣдь часто не знаешь, что еще выйдетъ отъ твоего затруднительнаго положенія въ твоихъ дѣлахъ, а ужъ ропщешь, а потомъ — слава Богу,

что такъ произошло, вѣдь эта бѣда оградила отъ еще большей бѣды, или вѣдь эта бѣда была толчкомъ для какого-то твоего дѣла, отъ котораго тебѣ лучше теперь жить на землѣ!»

Такъ вспоминая все свое, какъ это было въ жизни на мѣстѣ въ такой-то день и въ такой-то часъ, проситъ Христофонръ простить ему — теперь онъ понимаетъ, что это не то было, не такъ было жить, и если скажутъ, начинай все сначала, какъ мало, что онъ повторилъ бы, и проситъ Христофоръ чудотворца, котораго онъ почиталъ въ жизни, какъ своего руководителя и заступника въ духовномъ мірѣ, проситъ его, какъ человѣка заступиться — смягчить заслуженную имъ кару.

Палачъ подошелъ къ Христофору и дернулъ его за руку, чтобы голову наклонилъ.

И Христофоръ, взглянувъ въ послѣдній разъ, увидѣлъ палача, топоръ и очень ясно: за палачемъ — Никола, какъ рисуютъ на иконахъ, только руки не такъ — а такъ, будто показываетъ Христофору: «не бойся, молъ, дурного ничего не будетъ!»

И почувствовалъ Христофоръ отъ этого взгляда такую теплоту, и весь страхъ, что морозомъ пробѣгалъ по немъ, пропалъ: спокойно наклонилъ онъ голову подъ топоръ — и слышитъ, какъ со свистомъ пронеслось надъ нимъ.

Это топоръ, выбитый изъ рукъ палача, просвистѣлъ надъ его головой.

Не понимаетъ палачъ: или это чьи-то шутки? или рука сорвалась? — и онъ схватилъ другой топоръ.

Но и другой топоръ, какъ выбило изъ рукъ, высоко пролетѣлъ — и тамъ упалъ.

— Ты что-жъ это, — сказалъ палачъ, — ты это колдуешь? Куда дѣвалъ топоръ?

Христофоръ поднялъ глаза и увидѣлъ Николу: Ни-

кола стоялъ рядомъ съ палачомъ и спокойно смотрѣлъ.

Христофоръ сказалъ:

— Твой топоръ Никола взялъ.

— Гдѣ? — палачъ оглянулся.

И никого не увидѣлъ.

И почувствовалъ, какъ тяжесть отяготила его руки, почувствовалъ, что очень усталъ и ему бы присѣсть хоть на минуту, и сказалъ лѣниво:

— Никого не вижу — какой Никола?

— Святой Никола, — сказалъ Христофоръ, — чудотворецъ.

— Чудотворецъ, — повторилъ палачъ и точно что-то вспомнилъ, — да, я отъ многихъ слышу это имя, это вѣрно.

Въ третій разъ онъ не взялъ топора, а подозвалъ другихъ — ихъ очередь за Христофоромъ. И когда они подошли, объяснилъ имъ дорогу.

И Христофоръ увидѣлъ Николу: за палачомъ стоялъ Никола и лицо его свѣтило — благословенный свѣтъ! — и Христофоръ поклонился ему и за то, что далъ ему жизнь, и за палача, что освободилъ палача отъ убійства, и за тѣхъ несчастныхъ, что ждали за нимъ горькой смерти.

Всѣ они — ихъ было четверо — пошли, какъ указалъ палачъ. И вышли на дорогу къ морю. Не оставили ихъ добрые люди, посадили на корабль. И на кораблѣ вернулись они домой на островъ.

СКВОЗЬ БЕЗДНУ

Патріархъ Меѳодій, второй біографъ мирликійскаго чудотворца, возвысившій его надъ Моисеемъ и Ильей, авторъ Похвальнаго слова, написаннаго для Теодора, византійскаго посла, къ Людовику Благочестивому, и другого Слова съ описаніемъ посмертныхъ чудесъ — греческихъ сочиненій, отъ которыхъ идетъ латинское житіе, составленное Іоанномъ, неаполитанскимъ дьякомъ, разсказываетъ чудесный случай со своимъ отцомъ.

**
*

Меѳодій родомъ изъ Сиракузъ, съ занятіемъ Сициліи арабами вынужденный покинуть родину и поселиться въ Константинополѣ, возведенъ былъ въ патріархи при царѣ Михаилѣ - Пьяницѣ, отецъ же его Іоаннъ родился, жилъ и померъ въ Сиракузахъ.

Еще не было никакого писаннаго житія, а разсказы о чудесахъ мирлійкійскаго чудотворца были широко распространены, какъ въ Византіи, такъ и въ Италіи. Іоаннъ съ дѣтства привыкъ чтить чудотворца и образокъ его носилъ на шеѣ вмѣстѣ съ крестомъ.

Однажды случилось ему ѣхать изъ Сиракузъ въ Отранто. Въ Іоническомъ заливѣ поднялся сильный вѣтеръ, да такой, что хоть отъ берега и было близко, а

пристать кораблю никакъ нельзя. Нашлись смѣльчаки плыть въ лодкѣ. Понасажалась полная лодка. И когда взялись за весла, прыгнулъ въ лодку Іоаннъ — лодка перекувырнулась и всѣ пошли ко дну.

«Подъ водой, захлебываясь, одна мысль пронеслась у меня, одно имя: Никола, — разсказываетъ Іоаннъ, — и я увидѣлъ чудотворца, схватился за его фелонь и онъ, прикрывая меня, какъ крыльями, вынесъ, проведя сквозь бездну и поставилъ на берегъ».

Слово въ слово расказывали ту же чудесную исторію и спутники Іоанна: одна только мысль, какъ молнія, пронеслась у нихъ о чудотворцѣ, и они спаслись.

А о погибшихъ говорили:

«А эти ничего не подумали и вотъ, оставленные на свои силы, погибли!»

О ДВУХЪ СОСУДАХЪ

Въ царствованіе Льва Мудраго - «Философа» въ Византіи рождались только дѣвочки. Такъ и полагается рождаться музамъ, когда царь поэтъ, авторъ стихиръ, тропарей и величаній, писавшій подъ псевдонимомъ «Византій».

И только въ десятый годъ нежданно-негаданно появился на свѣтъ многочисленный выводокъ мальчишекъ. Такъ случилось у всѣхъ сосѣдей знаменитаго византійскаго калиграфа — доброписца Августарія: Илья роди Льва, Александръ роди Сергѣя, Василій роди Ивана. И самъ Августарій роди Михаила.

Ни Илья, ни Александръ, ни Василій ничего такого не домогались и далось имъ это безо всякихъ, наоборотъ, они заготовили каждый по женскому имени — одно для всѣхъ: имя Божіе — Ирина. Августарій же имѣлъ семь дочерей — Діалектику, Реторику, Геометрію, Арифметику, Астрономію, Грамматику и Музыку, всѣ погодки; и какъ бы онъ ни надсаживался и ни старался, расчитывать на сильный полъ онъ не имѣлъ основанія, а между тѣмъ онъ одинъ хорохорился, хвасталъ, что, какъ пить дать, будетъ мальчишка. А говорилъ онъ такъ увѣренно, не потому что хотѣлъ имѣть сына — мало ли чего хочется! — а потому, что вѣрилъ, что не можетъ не быть сына: если у него родится сынъ, онъ пообѣщалъ золотой сосудъ, самъ онъ этотъ сосудъ све-

зетъ въ Миры Ликійскія и поставитъ передъ образомъ чудотворца.

Постоянная баталія въ домѣ — семь музъ! — ему надоѣло: онъ человѣкъ тихій, дѣло его упорное, кропотливое, требуетъ тишины и покоя. Да и какой прокъ: музы! — онъ мечталъ о мальчишкѣ, съ которымъ будетъ ходить по субботамъ въ баню: Мишка впереди съ вѣникомъ, Августарій за нимъ съ узелкомъ; еще будетъ Мишка бѣгать въ лавочку за папиросами и бумагой, разрѣзать листы — и понемногу научится тому единственному почерку, какимъ славился Августарій — «перу августаріеву» съ паутинной запутанной вязью.

«Для каждой литературной формы есть своя начертательная форма, — училъ Августарій, — каждое литературное произведеніе должно быть написано по своему, а написать какъ-нибудь, значитъ разрушить форму, а разрушить форму и обезсмыслить — одно и то же».

За царемъ Львомъ стихи сочиняли всѣ министры и всякіе начальники, а кто ничего не умѣлъ придумать, заказывали на сторонѣ и выдавали за свое. Искусные каллиграфы были въ большомъ спросѣ, но платили имъ за работу очень мало, а бывало, что и ничего, только пообѣщаютъ. Кое-что перепадало отъ частныхъ лицъ, — званіе поэта было въ тѣ времена самымъ почетнымъ!

И когда у Августарія родился сынъ, онъ могъ заказать себѣ самый простой, самый дешевый — игрушечный стаканчикъ, да и то только потому, что золотыхъ дѣлъ мастеръ тотъ самый Илья, который роди Льва, сосѣдъ, поставилъ по своей цѣнѣ.

Оставалось отвезти сосудъ въ Миры, но это очень сложное дѣло: морское путешествіе стоитъ не малыхъ

денегъ, да и въ домъ надо на пропитаніе музъ. И прошелъ не годъ, не два — Мишкѣ исполнилось пять, вотъ только когда скопилъ Августарій денегъ и могъ начать сборы. А за эти годы очень привыкъ къ стаканчику: ему онъ — подкрѣпительная мѣра, а Мишкѣ — игрушка, и разставаться ему со стаканчикомъ не хочется, а Мишкѣ даже и сказать побоялся.

И не все ли равно, какой сосудъ онъ повезетъ: этотъ ли любимый или другой? — важно, исполнить обѣщаніе; да и не взыщетъ Угодникъ: онъ же все понимаетъ!

И пошелъ Августарій не къ Ильѣ, а къ серебрянику Василію, что роди Ивана, и все на чистоту разсказалъ Василію — и сосѣдъ смастерилъ ему точно такой же, только серебряный, а денегъ не взялъ: подождетъ.

***

Августарій забралъ стаканчики: золотой любимый и серебряный — жертву, и съ Мишкой на корабль. Провожать вышли всѣ семь музъ и Мишкинъ крестный Александръ, что роди Сергѣя: крестнику на дорогу полпалки шоколаду принесъ: половинку своему отдалъ, а другую половинку Мишкѣ. И поплылъ корабль изъ Константинополя прямымъ рейсомъ въ Миры Ликійскія.

Въ дорогѣ все было хорошо: какая погода! и сосѣди, все паломники въ Миры, народъ бывалый! Августарій и новостей наслушался — чудесныя исторіи, и самъ разсказалъ свою о Мишкѣ — о его чудесномъ протовоестественномъ появленіи на свѣтъ, и о стаканчикахъ: золотомъ любимомъ и серебряномъ — жертвѣ; и выспался-то за сколько ночей и картинами природы налюбовался, а Мишка — изъ этого выйдетъ толкъ! — наловчился за дорогу спички зажигать: вынетъ Августарій

изъ портсигара папиросу, встряхнетъ, стукнетъ о колѣнку, а уже спичка есть — горитъ!

На закатѣ третьяго дня близко къ Андріаки — Мирскій портъ — пароходъ пошелъ тише. И такая тишина была на морѣ: видно — и безъ всякаго увеличительнаго стекла! — въ голубой водѣ золотыя рыбки плаваютъ. А Мишка раскапризничался: надоѣло ему или еще съ чего, ну, ничѣмъ не уймешь, выдумалъ: назадъ домой поѣду! И чтобы его развлечь, далъ ему Августарій любимый золотой стаканчикъ.

— Поймай стаканчикомъ рыбку!

Такъ бывало дома, если долго ожидать приходилось съ Мишкой на почтѣ или у заказчика и, случись, песъ обнюхиваетъ, говорилъ Августарій Мишкѣ: «держи собачку за хвостикъ!».

Мишка ухватилъ стаканчикъ, перегнулся черезъ бортъ, черпанулъ въ стаканчикъ золотую рыбку да чего-то поспѣшилъ — и кувыркъ со стаканчикомъ въ воду. Вотъ тебѣ и поймай рыбку! Тутъ кто съ багромъ, кто поясъ кидаетъ, всѣ кричатъ: хватайся! — а его вѣрно подъ корабль подмыло, никакъ не могутъ выловить: кончено — утонулъ.

И пришлось Августарію одному на пристань высаживаться и одинъ безъ Мишки пріѣхалъ онъ въ Миры: ночь ѣхалъ и поспѣлъ въ церковь, еще обѣдню не начинали. И всѣ богомольцы — все паломники, вмѣстѣ ѣхали — знаютъ о его несчастьѣ, всѣ ему сочувствовали, но помочь не знаютъ какъ: и рады бы вернуть Мишку, да ужъ не въ волѣ это человѣческой.

Подошелъ Августарій къ образу Николая чудотворца и серебряный стаканчикъ — жертву свою за Мишку поставилъ. Но только что хотѣлъ приложиться, стаканчикъ, какъ швырнется и отскочилъ на самую середку. Пошелъ Августарій, поднялъ съ пола — какіе неловкіе,

этакъ и подсвѣчникъ когда загремитъ! — и опять поставилъ. А стаканчикъ-то опять — и тутъ ужъ винить некого! — эна его куда, еще дальше!

И всѣ смотрятъ и удивляются: чего это сила не принимаетъ?

— — —

Понялъ Августарій: не угодна его жертва! И съ пустыми руками, холодными, стоялъ передъ образомъ: золотого стаканчика нѣтъ, онъ виноватъ, но онъ его и не собирался отдавать:

«Привыкъ... а у Мишки отнять — обидѣть, и развѣ онъ пойметъ — жертва!».

Холодныя были руки, а на сердцѣ еще холоднѣе — — и вдругъ точно теплая волна прошла и руки налились, онъ поднялъ глаза — не вѣритъ: Мишка! Мишка тутъ же у образа стоитъ и золотой стаканчикъ въ карманъ себѣ прячетъ.

Позабывъ, что это въ церкви, бросился Августарій: да какъ же это такъ? откуда взялся? — не знаетъ, что и спросить.

А ужъ кругомъ обратили вниманіе, подходятъ, прислушиваются — узнали Мишку.

А Мишка говоритъ:

— Меня дѣдушка привелъ.

— Какой, кто?

— Да такой, — Мишка показалъ на образъ, — на осликѣ вмѣстѣ прискакали, до самой церкви.

Августарій взялъ оба стаканчика и поставилъ передъ образомъ — и стаканчики, какъ въ гнѣздышко сѣли. И загорѣлись, ну свѣчи: золотыя и серебряныя! — «принялъ, значитъ, Угодникъ, простилъ».

⁂

И что же вы думаете, это ужъ на возвратномъ пути, какъ подъѣзжать къ дому, замѣчаетъ Августарій, что Мишка чего-то за карманы все держится и самъ лукаво посматриваетъ — и догадался Августарій и даже оробѣлъ:

— Мишка, ты отъ Угодника стаканчики свиснулъ?

— Нѣтъ, — щерится Мишка, — мнѣ ихъ самъ дѣдушка отдалъ: мнѣ, говоритъ, они ни къ чему, у меня полно небо звѣздъ: золотыя и серебряныя, а тебѣ будетъ поиграться!

ЛЮТНЯ

Въ царствованіе Василія Болгаробойца жилъ въ Константинополѣ странный человѣкъ и имя у него было непростое: Купало. А знали его въ Константинополѣ всѣ отъ мала до велика: одни за его чудесную игру на лютнѣ, другіе какъ ходячую притчу во языцѣхъ — очень ужъ чудной и образъ его жизни, ни на что непохожій. Онъ не выступалъ ни на какихъ собраніяхъ и вечерахъ, онъ никогда не игралъ для людей и потому жилъ въ большой бѣдности. Зарабатывалъ онъ себѣ на хлѣбъ не музыкой, а безсловесной ролью въ циркахъ, на что поставятъ: изображая камень, дерево, звѣря и человѣка; и еще въ родѣ фокусника, умѣлъ въ носъ себѣ вставлять гвозди: въ одну ноздрю вставитъ, изъ другой гвоздь выскочитъ; глоталъ огонь и ходилъ на головѣ. А игралъ онъ только въ церкви: рано по утру и вечерами. Любители послушать лютню отправлялись въ Петровскій монастырь къ Золотымъ воротамъ. Въ монастырѣ была икона Іоанна Предтечи: Предтеча изображенъ былъ среди пустыни крылатый съ крестомъ. Передъ этой иконой становился Купало и игралъ на лютнѣ.

И странная это была музыка: песнь — пустыня, демонское море, лилія архангела, метелица Иродіады. Зачарованные слушатели никогда не замѣчали, какъ, окончивъ играть, Купало исчезалъ изъ церкви.

⁂

Въ Иваному ночь въ Константинополѣ произошло событіе, отмѣченное по всей Византіи: изъ царской кладовой — мѣста недосягаемаго похищенъ былъ мѣшокъ съ золотомъ, причемъ воры, сорвавъ царскую печать, тутъ же ее и бросили. На утренней повѣркѣ установленъ былъ недочетъ мѣшка, обнаружена сломанная печать, но никакихъ человѣческихъ слѣдовъ. По повелѣнію царя, немедленно заперевъ городскія ворота и заставы, приступили къ повальному обыску.

Весь день до ночи работаетъ полиція и безъ результата: ни мѣшка, ни вора. И тутъ доносятъ, что небезызвѣстный музыкантъ купилъ себѣ новую пиджачную пару и притомъ обѣдалъ. Невѣроятно, откуда у музыканта такія длинныя руки? — но откуда же новенькій пиджакъ, и обѣдалъ? «По моему слѣдуетъ его обыскать!» «Обыскать, все равно всѣхъ обыщемъ». Полицейскіе поспорили другъ съ другомъ: дѣйствительно, невѣроятно! И не сразу, а когда пришла очередь, подъ утро добрались до дома, населеннаго такой же бѣднотой, и полѣзли на его голубятню.

Комната ничего — чисто, только очень ужъ тѣсно, на стѣнѣ лютня, а подъ лютней — и тутъ на минуту всѣ какъ остолбенѣли: онъ самый — мѣшокъ! — мѣшокъ прислоненъ къ стѣнкѣ. И спрятать, значитъ, не догадался. А самъ дрыхнетъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Ну, и хлюстъ!

— Ты какъ же это мѣшокъ уволокъ, а еще музыкантъ!

А онъ спросонья чего-то бормочетъ, святыхъ поминаетъ. Скрутили ему назадъ руки и съ мѣшкомъ и лютней прямо къ царю.

И передъ царемъ — еще по дорогѣ очухался — онъ

и не отпирается: мѣшокъ у него дѣйствительно царскій, но онъ его не бралъ.

— Какимъ же манеромъ мѣшокъ очутился у тебя?

— А это Никола: вспомоществованіе мнѣ отъ Предтечи.

— Очень интересно, — говоритъ царь.

И всѣ насторожѣ: слушать: музыкантъ — разбойничій разсказъ.

***

Вечеромъ, какъ всегда, Купало пришелъ въ церковь играть, сталъ на свое мѣсто и, взглянувъ на икону — не увидѣлъ Предтечи: Предтечи не было въ пустынѣ. Не зная, что и думать, вышелъ онъ изъ церкви, и идетъ такъ по улицѣ и видитъ: Предтеча входитъ въ сосѣдній Молиботскій монастырь. Купало за нимъ. Въ монастырѣ кончилась всенощная, но церковь была открыта. И когда Купало слѣдомъ за Предтечей вошелъ въ церковь, онъ увидѣлъ, что навстрѣчу имъ идетъ старикъ. «Что привело тебя къ намъ? — спросилъ старикъ, и, показывая на Купалу: — а это кто такой?» «Музыкантъ, — отвѣтилъ Предтеча, — я пришелъ просить тебя за него. Ты знаешь, у меня нѣтъ на землѣ дара помогать людямъ въ нуждѣ, а ты, Никола, ты можешь — тебѣ это дано. Этотъ музыкантъ сколько лѣтъ каждое утро и вечеромъ играетъ мнѣ на лютнѣ». — «Пойдемъ за мной!» — сказалъ Никола, обращаясь къ Купалѣ. Когда они вышли изъ церкви, была глубокая ночь. Запоздалые и подгулявшіе прохожіе могли замѣтить двухъ странныхъ путниковъ: сгорбленный старикъ, очень живой, и за нимъ долговязый съ лютней. Шли они молча. Велъ старикъ: онъ все вглядывался, точно припоминая улицы, иногда, спохватившись, поворачивалъ назадъ. Такъ, колеся, они

дошли до площади. Старикъ остановился и, что-то подумавъ, направился прямо ко дворцу. Спутникъ его покорно слѣдовалъ. А когда они подошли къ двери, часовые и усомъ не шевельнули, словно никого и не было. Дверь сама собой открылась. И они очутились въ длинномъ корридорѣ. Горѣли яркія лампадки и издали видно было, какъ въ глубинѣ ходятъ часовые. Но когда они проходили, часовые, какъ зачарованные, застывали на мѣстѣ, кого какъ застанетъ. И другая дверь сама собой раскрылась. И они спустились по лѣстницѣ въ освѣщенную кладовую. Большая зала и по стѣнамъ навалены мѣшки до потолка. Старикъ, показывая на мѣшки: «Выбирай любой!» А Купалѣ чего-то страшно. «Чего жъ ты боишься — это тебѣ за твою вѣрность! — и, выбравъ мѣшокъ, взвѣсилъ его на рукѣ, — бери этотъ!» Но Купало не рѣшился: на мѣшкѣ сургучомъ была припечатана красная царская печать. Старикъ сорвалъ печать. «Неси, на твой вѣкъ хватитъ!». И такъ же незамѣтно вышли они на улицу. И до самаго дому проводилъ его старикъ, на голубятню взобрался, присѣлъ къ столу. «А ну ка поиграй, давно не слышалъ».

— И я взялъ лютню — —

При этихъ словахъ веревка упала съ рукъ Купалы, свободный онъ взялъ лютню.

И странная это была музыка: пески — пустыня, демонское море, лилія архангела, метелица Иродіады. Зачарованный слушалъ царь и вся слѣдственная комиссія и полицейскіе, и кончивъ играть, Купало стоялъ съ опущенными руками — ждалъ себѣ приговоръ, а этого не замѣчали, онъ могъ бы свободно выйти на улицу, не замѣтили бы.

Ударившій въ окно лучъ іюньскаго солнца пробудилъ царя.

— Деньги твои, — сказалъ царь, — а мѣшокъ мой: ты его дай мнѣ — рука чудотворца его коснулась, и для меня онъ дороже золота.

И взялъ царь мѣшокъ, а деньги взялъ Купало.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

У царя Константина Мономаха былъ одинъ приближенный — Епифаній, человѣкъ правильной жизни и мудрый совѣтникъ. Онъ былъ очень богатый и извѣстенъ въ Константинополѣ: когда случалось какое-нибудь несправедливое дѣло, обращались къ Епифанію и могли быть надежны: Епифаній всегда разсудитъ и заступится передъ царемъ.

Понадобился Епифанію человѣкъ по хозяйству, а это очень просто: неподалеку отъ Константиновскаго рынка Хлѣбная биржа, и тамъ русскіе купцы торгуютъ невольниками — большой выборъ. Епифаній взялъ своего любимаго отрока Андрея и поѣхалъ на Биржу: и который приглянется, того онъ и купитъ. Подходитъ праздникъ — Никольщина, невольниковъ выставлено, какъ елокъ передъ Рождествомъ, но сколько ни приглядывался Епифаній, никто ему не нравится.

Такъ и вернулся. И деньги, что бралъ съ собой на покупку человѣка, не въ шкапъ, какъ всегда кладетъ, а сунулъ куда-то тутъ же на столѣ. Очень это утомительно выбирать человѣка, усталъ онъ, да и зря время провелъ, досадно: придется опять послѣ праздника! И весь вечеръ въ дѣлахъ — все изъ-за этой поѣздки.

На утро Епифаній послалъ за Андреемъ — его любимый отрокъ, съ нимъ онъ никогда не разставался и часто совѣтовался — надо сдѣлать распоряженіе по хо-

зяйству: завтра Николинъ день. Да, кстати, о деньгахъ:

— Дай мнѣ деньги, — говоритъ, — которыя тебѣ вчера далъ.

— Вы мнѣ никакихъ денегъ не давали.

— Т. е., какъ не давалъ?!

Епифаній хорошо помнитъ: какъ вернулся вчера съ Биржи, къ шкапу онъ не притрагивался, ключей не трогалъ, денегъ въ шкапъ не клалъ и, стало быть, эти деньги у Андрея — больше вѣдь никому онъ не могъ дать.

Андрей испугался: очень это страшно, когда человѣкъ на тебя смотритъ и не вѣритъ.

Епифаній, сдерживаясь, сталъ его совѣстить: никому онъ такъ не довѣрялъ и про это хорошо знаетъ самъ Андрей, и какъ же такъ — за всю его любовь? ну, а ужъ если такъ вышло, лучше сознаться, мало ли что можетъ выйти — —

— Можетъ, вы куда положили и забыли?

— Я ничего не забываю! — вспыхнувъ, крикнулъ Епифаній, и, забывшись, ударилъ его по лицу, — лгунъ и воръ!

И крикъ и этотъ ударъ не только не отрезвили Епифанія, а еще крѣпче сжали его сердце — и глазъ его помутнѣлъ: и какіе невиннѣйшіе чистѣйшіе глаза у Андрея! да именно такъ и должна и глядѣть безстыдная ложь.

И онъ велѣлъ заковать Андрея и посадить въ подвалъ: сейчасъ ему некогда съ нимъ возиться — послѣ праздника разберетъ.

**
*

У всеноцной Епифаній одинъ. А вѣдь сколько, и это всѣмъ извѣстно, всегда съ Андреемъ! Одинъ стоитъ онъ въ церкви и не можетъ понять, въ чемъ дѣло:

какіе-то гласы поются не праздничные и читаютъ — не то читаютъ; надо провѣрить, что-нибудь такое случилось: почему это такъ тянутъ — такъ скучно?

Надо провѣрить, — переходитъ мыслью къ Андрею, — можетъ, и раньше за нимъ такое водилось? И вспоминаетъ три года, какъ Андрей поселился у него въ домѣ — тоже купилъ его на Биржѣ у русскихъ, — и сразу ему понравился: такое бываетъ въ человѣкѣ, это какъ свѣтъ отъ человѣка, и не видишь глазами, а чувствуешь, и дышать легко и чего-то весело. Нѣтъ, ничего не припоминаетъ — чисто. Что же это его толкнуло? И не денегъ жалко, а что обманулъ: укралъ и лжетъ. «Воръ и лгунъ!» И это одно — «лжетъ» — «ложь» — загустѣвало на сердцѣ до краевъ чернымъ.

Черный вернулся Епифаній изъ церкви и какъ не изъ церкви, а изъ суда — его судили и вотъ приговоръ: онъ обманулся, повѣрилъ человѣку —

«Отъ человѣка всего можно ждать!»

Андрей забился въ уголъ — темно въ подвалѣ. Добро бы за что— тогда хоть подумать есть о чемъ, а когда такъ — тогда у человѣка одна жалоба.

Такъ вотъ чего можно ждать отъ человѣка! И съ этимъ можно примириться: «отъ человѣка всего можно ждать!» Но со своей судьбой? Это когда все хорошо, тогда забывается, а когда ударитъ, спрашиваютъ: за что и почему? Передъ человѣкомъ можно искать защиты, а передъ судьбой? Конечно, Епифаній куда-нибудь сунулъ деньги и забылъ — и никакъ не можетъ вспомнить — да у него и мысли нѣтъ вспоминать, онъ такъ увѣренъ, что деньги отдалъ. Такъ и останется, пока не найдутся — случайно — а бываетъ, что долго не нахо-

дится вещь — и пока не найдется, останется виноватый.

И онъ проситъ:

— — чтобы деньги нашлись поскорѣе!

Очень тяжко: руки и ноги затекли, голова болитъ... И какъ увѣрить, что деньги не бралъ — не давали ему денегъ! — и что сдѣлать, чтобы повѣрили ему?

И проситъ:

— — чтобы пришла Епифанію мысль: вспомнить!

И почему и за что его судьба такая? Какою болью сжимаетъ она его руки и ноги? Стужа, нестерпимая жажда и тьма. И изъ стужи, жажды и боли вдругъ озаряетъ его память: Россія, его родина, Николинъ день — завтра Николинъ день! И онъ чувствуетъ, какъ тепла эта мысль: Россія — Николинъ день.

И проситъ:

— — заступиться за него — сказать черезъ человѣка (отъ человѣка всего можно ждать и ничѣмъ не убѣдишь!) — поверхъ его судьбы, сказать туда: онъ не виновенъ.

Андрей сжался весь, точно сберечь хочетъ это тепло — эти слова о защитѣ передъ неумолимой судьбой. И забылся.

И сномъ освобожденный отъ боли и горькихъ мыслей, забывшись, видитъ: вошелъ старичокъ съ воли, весь въ снѣгу съ мороза, Андрей узналъ его: это Никола Липенскій изъ Новгорода. Старикъ подошелъ къ нему и смотритъ.

«Не надо тужить такъ, — и рукой по головѣ, по волосамъ его провелъ, — вотъ ты и свободенъ!»

И почувствовалъ Андрей: ему вдругъ легко — и, разнявъ руки и вытянувшись, въ легкомъ снѣ крѣпко заснулъ.

⁂

Долго не могъ заснуть Епифаній. Въ корридорахъ сна путался онъ безвыходно и обнадеженный, что выходитъ на волю, опять попадалъ въ корридоръ — это ложь его путала, и человѣкъ, отъ котораго всего можно ждать, коварно водилъ его. И вдругъ онъ увидѣлъ свѣтъ, остановился — думаетъ, наконецъ-то, нашелъ выходъ и конецъ его мукѣ! — и только что хотѣлъ ступить, а изъ свѣта выходитъ — Епифаній сразу узналъ его и по лицу и по глазамъ, только онъ весь бѣлый, какъ снѣгомъ запорошенъ или отъ него такой это бѣлый свѣтъ —

«Епифаній, — сказалъ онъ, за что ты мальчишку мучаешь?» — нахмурился и рукой такъ показываетъ — туда на столъ.

И видитъ Епифаній, будто входитъ онъ къ себѣ въ комнату, вернулся съ Биржи, какая досада, зря только время провелъ! взялъ со стола книгу...

Епифаній, вспомнивъ, вскочилъ, зажегъ свѣтъ и прямо къ столу, раскрылъ книгу — а въ книгѣ деньги, какъ сунулъ тогда — теперь такъ ясно помнитъ! — такъ и лежатъ всѣ деньги.

— — —

Одинъ, никого не будя, со свѣчей спустился Епифаній въ подвалъ — разметавшись, Андрей спалъ на полу и рядомъ разбитыя лежали оковы. Взялъ его за руку, разбудилъ и только смотритъ, не можетъ сказать. И Андрей понялъ — легко поднялся.

И повелъ его Епифаній въ свою комнату, уложилъ его на свою постель. Дождался, когда заснетъ онъ — и на колѣняхъ простоялъ передъ нимъ ночь. Заря занялась, и почувствовалъ Епифаній, какъ со свѣтомъ вхо-

дитъ къ нему свобода — никогда еще не встрѣчалъ онъ разсвѣтъ съ такимъ чувствомъ свободы!

По утру пошли они вмѣстѣ въ церковь. Какъ на Пасху, шли они въ церковь. Въ церкви стояли рядомъ, и на сердцѣ горяча была молитва.

— Ты свободенъ, — сказалъ Епифаній, — не человѣку ты долженъ служить! — и показалъ на образъ Николая-чудотворца, — а эти деньги, бери себѣ: я хотѣлъ купить человѣка.

И въ землю поклонился.

— — —

Свободные они вышли изъ церкви — два брата, Андрей и Епифаній.

О ВАСИЛИИ

Какой это былъ чудесный мальчикъ — Василій сынъ Агрика. Надѣнетъ елочную золотую корону — загорятся глаза ярче золота, ну такой онъ чудесный!

А какъ онъ представляетъ гномовъ: «керіоны разговариваютъ» — руки сложитъ такъ, только два у него пальчика свободны и ими по столу: «тукъ-тукъ-тукъ?» — «куикъ-куикъ!» Такъ и видишь — а какъ онъ озабоченъ! — вотъ они въ острыхъ колпачкахъ гдѣ-нибудь у краснаго камня, когда солнце идетъ купаться въ море, ведутъ свой разговоръ: имъ вся короткая ночь, а дѣловъ! — потому онъ такъ и озабоченъ.

У Агрика виноградникъ — жили они на самомъ берегу моря.

Выше — по берегу стоятъ красные камни — каменное шуршащее верескомъ поле. Около камней ютятся керіоны — это все «языческіе» духи и имъ никто нынче не кланяется, но по старой памяти побаивались: Агрикъ и всѣ сосѣди, сколько деревень, «православные!»

Духи высвистывали въ вѣтрѣ, летали съ бурей, толкали въ пропасти и помогали выбраться на ровное мѣсто, стращали, пугали и тѣшились. Ихъ было очень много и всѣхъ ихъ звали по-именно — по именамъ камней, ихъ дома. И каждую весну и осень кто-нибудь ужъ непремѣнно встрѣтитъ, но рѣдко чтобы показалось человѣкомъ, чаще — горящій красный кустъ, черная собака, бѣлый заяцъ, сѣрая крыса, а то баранъ — какъ перехо-

дить ручей, схватишься за вѣтку, тутъ онъ тебѣ на руку лапу свою положитъ, теплая, и ты иди смѣло! — еще овца, быкъ, лошадь, свинья, а то вздохнетъ или вспыхнетъ, или человѣческій слѣдъ, а кругомъ ни души, или слышно, скрипятъ колеса, а никакой повозки, а то идете вдвоемъ и вдругъ между вами тѣнь — ни вашъ спутникъ, ни вы его, ну пропалъ, а голосъ его какъ черезъ стѣнку, или вскочитъ тебѣ на плечи и несешь, и неси, оглядываться не рекомендуется.

И стоялъ такой длинный, всѣхъ длиннѣе красный камень. Въ день св. Анны всю ночь стоятъ со свѣчами — полна церковь: это тѣ, кто хочетъ имѣть дѣтей. А на зарѣ къ этому камню: о камень трутся. Діонисія сколько зорь ходила — такъ у нея Василій на свѣтъ появился.

Василій не видалъ ни одного каменнаго духа, онъ только не разъ слышалъ, какъ передъ бурей ходитъ какой-то вокругъ дома съ колотушкой — и вѣрно, очень маленькій въ остромъ колпачкѣ: «пумъ-пумъ! — пумъ-пумъ!» А Буробу онъ видѣлъ: пробиралась старуха по шоссе къ мельницѣ, огромный у нея мѣшокъ за плечами — «собираетъ въ мѣшокъ дѣтей, которыя долго спать не ложатся!» — но Василія она не тронула, потому что не замѣтила: — «потому что онъ зажмурился!» А когда раскрылъ глаза, ея и слѣдъ простылъ: одинъ мѣшокъ — и тотъ далеко и совсѣмъ-совсѣмъ маленькій. А въ сосѣдней деревнѣ жилъ Крокмитэнъ, мужъ Буробы, сапожникъ: очень бывало страшно, когда — никакъ не обойти! — и проходишь тѣсной крутой дорожкой мимо его каменнаго бѣлаго дома.

А какой Василій внимательный: берегъ скалистый, пойдешь съ нимъ собирать перламутровые ракушки, тоже и сучки — въ отливъ попадаются вмѣстѣ и ракушки и камушки, и не сучки они, Василій хорошо знаетъ, а морскіе духи — водяные! — такъ вотъ, гдѣ съ обрыва

спускаться, всегда протянетъ тебѣ свою маленькую ручку, будто съ нимъ ничего не страшно! а съ нимъ еще жутче — и за собой слѣди и за нимъ глазъ! — ну а за то какъ трогательна его заботливость и какъ горяча его ладошка и нѣжны его побаивающіеся пальцы. Или идешь и развяжется туфля, замѣтитъ — онъ все замѣчаетъ — остановитъ тебя, станетъ на колѣни и примется завязывать. Да плохо это у него: конечно, нѣтъ сноровки — или узломъ затянетъ и послѣ никакъ не развяжешь, или шнурки запутаетъ, ступишь, и опять по камнямъ за тобой, какъ бѣлые змѣйки.

«Очень трудно!» — дѣловито говоритъ Василій и виновато тянется ко мнѣ, чтобы непремѣнно носомъ къ носу — такъ гномы ластятся — и я вижу близко его очень бѣлые зубы: одинъ шатается — скоро его отдадутъ мышкѣ.

Ну, на седьмую весну, какъ натащатъ ему мышки полный кулекъ съ зубами — зубы крѣпкіе и острые! — и все онъ пойметъ въ этомъ мірѣ: и завязывать и развязывать.

Скалъ и обрывовъ Василій не боится и морскихъ духовъ не боится.

Сегодня нашли двухъ: оба одноглазые, и у каждаго есть еще по глазу на темени — вотъ какіе они: «плавунъ» и «ныръ» — имъ не только этотъ міръ, гдѣ нужно умѣть завязывать и развязывать, но и то открыто, гдѣ нѣтъ никакихъ узловъ, они и тамъ живутъ и тутъ появляются, очень страшные.

А ничего, Василій ихъ несетъ въ корзиночкѣ; онъ имъ подостлалъ душистой морской травы и еще положилъ крабью клешню и камушки бѣлые, красные, зеленые и желтые. Но коровы — нѣтъ, побѣдить рогатый страхъ онъ никакъ не можетъ: все ему кажется, что коровы его бодать хотятъ!

Послѣ дождей и такихъ гремящихъ бурь — по ночамъ въ домѣ качаетъ кровать, какъ лодку! — жаркій день, а солнце у моря еще жарче. Коровы на берегу, имъ жарко! и не пасутся, а стоятъ онѣ тѣсно :пить хочется. Мы проходимъ на пяточкахъ, стараемся не смотрѣть: — «такъ онѣ насъ и не увидятъ!» Василій прижимается всѣмъ своимъ тѣльцемъ къ моей рукѣ, я чувствую: не дышетъ. А пройдя коровъ — прошла бѣда! — и мы мечтаемъ: если бы имѣть собственные рога! если бы золотые рога — —

«Или серебряные, я никого бы не боялся!»

Василій дѣлаетъ пальчиками у себя надъ головой, какъ рога, и идетъ увѣренно — кажется, будь у него настоящіе, онъ пошелъ бы рогами коровъ бодать.

«А меня — не забодаешь?»

— — —

И я совсѣмъ не увѣренъ, что Василій и меня — — съ рогами-то ему все по другому! Наставивъ себѣ рога, онъ то-и-дѣло чего-то нагибается, ртомъ сорвалъ травку и ѣстъ. Я замѣтилъ, и за столомъ, если подается съ травой — не для ѣды, а какъ украшеніе, онъ тихонько всю траву повыберетъ и ѣстъ ее съ жадностью: онъ думаетъ, что отъ травы выростутъ рога.

Размечтавшись о рогахъ золотыхъ или серебряныхъ, Василій мечтаетъ объ автомобилѣ — маленькій авто: въ немъ онъ будетъ катать эти сучки — морскихъ духовъ.

У Василія есть свой садикъ: самъ онъ его и устроилъ въ саду — это сейчасъ же за колодцемъ, тамъ подъ мимозой грядки и всего по-немногу: помидоры, морковь, рѣпа, рѣдька й одинъ артишокъ; и въ садикѣ построенъ у него домъ — живутъ сучки-духи и еще другіе изъ пробокъ — въ пробки воткнуты обожженныя спички, какъ руки и ноги, я ему ихъ секкотиномъ склеилъ, крѣпко, и это тоже духи, но безъ имени, у него ихъ

много, молчаливые и совсѣмъ незамѣтные, «ненужные»: — «потому что имъ ничего не надо!» А водяные — ихъ надо прогуливать, беречь.

Только безъ рогъ и авто ни къ чему: сначала надо обзавестись рогами золотыми или серебряными!

И сны ему снятся все рогатые. Вчера напалъ на него быкъ и такъ швырнулъ рогами, Василій упалъ съ кроватки, проснулся — лежитъ на полу и не понимаетъ: можетъ, быкъ его ужъ съѣлъ?

«Гдѣ я нахожусь?» — и заплакалъ.

Но когда я мычу по-бычьи, онъ меня не боится или немножко: если близко, всегда чуть отстранится и глаза такіе большущіе, а пальчики само-собой складываются рогами. Онъ и самъ бы не прочь помычать, да не выходитъ, онъ пробовалъ. Но зато онъ можетъ, и это у него выходитъ: онъ можетъ пропѣть, какъ пѣтушокъ поетъ — «доброе утро!»

**
*

Сядутъ вечеромъ за столъ. Поговорятъ о дневныхъ новостяхъ, да мало чего случается: ни у нихъ, ни у сосѣдей. Ну, какой-нибудь съ пьяныхъ глазъ въ вѣялку угодилъ мордой: машинѣ-то ничего, а себя разукрасилъ, но главное то, что ничего не почувствовалъ; ну, гдѣ-нибудь на дорогѣ столкнулись автомобили или автомобиль подшибъ велосипедиста; а больше разговоръ о ярмаркахъ — баранья, поросячья, конская, коровья, и о скачкахъ: кто-нибудь изъ домашнихъ непремѣнно поѣдетъ въ городъ посмотрѣть — всѣ сосѣди будутъ — и кто какъ одѣтъ и съ кѣмъ, и что гооврили; и послѣ скачекъ на много вечеровъ только и разговору; еще о свадьбахъ и о такихъ, объявленныхъ, и которыя только еще ожидаются, предполагаемыхъ по всякимъ примѣ-

тамъ и замысловатымъ домысламъ: въ домѣ три невѣсты — Сусанна, Леонила и Елена.

Темнѣетъ — пора свѣтъ.

Примащивается около стола на столикъ электрическая лампа — лампа съ рефлекторомъ — и какъ пустятъ, весь столъ зальетъ и бѣлые блестящіе шарики плывутъ, ничего не видно. А понемногу глазъ привыкаетъ. Это Агрикъ выдумалъ — «для оживленія».

Василій вскочитъ изъ-за стола и прокукарекаетъ.

И такъ это вѣрно — какъ пѣтушокъ: какъ пѣтушокъ, голову нагнетъ, какъ давится, и откуда-то — отсюда вотъ изъ подгрудья «ку-ка-реку!» — звонко, чисто, никакъ не отличишь отъ правдошнаго.

А за пѣтушкомъ всѣ, кто во что. Самъ Агрикъ собакой лаялъ, и, знаете, знаешь, что Агрикъ, но такъ это внезапно — вилка изъ рукъ выскочитъ, либо косточку проглотишь; Діонисія — свиньей хрючитъ: она въ хозяйствѣ свиньями завѣдуетъ, привыкла — и большой и поросятиной; Сусанна — бараномъ; Леонила — она лягушку представляетъ; а войдетъ изъ кухни прислуга Елена, вино или что-нибудь еще къ столу подать, Елена помяучитъ кошкой или распищится котятами и самыми маленькими слѣпыми, какъ они тянутся къ матери и хвостиками заковырки дѣлаютъ, и побольше, сознательными, о матери скучаютъ, и только бабушка — а какъ бы тоненько кузнечика или стрекозой прошуршала! — да она тихонько все покажетъ и стрекозу и кузнечика, когда Василій забѣжитъ въ комнату.

А Василій не только пѣтушка, онъ можетъ и курицу: курица яйцо снесла!

Василій и самъ яйцо снесъ... И когда онъ про это сказалъ мнѣ, я видѣлъ: онъ искренно вѣритъ — — но какъ это могло быть? «На тряпку, — объя-

снилъ Василій, — настоящее яйцо!» И дѣйствительно, снесъ, а произошло это чудеснымъ образомъ. Замѣтивъ, какъ это дѣлаетъ курица, не разъ пробовалъ онъ самъ такъ дѣлать: присядетъ на корточки, посидитъ - посидитъ, а потомъ вскочитъ и закудахчетъ; но сколько онъ ни садился и сколько ни кудахталъ, яйца изъ него не выходило, ну, никакого, ни самого маленькаго, сорочьяго. Видитъ Діонисія, что Василій все курицей садится — смѣется: «Хочешь, — говоритъ — яичко снесть?» — «Да, — отвѣчаетъ, — хочу». — «А ты спусти штанишки и зажмурься!» И когда онъ зажмурился, она ему на тряпочку яйцо подложила. «А теперь вставай и кудахчи!» Василій закудахталъ — глядь, а подъ нимъ яйцо: лежитъ на тряпкѣ теплое.

Хорошо Василій кудахчетъ курицей, а пѣтушкомъ лучше — самый пріемъ у него до пѣтушинаго пера — пѣтухъ: тамъ гребешокъ, а тутъ бородка —

« — золотой гребешокъ — »
» — масляна головка — »
« — шолкова бородка — »

— — —

И дѣйствительно, она у него шолковая!

А Агрикъ еще и болотную птичку умѣлъ представлять: какъ позднимъ вечеромъ на болотѣ, слышно, и не поетъ эта птичка, а какъ стонетъ — и покой отъ нея, отъ ея стонущаго звука, и такая благодать и такая увѣренность, и жизнь — черезъ край. И когда начнетъ Агрикъ болотную птичку представлять, тишина входитъ въ домъ, и будь ты самый отчаянный и пропащій или податной инспекторъ, который сидитъ сейчасъ за сто-

ломъ, и у него отъ манжетъ до очковъ все разграфлено и въ глазахъ проценты, а невозможно — и при всей мертвящей точности и въ мертвомъ оцѣпенѣніи поддашься этому животворящему чувству. И я всегда думаю, я чувствую: какъ хорошо жить на землѣ и какой это большой даръ человѣку дышать воздухомъ, напульверизированнымъ цвѣтами, травами и земляной сырью. И еще я думалъ: какая спокойная жизнь у Агрика — благословеніе его дому, его ближнимъ, его быкамъ, конямъ, коровамъ, свиньямъ, курамъ, уткамъ и всему винограднику и всѣмъ виноградамъ.

А передъ тѣмъ, какъ вставать изъ-за стола, Василій подбирается ко мнѣ, но не для того, чтобы «носомъ къ носу», какъ гномы, а ему хочется еще винограду — да нельзя ему больше! Но такъ отпустить тоже невозможно. Я ловлю его единственную пуговицу у штанишекъ и отъ нея веду выше — сюда, откуда кукуречитъ такой чудесный пѣтушокъ и, чуть касаясь, начинаю вертѣть рукой, какъ заводятъ моторъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ большій дѣлаю рокочущій заводной кругъ и мое «р р р у - уч» вывожу еще рурѣй и, вдругъ оборвавъ, приподнимаю его съ земли — летимъ!

«Полетѣли!»

«Летѣли!»

Василію это очень нравится.

А передъ самымъ сномъ, когда я отмѣчаю въ Календарѣ прожитый день и смотрю, сколько мнѣ еще осталось гостить у Агрика, Василій уставился на картинку: «по острову бѣжитъ олень» — и всякій вечеръ этотъ «олень», а ему, какъ въ первый разъ: рога!

***

Подъ Николу всѣмъ домомъ поѣхали въ городъ ко всенощной. Дома остались караулить Елена, да Дюкъ.

Николинъ день — Никольская ярмарка — послѣ обѣдни крестный ходъ. Со всего округа и сосѣднихъ городовъ съѣзжаются купцы съ товарами на ярмарку, а богомольцевъ — не протолкаешься. Очень людно и очень шумно. И всегда какое-нибудь чудо, о которомъ годами будутъ поминать во всѣхъ концахъ.

— — — — — — — — — — —

Въ Лотарингіи по дорогѣ въ Варанжевиль какой-то крокмитэнъ-отельщикъ заманилъ къ себѣ въ отель ребятишекъ, зарѣзалъ и, разрѣзавъ на куски, въ кадушку, какъ поросятину, сложилъ, посоля. И должно быть послѣднюю мольбу дѣтей: «не губить!» — а ее никто не могъ слышать, услышалъ и явился Никола и по молитвѣ его три мальчика вышли изъ кадушки живые, какъ послѣ долгаго сна.

— — — — — — — — — — —

Василій съ бабушкой стоитъ въ сторонкѣ, а изъ окна синяго, какъ самое синее небо, наклонившись, смотритъ на него Чудотворецъ: и зеленая одежда переливается моремъ, а въ вѣнчикѣ цвѣтутъ мимозы — онъ не такой, какъ на иконахъ его пишутъ, чуть прихмурый, нѣтъ — ну, такой, какъ Елена, такъ сказалось у Василія: возрастъ; а волоса на головѣ, какъ у Василія, спущены на лобъ.

Василій упорно, какъ на оленя въ Календарѣ, все заглядывалъ въ его чудотворные глаза и просилъ о рогахъ: принести просилъ завтра въ мѣшкѣ золотые или серебряные... и за-одно маленькій авто катать морскихъ духовъ.

Василій старался молиться, какъ бабушка: онъ перебиралъ губами — «рога-авто», и, истово крестясь, задер-

живалъ крѣпко пальчики на лбу и потомъ становился на колѣни — и до самой земли поклонится и медленно приподнимается, очень это трудно ему — медленно, онъ можетъ очень быстро, но онъ хочетъ все, какъ бабушка.

И ему слышится: Никола глазами говоритъ ему:

«Хорошо, Василій, будутъ у тебя рога — серебряные».

«И авто?» — шепчетъ Василій.

«И авто».

«Я вамъ покажу мой садикъ: помидоры, морковь, рѣпа, рѣдька и одинъ артишокъ — и вашего ослика я накормлю!», — и начинаетъ прислушиваться, чего бабушка вышептываетъ.

«Авто-авто!» — шепчетъ бабушка.

Служба долгая. Агрикъ сказалъ: «приложимся къ образу, помажутъ миромъ и ѣхать домой», — завтра ему на обѣдню пораньше вставать: надо поросятъ везти на ярмарку.

А когда послѣ евангелія пошелъ народъ прикладываться, въ церкви поднялось такое, не то землетрясеніе, не то бомбу бросили — а не то и не это, нѣтъ, тѣ самые арабскіе корсары, о которыхъ писали въ газетахъ всю осень, но которыхъ никто не видѣлъ, сарацины, пользуясь темнотой, высадились на берегъ и на своихъ арабскихъ коняхъ примчались въ городъ и прямо въ остророгихъ шапкахъ ворвались въ соборъ: «руки вверхъ».

«Вверхъ!» — это «вверхъ» заглушило и канонъ и пѣвчихъ, и только «вверхъ» — ничего не слышно.

А первая страшная минута прошла — и страхъ проходитъ, когда опасно! когда опасно, на одной ногѣ пойдешь! — первое дѣло: бѣжать. И ужъ кто какъ изловчился: кто въ дверь, кто въ окно, а кто — некуда! — влипъ въ стѣну или юркнулъ подъ сосѣда.

Здѣсь люди вопятъ, а за дверями — кони, овцы, ба-

раны, быки, коровы, козы: тамъ свое дѣло — живая карусель!

Кому изъ церкви не удалось выстрекнуть, какъ стали выводить, видятъ: такая все дрянь, не стоитъ и рукъ пачкать — колотушку въ загривокъ и пошелъ. Отобрали повиднѣе «для работы», стариковъ и старухъ не тронули, а изъ дѣтей тоже всѣхъ отпустили, одного не отпустили — Василія.

И вѣдь не тронули-бъ, да такая видно судьба: Василій очень испугался — «крокмитэны!» — и остророгія шапки, онъ только ихъ и видѣлъ, рогомъ наводили на него бодать; и отъ послѣдняго страха: будь у него рога — а вотъ и пальчики не слушаютъ, не складываются! — онъ нагнулъ голову, какъ давится, и чистымъ звонкимъ пѣтушкомъ пропѣлъ «доброе утро!» Сарацины бросили Діонисію, а его забрали.

И вернулся Агрикъ домой со всѣмъ домомъ, и одного не было — Василія.

Да лучше бы и не возвращаться домой.

«Лучше бы меня на мѣстѣ, какъ собаку, пристрѣлили!» — убивалась Діонисія.

А Агрикъ, какъ зачарованный, сидѣлъ за столомъ и, какъ собака во снѣ, скашиваясь, ловилъ ртомъ воображаемыхъ мухъ: Агрикъ спасся чудомъ!

Агрикъ дѣйствительно спасся только чудомъ: когда до него дошла очередь, а такого никакъ не пощадили-бъ! — Агрикъ сталъ на четвереньки и къ ужасу не только сарацинъ, а и очухавшихся богомольцевъ, залаялъ собакой — вотъ какъ онъ это дѣлаетъ вдругъ — такъ звѣрски тявкнулъ, никому и въ голову не пришло, что человѣкъ, а какой-то изъ бандитовъ даже цикнулъ.

«Лучше бы меня на мѣстѣ, какъ собаку, пристрѣлили!» — убивалась Діонисія и пеняла, что вотъ съ Агрикомъ чудо, а Василія Угодникъ не пощадилъ и въ

свой праздникъ отдалъ беззащитнаго ребенка въ руки палачей.

И бабушка и Сусанна и Леонила и Елена — всякій по своему — повторяли одно: съ Агрикомъ чудо, а Василій — — за что?

И въ домѣ стало сѣро, тѣсно — Агрикъ нѣтъ-нѣтъ да и тявкнетъ — собачья конурка.

Корсары съ богатой добычей тѣмъ же порядкомъ проскакали на своихъ арабскихъ коняхъ, только ихъ и видѣли. И на моторныхъ лодкахъ моремъ въ свое разбойное гнѣздо на островъ Критъ, а съ ними Василій.

Эмиръ похвалилъ разбойниковъ — такого подарка ему еще никто не привозилъ — какой чудесный мальчикъ!

А Василій все ждалъ, когда крокмитэны его съѣдятъ.

Крокмитэны нарядили Василія по своему — въ свое сарацинское платье. И когда надѣли на него остроконечную шапку — она, какъ золотая корона! — и глаза его заголубились волшебною ночью, ну такой онъ чудесный.

Эмиръ не хотѣлъ разставаться, онъ его сдѣлалъ самымъ первымъ среди своихъ слугъ — оберъ-главъдотелемъ — обязанность его: за обѣдомъ и ужиномъ при столѣ находиться, подавать вино — только изъ его побаивающихся пальчиковъ бралъ эмиръ стаканъ.

День-ото-дня, и обвыкъ: остророгая шапка, какъ гномій колпачокъ, очень ему понравилась и онъ нѣтъ-нѣтъ и заведетъ разговоръ, какъ гномы, пальчиками по столу такъ: «тукъ-тукъ-тукъ?» — куикъ-куикъ!» Никто ничего не понимаетъ, крокмитэны потѣшаются, глядя, и не только его не съѣли, а его самого пичкали вся-

кими песочными и слоеными пирожными и швейцарскимъ шоколадомъ съ картинками.

И Василій пѣлъ — пѣтушокъ.

И такъ хорошо разсказывалъ: какія скалы, какіе стоятъ красные камни на берегу и какіе каменные духи и какіе водяные-сучки, и о старухѣ Буробѣ — мужъ ея крокмитэнъ-сапожникъ, и о своемъ садикѣ, гдѣ живутъ морскіе духи и еще изъ пробокъ — «ненужные», и о рогахъ золотыхъ или серебряныхъ, чтобы никого не бояться, и о маленькомъ авто катать морскихъ духовъ и обо всемъ домѣ: объ отцѣ, о матери, о бабушкѣ, о теткахъ, о Еленѣ, и обо всемъ хозяйствѣ, о виноградникѣ и о Дюкѣ, и какъ онъ настоящее яйцо снесъ.

Эмиръ подарилъ ему елочные серебряные рога: эмиръ ихъ велѣлъ тайно ночью положить ему въ туфли около кровати. И въ ту же ночь маленькій авто поставили въ его комнатѣ.

Василій, какъ проснулся — «рога»! И сейчасъ же надѣлъ ихъ и выбѣжалъ во дворъ, но тамъ коровъ не было. Онъ на улицу — и тамъ нѣтъ. Онъ въ переулокъ, переулкомъ — такъ и есть: навстрѣчу стадо — и «рогатый» онъ шарахнулся и замеръ. А въ это время откуда-то выюркнула маленькая дѣвочка съ хворостинкой, подбѣжала къ самой страшной коровѣ — корова шла прямо на Василія бодать — и не ударила, а только замахнулась хворостинкой — корова шарахнулась, какъ Василій.

И Василій, заря — «рогатый» — не озираясь, прошелъ мимо коровъ. Ясно: «рога дѣйствовали!» И бояться нечего. «Онъ больше никого не боится!»

А чтобы и во снѣ не бояться, онъ повѣсилъ рога около кровати и взялся за авто.

Но и автомобиль недолго занималъ его: вѣдь всѣ морскіе духи были тамъ — дома, тутъ были не настоящіе — чурочки. И катать чурочки — это не то.

Изъ кукурузы онъ сдѣлалъ себѣ усы — зеленые длинные за уши. Сядетъ играть въ чурочки, молча муслитъ и клеитъ самымъ клейкимъ витъ-колемъ, а чего-то не поддается и срыву все броситъ или перемѣшаетъ. Да очень просто — вѣдь это все чурочки — «ненужные», а не сучки — «морскіе духи»: морскіе духи тамъ — дома.

Чурочки говорятъ Василію:

«Мы вовсе не ненужныя и ты напрасно насъ забросилъ: твои ненужныя пробки умѣютъ плавать, твои сучки — имъ подавай авто, а мы — чурочки! — любимъ летать: намъ аэропланъ!»

Василій задумался: «если бы аэропланъ! наловчиться на чурочкахъ, а потомъ и самъ».

Василія заставляли пѣть — какой чудесный пѣтушокъ! И разсказывать — большой фантазеръ! И онъ пѣлъ и разсказывалъ и никогда не заплачетъ, но почему изъ-подъ остророгаго колпачка, откуда это взялся — или еще чего-то задумалъ? — такой сухой блескъ?

Эмиръ скажетъ:

«Домой хочешь?»

Молчитъ.

«Чего же тебѣ: хочешь аэропланъ?»

— — —

Эмиръ подарилъ ему маленькій аэропланъ: чурочки подымать.

И Василій подымалъ чурочки — высоко и, кажется, унесло, пропали! — а онѣ полетаютъ-полетаютъ и домой.

И вспоминая, какъ это дѣлаетъ бабушка, Василій проснется — всѣ заснули — тихонечко встанетъ съ кроватки, подойдетъ къ окну и, глядя на мѣсяцъ — такой же, какъ дома! — шепчетъ лунѣ:

«Домой-домой-домой!»

И истово перекрестясь, низко поклонится и медленно приподнимается, какъ бабушка.

У него все есть: и рога и авто и аэропланъ — ему принесъ Николай-чудотворецъ! — и теперь онъ проситъ: принести ему въ мѣшкѣ ничего не надо, а домой.

«Домой».

Ему ничего не надо — онъ «ненужный», какъ тѣ его духи изъ пробокъ съ обожженными спичками, а толькобъ домой.

О домѣ изъ всѣхъ чувствъ не покидало его, вдругъ нахлынетъ: пропалъ! — «ты пропалъ и никакіе рога не помогутъ, ни авто, ни аэропланъ!» И это безвыходное о домѣ пригибало его голову — и тогда, ему никто не велитъ, онъ самъ пѣлъ: это онъ вѣсть подаетъ туда, въ домъ. И въ его чистомъ звонкомъ голосѣ слышалось не пѣтушиное и не человѣческое — а это какъ съ мясомъ вырвано — —

⁂

А дома ничего не слышно: и живъ ли Василій или Богъ взялъ къ себѣ его маленькую душу и пѣтушкомъ она тамъ поетъ у него на зарѣ и въ полдень, никто ничего не знаетъ. И только въ пѣтушиномъ крикѣ по зарѣ и въ полдень чего-то вспоминается. И не было дня, не было часа, чтобы не помянулъ кто-нибудь.

Жизнь шла не по старому. Отъ собачьей ли встряски, а у Агрика стало съ сердцемъ: ни съ того, ни съ сего упадетъ, а то такъ забьется. Вина больше не подаютъ къ столу, сидръ. А чтобы Агрикъ не утомлялся, сократили хозяйство: свиней не держатъ, разводятъ кроликовъ, а главное: молоко. Идутъ дни одинаковые, чего-то ждутъ. Не дай Богъ кто вскрикнетъ, весь домъ закричитъ.

На вешняго Николу, какъ всегда, прилетѣла утка съ утятами — прямо къ церкви. И всѣ этой уткѣ очень обрадовались: утка помнитъ — прилетѣла!

Неподалеку замокъ, теперь развалины, и въ этомъ замкѣ когда-то заключена была плѣнница: владѣлецъ замка, возвратясь съ войны, привезъ съ собой. Убѣжать ей не было никакой возможности и только чудо. Вспомнивъ о Николѣ, она обѣщалась: будетъ всякій годъ приходить сюда на праздникъ въ его церковь, она вѣритъ: онъ услышитъ — заступится: онъ освободитъ ее! И — была чудесно восхищена изъ замка и очутилась на дорогѣ. — Но когда она шла по дорогѣ, навстрѣчу ей солдаты — слуги этого замка. И она поняла: такая судьба ея — ей не уйти. На пруду плавала утка съ утятами. «Пусть эта утка, — сказала она, — прилетаетъ вмѣсто меня всякій годъ къ церкви и благодаритъ за меня!» Солдаты ее схватили и, надругавшись, бросили ея тѣло въ прудъ. А на слѣдующій годъ прилетѣла утка съ утятами къ церкви. И всякій годъ она прилетаетъ и чего-то заботливо крячетъ. И опять улетитъ и никто не знаетъ, гдѣ она живетъ зиму. Охотники хотѣли ее убить, но только выстрѣлили и сами упали мертвые. Тоже песъ на нее бросился, но только на три шага не дошелъ — остановился, и, какой злющій, проходу никому не дастъ, сталъ на заднія лапы и передъ уткой служитъ!

Этотъ завѣщанный вѣрный прилетъ чудесной утки нынче былъ особенный. Память о Василіи всплывала горячей надеждой. И чего-то еще больше ждутъ. А время

не ждетъ, дни идутъ — улетѣла утка съ утятами, лѣто прошло, вотъ и осень, вечерами разжигайте каминъ — на Николу будетъ ровно годъ, а все по-старому: о Василіи нѣтъ вѣстей.

— — —

Подъ Николинъ день всѣмъ домомъ поѣхали въ городъ. И благополучно вернулись отъ всенощной. Утромъ ѣздили на обѣдню. И послѣ обѣдни — крестный ходъ, потолкались на ярмаркѣ и съ никольскими свистульками домой.

Николинъ день — престольный праздникъ, всегда жди гостей. Готовили ужинъ. Діонисія отказалась: она не хочетъ праздновать: не ей, это пусть другіе!

Гости пріѣхали. И Агрику большихъ трудовъ было уговорить Діонисію сѣсть за столъ — «хоть для гостей».

Къ столу подали вино. И какъ будто оживились. Вспоминаютъ. Агрикъ вспомнилъ о своемъ чудѣ: какъ чудомъ онъ спасся тогда, залаявъ собакой. Разсказываютъ о новыхъ чудесахъ.

Одна Діонисія молчитъ: ее не развлекли гости, напротивъ, всѣ чудесные разсказы только ожесточаютъ: почему-то со всѣми чудеса и всѣ выходятъ сухи изъ воды? и тогда всѣ спаслись — всѣ сосѣди: и Шалэ и Марто и Мутоны?

«Но почему же не совершилось чуда — и допустилъ въ свой праздникъ надругаться надъ беззащитнымъ ребенкомъ — — ?»

А за разсказами о новыхъ чудесахъ припомнились и старыя, недавнія. Кто-то упомянулъ Василія. И какъ только это имя сказалось громко, сразу замолчали.

И въ тягчайшемъ молчаніи — это неотступное «почему же?» — это какъ золой въ огонь все затушитъ — вдругъ слышатъ: на дворѣ Дюкъ залаялъ .

И стало еще глуше — точно вошелъ кто-то въ ком-

нату и вотъ-вотъ, какъ тогда, «руки вверхъ!» — всѣ присмирѣли.

И опять Дюкъ залаялъ.

— — —

Агрикъ поднялся изъ-за стола. Подошелъ къ окну — окно блеститъ: ничего не видать. Прижался лбомъ къ стеклу — холодное! А надо пойти взглянуть — съ чего-то собака лаетъ? — надо провѣрить. И пошелъ изъ комнаты.

И по лѣстницѣ внизъ, и черезъ стеклянную дверь — во дворъ.

Посреди двора колодецъ. А кругомъ тѣсно деревья и лѣтомъ цвѣты, теперь голые прутья. И отъ прутьевъ длинныя тѣни къ колодцу — каменный бѣлый колодецъ такой бѣлый. И у колодца на бѣломъ камнѣ стоитъ — — на головѣ остророгая черная шапка и весь онъ въ черномъ — не то это халатикъ, не то фартукъ, а въ рукѣ держитъ коктейль — отъ мѣсяца стаканчикъ, какъ зеленый листикъ — —

«Вѣдь это-жъ Василій! — Василій!» — хочетъ позвать Агрикъ, а не слышитъ своего голоса, языкъ одеревенѣлъ, и ноги, какъ не свои, не стронуться ему никакъ, а руки, какъ прутья, а сердца — нѣтъ.

И Василій смотритъ — куда это онъ смотритъ?

И показалось Агрику: онъ силился голову нагнуть, вотъ и нагнулъ — а пѣтушка нѣтъ. Тутъ опять Дюкъ залаялъ. И за лаемъ рѣзко прозвенѣло о камень — это выпалъ стаканчикъ — и зеленая струйка живой змѣйкой поползла по камню.

«Гдѣ я нахожусь?» — спросилъ Василій и заплакалъ.

И голосъ его вывелъ Агрика: подошелъ Агрикъ къ колодцу, взялъ его за руку и повелъ въ домъ.

И когда это маленькое существо въ черномъ колпачкѣ появилось съ Агрикомъ въ комнатѣ — глазамъ не повѣрите! — сами стѣны раздвинулись и потолокъ улетѣлъ вверхъ; и ночь, а свѣтъ — золотая синь на праздничный воскресный столъ.

А разсказъ Василія — — Василій разсказывалъ о Критѣ — «какія на Критѣ елки ростутъ, золотыя яблоки!» и о сарацинахъ — «сарацины не крокмитэны и никого не ѣдятъ, а усы изъ кукурузы!» и какъ годъ служилъ у эмира — «оберъ-главъ-дотель!» и какіе у него были серебряные рога — «онъ теперь никого не боится!» и маленькій авто и аэропланъ чурочки подымать, и какъ сегодня за ужиномъ, когда онъ взялъ коктейль —

когда онъ держалъ стаканчикъ подать эмиру, мгновенный свѣтъ рефлекторомъ ударилъ ему въ глаза, и легонько коснувшись, закрутило вотъ сюда въ подгрудье, какъ заводятъ моторъ, и онъ, какъ чурочка, поднялся на воздухъ; въ глазахъ отъ свѣта летѣли бѣлые блестящіе шарики и онъ летѣлъ за ними, онъ летѣлъ быстрѣе и, нагнавъ, увидѣлъ, что это вовсе не шарики, а звѣзды; и когда онъ увидѣлъ звѣзды, испугался, не понимаетъ, гдѣ онъ? — и вдругъ видитъ: сбоку изъ сини наклонился надъ нимъ, и онъ сразу узналъ, это какъ въ Соборѣ въ окнѣ, Николай - чудотворецъ. «Василій, домой я тебя отведу!» — сказалъ онъ и взялъ его за руку и по синей дорожкѣ подъ звѣздами мягко и ровно, какъ по пляжу, пошли они: — «я тебя не оставлю!» А дорожка все уже, а звѣзды выше, вотъ и совсѣмъ пропали и только зеленая одежда подымается къ небу. И тутъ Дюкъ залаялъ — --

Василій разсказывалъ, какъ когда-то свои страшные рогатые сны, теперь нестрашные, и каждое слово слышно было во всѣхъ уголкахъ всѣми — всѣ его сучки и пробки — а какъ они соскучились: вѣдь цѣлый годъ! и никто съ ними слова не скажетъ! — всѣ морскіе духи и «ненужные» слушали всякій на свой ладъ, и изъ каждаго слова было имъ счастье — такое это счастье: «домой вернулся!»

И въ домѣ еще свѣтлѣе: три солнца: одно восходило надъ моремъ грѣть камни и Агриковъ виноградникъ, другое — вотъ сіяетъ въ черномъ колпачкѣ! — и третье чудесное изъ сини за этимъ солнцемъ.

ОБМАНУТЫЙ ІАКОВЪ

Въ Константинополѣ «при царицѣ Иринѣ» жилъ фотографъ Іаковъ. Но прежде чѣмъ сдѣлаться фотографомъ, Іаковъ перемѣнилъ много всякихъ профессій и всѣ дѣла его не то, что не удавались, а имѣли какой-то свой роковой срокъ, дѣло остановится и ни съ мѣста, и изволь начинать другое.

Устроился Іаковъ на заводѣ въ Александріи и только что сталъ обживаться, пишетъ пріятель изъ Рима: «пріѣзжай, Яша, есть мѣсто по технической части». Долго не рѣшался Іаковъ, но пріятель такъ настойчиво и заманчиво расписывалъ римскую жизнь, что ничего не возразишь, и изъ Александріи переѣхалъ Іаковъ въ Римъ. И все было хорошо и должность хорошая — «по технической части», но вышло распоряженіе: провѣрить составъ служащихъ и чтобы обязательно римскіе паспорта, а у кого окажется не римскій, того чистить: у Іакова паспортъ александрійскій, и его вычистили. И переѣхалъ Іаковъ въ Константинополь, оглядѣлся на новомъ мѣстѣ, выдержалъ экзаменъ на шоффера и въ компаніи съ однимъ грекомъ открылъ автомобильную школу. Дѣла сначала пошли хорошо, много было учениковъ и даже одинъ плѣнный сарацинскій ага записался, но потомъ съ чего-то все въ разползъ, все въ разбѣгъ и сошло на нѣтъ, пришлось закрыть школу, да еще такой налогъ потребовали, что не знай, какъ и когда рас-

платишься. Затѣялъ Іаковъ подъ Константинополемъ куръ разводить, искусственныя яйца дѣлать и цыплятъ продавать, и чего-то съ яйцами не удалось — вмѣсто цыплятъ, Богъ знаетъ, что вылупливается, въ родѣ какъ летучія мыши, и никто не покупаетъ; бросилъ онъ куръ, взялся за кроликовъ и все шло хорошо и чего-то опять случилось: не то окормилъ, не то не ѣли, — погибли всѣ кролики, одни хвостики да лапки. Съ полгода продавалъ Іаковъ лисицу, и продалъ бы, да посредниковъ было очень много, и всякій норовитъ попользоваться, и довели лисицу до такой цѣны, за такую цѣну можно было живого слона купить, и положилъ Іаковъ лисицу въ нафталинъ до хорошихъ временъ и пошелъ учиться фотографіи къ знаменитому византійскому фотографу Агапиту.

Агапитъ былъ учитель толковый и добросовѣстный, научилъ Іакова всякіе виды снимать и бюсты, и выпустилъ его съ дипломомъ на званіе фотографическаго мастера.

Іаковъ открылъ свою студію, сначала маленькую — моментальныя карточки снимать для паспортовъ, и заказы исполнялъ дѣйствительно моментально, дѣло и пошло. Перебрался онъ въ большое помѣщеніе на людную улицу, снялъ самыхъ извѣстныхъ византійскихъ поэтовъ и музыкантовъ, выставилъ ихъ въ витринѣ и сдѣлался самъ извѣстнымъ фотографомъ. Изъ нафталина онъ вынулъ лисицу и къ новому году сдѣлалъ шубу женѣ, а изъ обрѣзковъ нарядилъ всѣхъ дѣтей: кому лапки, кому хвостикъ.

**
*

Приходитъ къ Іакову его учитель Агапитъ чаю попить и говоритъ, между прочимъ, что дѣла у него неваж-

ны и что, если Іаковъ одолжитъ ему сто франковъ, большое ему спасибо скажетъ. А что отдастъ онъ ему эти деньги въ срокъ, Іаковъ не можетъ сомнѣваться: за время ученья Іаковъ видѣлъ и знаетъ, что Агапитъ истинную вѣру держитъ и святыхъ угодниковъ почитаетъ и изо всѣхъ Николу:

— Никола и будетъ свидѣтелемъ.

Іаковъ, дѣйствительно, какъ учился у Агапита, много наслушался всякихъ чудесъ о Николѣ — и теперь, когда Агапитъ указываетъ на Николу, вѣритъ и не сомнѣвается, что Агапитъ сдержитъ слово, не обманетъ.

— Получайте, Агапитъ Семенычъ, сто франковъ! — Іаковъ положилъ сотенную бумажку передъ Агапитомъ.

Агапитъ бумажку сунулъ въ карманъ, напился чаю, тѣмъ дѣло и кончилось.

И такъ идетъ время, въ дѣлахъ незамѣтно. И какъ все у Іакова хорошо начинается, а потомъ поврежденіе, такъ и съ фотографіей: всѣ негативы, какіе у него про запасъ хранились, всѣ до одного съ чего-то поцарапались и, какъ тогда съ яйцами, вышла непріятность съ карточками: сниметъ лицо приличное, а выходитъ — показать совѣстно, все какіе-то приплюснутые черепа и возмутительные носы, кліенты обижаются. И пришлось Іакову очень трудно: надо было весь инвентарь обновить и взять въ долгъ матерьялу.

И когда наступилъ срокъ Агапиту, Іаковъ ждетъ: ему сейчасъ очень кстати.

А Агапитъ не только не пришелъ съ платежемъ и не извѣстилъ, а сталъ избѣгать Іакова: завидитъ на улицѣ и стреконетъ на ту сторону и проходитъ, отвернувшись, будто номеръ дома ищетъ. Пришлось Іакову самому итти: можетъ забылъ? все бываетъ, другой разъ нужное слово выскочитъ изъ памяти, а деньги — сколько хотите!

А Агапитъ:

— Сто франковъ! позвольте: я вамъ ихъ отдалъ.

И не успѣлъ Іаковъ «когда» спросить, тотъ уже и число называетъ.

Очень это огорчило Іакова, не можетъ онъ понять, какъ это такъ возможно, чтобы такой аккуратный, какимъ онъ всегда зналъ Агапита, вѣрующій человѣкъ — и такъ легко поступиться своеі вѣрой: вѣдь клялся! святого, которому вѣритъ и почитаетъ, въ свидѣтели призывалъ. И ухватило его за сердце: все въ немъ заколотило — въ тысяча кулаковъ стучитъ: нѣтъ, такихъ слѣдуетъ проучить — и есть же на свѣтѣ справедливость, и обманщикъ долженъ быть пристыженъ и наказанъ!

Іаковъ подалъ въ судъ жалобу.

А Агапитъ думаетъ себѣ: чего? — росписки нѣтъ никакой, а клятва? — но Іаковъ другой вѣры, на него благодать не распространяется и за него на томъ свѣтѣ къ отвѣту не потянутъ; и что Іакову сто франковъ? дѣла у него хорошія, вонъ женѣ лисичью шубу сшилъ, а кто не знаетъ, что теперь цѣна лисы — живой слонъ! и всѣхъ своихъ дѣтей хвостиками и лапками обвѣсилъ, это тоже не реклама, даромъ не раздаются; а кромѣ того, если ужъ такъ припретъ, подавай ему эти сто франковъ — самому неотложный платежъ! — и то обойдется: ему помогутъ, это не нашъ братъ, у нихъ такой человѣкъ, какъ Іаковъ, такой искусный мастеръ не наплевать, ну, а если — — всѣ люди, а человѣкъ или это ангелъ или это прохвостъ! — а если никто не поможетъ, такъ самъ онъ выкарабкается: вѣдь что только съ нимъ жизнь не дѣлала, и такъ броситъ — подымется, и этакъ вывернетъ — встанетъ, Іаковъ не пропадетъ и эти сто франковъ ему ничего не стоятъ, а ему, Агапиту, сейчасъ очень пригодятся: дѣла идутъ неважно.

Въ назначенный день вызываютъ Агапита и Іакова судиться.

Агапитъ заявляетъ, что деньги онъ отдалъ — сто франковъ. Іаковъ говоритъ: не отдавалъ. А росписки представить не можетъ: нѣтъ. Почему, спрашиваютъ, нѣтъ росписки? А Іаковъ говоритъ: потому онъ Агапиту и безъ росписки повѣрилъ, а повѣрилъ, потому что Агапитъ призывалъ Николу въ свидѣтели, Агапитъ вѣрующій человѣкъ и вѣритъ и почитаетъ святого, и вѣра его крѣпче и надежнѣе всякой росписки, какъ было не повѣрить! Судьи говорятъ: принесите икону Николая-чудотворца и пусть Агапитъ поклянется, что деньги отдалъ Іакову — и мы повѣримъ.

Принесли образъ, поставили. И всѣ ждутъ, что будетъ: откажется Агапитъ или не откажется; кто правъ: Агапитъ или Іаковъ? Агапитъ не отказывается: онъ готовъ хоть трижды поклясться.

А былъ у Агапита съ собой портфель: и въ портфелѣ съ готовыми фотографическими карточками и пластинками лежали двѣ бумажки по сто франковъ. И какъ становиться передъ иконой присягать, обращается онъ къ Іакову:

— Коллега, подержите портфель, а то неспособно.

Іаковъ портфель у Агапита принялъ.

И Агапитъ, поднявъ руку съ благословеннымъ крестомъ произнесъ клятву: денегъ сто франковъ бумажку онъ Іакову отдалъ, да еще сто въ воздаяніе за довѣріе присовокупилъ.

Ну, что тутъ скажешь? Кто правъ? Дѣло ясно.

И присудили: деньги сто франковъ Іакову съ Агапита не требовать и заплатить судебныя издержки.

И Іаковъ, вернувъ портфель Агапиту — «держите ваше!» — отъ возмущенія и горечи не нашелъ словъ, чтобы выразить свое чувство: «такъ — такъ если чело-

вѣку свойственна несправедливость, такъ неужели тамъ — и онъ показалъ рукой на образъ и вверхъ — тамъ такъ и останется, и Агапиту пройдетъ? и что же святой, именемъ котораго Агапитъ клялся, неужто покроетъ обиду и не заступится?»

И, покорно вынувъ изъ кошелька, сколько ему заплатить присудили, подалъ приставу и пошелъ вслѣдъ за Агапитомъ.

И всѣ разошлись. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ портфелемъ подъ-мышкой, довольный, вышелъ изъ суда Агапитъ — вышелъ съ честью. А правъ или не правъ, успѣхъ увѣряетъ и, если ты ничего, а про тебя всенародно скажутъ, что ты что-то, ты, ей Богу, почувствуешь себя чѣмъ-то. Выросшiй на голову, шелъ Агапитъ по улицѣ и всѣ передъ нимъ разступались: сейчасъ онъ вскочитъ въ автобусъ и дома; только бы скорѣй автобусъ!

Агапитъ оглянулся — а какимъ ничтожнымъ плелся Iаковъ и какъ отсталъ бѣдняга, вѣдь вышли вмѣстѣ! — и кто это? какой-то монахъ, нѣтъ, это въ мантiи судейскiй, судейскiй поддерживаетъ его подъ руку. И показалось Агапиту, этотъ монахъ судейскiй поднялъ руку и погрозилъ. И весь его пылъ пропалъ: «грози! — выговорилъ онъ съ сердцемъ, — что-жъ, грози!» — и заторопился. Можетъ, лучше бы здѣсь подождать, а чего-то тянетъ: и до слѣдующей остановки тоже недалеко. И опять оглянулся — а тѣ нагоняютъ, и совсѣмъ не такой ужъ слабый Iаковъ, а этотъ судейскiй, теперь ясно видно, старикъ: онъ наклонился и что-то говоритъ, совѣтуетъ — «жаловаться?» — «все равно зря!» — и опять поднялъ руку и погрозилъ.

И, какъ отъ затрещины, бросился Агапитъ черезъ

улицу — вонъ бѣжитъ и автобусъ, только бы успѣть! — и вдругъ почувствовалъ, какъ какая-то слѣпая сила двинула его въ плечо, онъ сдѣлалъ огромное усиліе отпихнуть и не выдержалъ, повалился на спину, видитъ передъ самымъ носомъ металлическая перекладина и только сказалъ себѣ: «конецъ!» — а это и былъ конецъ.

Народъ кричитъ:

— Фотографъ Агапитъ подъ авто попалъ!

Остановился автомобиль.

Вытащили Агапита — никакихъ признаковъ, мертвый! — положили на мостовую. Тутъ же разодранный портфель валяется и изъ него фотографическія карточки и пластинки и двѣ бумажки по сто франковъ.

Подошелъ Іаковъ.

— Вотъ ваши деньги, — говорятъ ему: всѣ вѣдь изъ суда, всѣ знаютъ, — это онъ наказанъ, что обманулъ.

А Іаковъ не беретъ: ему не надо этихъ денегъ.

— Если святой, именемъ котораго клялся Агапитъ, если это Никола такъ наказалъ его за меня: обманулъ человѣка! — пусть же онъ воскреситъ его, Богъ съ нимъ!

И какъ только сказалъ Іаковъ «Богъ съ нимъ», Агапитъ пошевелился, раскрылъ глаза, обтеръ рукой лицо и на ноги встаетъ — — всѣ такъ и отступили.

Только Іаковъ остался.

И, увидѣвъ Іакова и народъ, который на него такъ смотритъ, все понялъ Агапитъ.

— Тамъ ваши деньги, — сказалъ онъ Іакову, — берите себѣ! — и наклонился поднять съ земли портфель.

А Іаковъ молчитъ и еще жутче кругомъ, чего-то ждутъ.

— Я обманулъ.

И тутъ Іаковъ взялъ его подъ руку и, загораживая собой, вывелъ изъ толпы.

И до самаго дому Іаковъ проводилъ его. И дорогой

разсказалъ ему Агапитъ, какъ видѣлъ онъ Іакова — какъ шелъ изъ суда обманутый и беззащитный и съ нимъ старикъ: это тотъ, кто его защитилъ.

— Это Никола былъ.

И съ той поры большими сдѣлались пріятелями два извѣстныхъ византійскихъ фотографа: Агапитъ и Іаковъ. Ходили другъ къ другу чай пить и въ трудную минуту помогали другъ другу.

АБУЛЪ АББА

Въ Самарѣ, на берегу Тигра жилъ одинъ скромный молодой человѣкъ Абулъ Абба: торговалъ Абулъ лимонами, бананами и рахатлукумомъ. Глядя, какъ встрѣчаетъ онъ покупателя, какъ взвѣшиваетъ и завертываетъ товаръ, ни одинъ магъ и волшебникъ не разгадалъ бы, что за лимонами, бананами и рахатлукумомъ пылаетъ неудержимая страсть къ чудесному. А между тѣмъ, это такъ.

И когда Гарунъ аль Рашидъ затѣялъ подчистить островъ Родосъ и подъ командой адмирала Хумида снаряжался флотъ, одинъ изъ первыхъ попалъ на корабль Абулъ Абба. Никто не вѣрилъ, думали, это въ шутку пущено любителемъ чудачествъ одурачить и Абула и падкихъ на всякій и самый несообразный слухъ. А дѣйствительно, Абулъ распродалъ лавочку и матросомъ пошелъ прощаться съ сосѣдями.

Извѣстно, какъ печально кончилась родосская кампанія: у береговъ Ликіи флотъ былъ уничтоженъ бурей, а изъ многочисленнаго экипажа уцѣлѣлъ Абулъ Абба да еще съ десятокъ, которымъ на самомъ дѣлѣ море оказалось по колѣно. А загнало ихъ ни-вѣсть-куда — къ Далматскому побережью и выбрались они на одинъ изъ маленькихъ острововъ какъ разъ противъ греческаго города Спалато, знаменитаго развалинами дворца Діоклетіана.

Понемногу на островѣ подобралась своя компанія — пираты, рыщущіе по морямъ за добычей и приключеніями. И греческій островъ обратился въ сарацинскій. Началась самарская жизнь.

Абулъ Абба женился и открылъ лавочку: лимоны, бананы и рахатлукумъ. И глядя, какъ встрѣчаетъ онъ покупателя, какъ взвѣшиваетъ и завертываетъ товаръ, ни одинъ магъ и волшебникъ не разгадалъ бы, что за лимонами, бананами и рахатлукумомъ пылаетъ неудержимая страсть къ чудесному. А между тѣмъ, это такъ.

***

Спалато въ двухъ шагахъ отъ острова. Воскресенье — торговли нѣтъ, да и погода хорошая. И задумалъ Абулъ на лодкѣ покататься. И совсѣмъ-то пустяки отъѣхалъ, откуда ни возьмись, греки зацапали его вмѣстѣ съ лодкой — и попалъ Абулъ въ плѣнъ.

И сидитъ Абулъ Абба въ тюрьмѣ: днемъ на работу, вечеромъ изволь на цѣпь: ошейникъ толстенный, на шеѣ раны и голова затекаетъ. Сарациновъ никого, одинъ онъ, остальные греки. Не зналъ греческаго языка, научили: и не только въ разговорахъ не путается — греческія молитвы говорилъ, какъ греческій попъ.

Замѣтилъ Абулъ, что въ молитвахъ чаще всего поминается имя — святой Никола. И очень это его заинтересовало: почему такое, изо всѣхъ святыхъ этому святому такая слава? А ему объяснили, что это самый первый чудотворецъ: потому что избавляетъ отъ неволи — кого изъ тюрьмы, кого изъ плѣна. Абулъ это очень хорошо запомнилъ. И еще узналъ онъ одну для себя очень интересную подробность: оказывается, буря, надѣлавшая тогда столько бѣды, дѣло рукъ этого святого: оказывается, адмиралъ Хумидъ захотѣлъ въ

Мирахъ разрушить его могилу — и разворотили саркофагъ да не святого, а чей-то, ну, тутъ и поднялось на морѣ. И изъ всѣхъ за что-то Абула пощадилъ онъ и Абулъ живъ остался, не утопъ — стало быть, святой однажды сберегъ ему жизнь. И почему бы Абулу не попытать счастья обратиться къ этому святому за помощью: ужъ годъ, какъ сидитъ на цѣпи, и конца краю не видно.

И сталъ Абулъ Абба на молитвѣ поминать, какъ другіе, имя Николы: проситъ святого вытащить его изъ петли — ни за что пропадаетъ.

Правда, Абулъ пропадалъ: вся его память о домѣ сосредоточивалась на бананахъ: бананы и лимоны. И во снѣ представлялись они во множествѣ и въ самой фантастической формѣ: какъ змѣи окружали они его, припрутъ къ стѣнѣ, грозятъ и пыряютъ — и онъ, отбиваясь, вскочитъ, вотъ задохнется. И весь день такое это чувство: либо сама голова отвалится, либо самъ онъ себѣ ее ножикомъ отхватитъ.

И изъ послѣдняго терпѣнія молитъ и проситъ Абулъ святого:

— Какъ угодно — освободите!

И вотъ въ одинъ изъ такихъ лимоновыхъ сновъ, всѣ чувства напряжены — Абулъ отмахивается и отбивается, а они прутъ — они змѣями обвивались вокругъ его шеи душить, вдругъ свѣтъ погасъ и изъ струящейся сини, Абулъ видитъ, старикъ — — и знаетъ Абулъ, это тотъ самый первый святой-чудотворцъ, о которомъ разсказывали греки, Никола, которому молился, только онъ такой — и подыметъ если бурю, потопить никого не захочетъ! Неслышно подошелъ старикъ къ Абулу, коснулся его шеи — и желѣзная цѣпь подъ его пальцами распалась, и почувствовалъ Абулъ, какъ воздухомъ его, свободно!

«Абулъ, — сказалъ старикъ кротко, — сту-пай!».

— — — — — — — — — —

Абулъ Абба очнулся и къ своему великому удивленію видитъ: онъ у себя дома на своей постели, какъ будто никогда-то и въ плѣну не былъ и на лодкѣ не катался. Разбудилъ жену и ей разсказываетъ, какое невѣроятное съ нимъ происшествіе, и что только чудомъ онъ прямо изъ тюрьмы:

— Чепуху мелешь! — отозвалась съ просонья жена.

— Нѣтъ, не чепуха, я по-гречески могу разговаривать! — и пошелъ ей разсказывать всякія исторіи изъ тюремной жизни, острожные анекдоты и молитвы.

Но та ничего не понимаетъ.

А. Абулъ никакъ не наговорится: вѣдь цѣлый годъ, да и какая тюрьма!

***

Воскресенье — лавка заперта. Абулъ провелъ весь день дома. Весь день въ разговорахъ — конечно, разсказывалъ Абулъ. Рано легли спать.

И ночью видитъ Абулъ: тотъ самый старикъ — святой — но еще роднѣе: такъ дѣдъ, когда Абулъ былъ маленькій, бывало, смотритъ на него.

«Абулъ, — сказалъ дѣдъ, — садись въ лодку и правь къ грекамъ и разскажи, какими путями ты изъ тюрьмы вышелъ. Не вѣрятъ, думаютъ, ты подкупилъ сторожей, ихъ допросили и имъ грозитъ смерть».

Абулъ проснулся:

«Надо ѣхать!»

Разбудилъ жену: надо ѣхать, ему велѣли, ослушаться онъ не можетъ.

Жена отговариваетъ:

— Ты съ ума сошелъ!

— Да никакъ невозможно, ну сама посуди: за мою свободу съ другихъ взыщутъ и ни въ чемъ неповинные пострадаютъ.

И какъ ни просила она, какъ она ему ни доказывала, что это сумасбродная идея — она давно замѣчаетъ, что онъ сталъ заговариваться! — что пора, наконецъ, перестать фантазировать, Абулъ не послушалъ, сѣлъ въ свою лодку и, хоть бы палку взять или хлыстикъ, съ пустыми руками поѣхалъ къ грекамъ.

И благополучно добрался до самаго берега: Спалато — тамъ народъ, ничего не понимаютъ: сарацинъ живьемъ пріѣхалъ! И сколько хватило голоса, на ломаномъ греческомъ языкѣ, прокричалъ Абулъ о своемъ чудѣ — чтобъ никого не винили. И выкрикнувъ имя святого, своего избавителя — «Никола!» — повернулъ лодку.

А ему въ догонку такой полетѣлъ отборный «мерзавецъ» и десять лодокъ пустились его преслѣдовать. Но догнать не могли, такъ ни съ чѣмъ и вернулись. А Абулъ вытащилъ на берегъ лодку и спокойно вернулся домой — прямо въ лавку.

***

Не узнать Абула! Торговалъ онъ вяло, на вопросъ покупателя не отвѣтитъ, не заинтересуетъ товаромъ, не прислушается къ разговору, какъ бывало, когда за пиратскими разсказами изъ-за банановъ и лимоновъ, видишь, пылаютъ два неутоленные глаза. Все думаетъ. Или опять чего замыслилъ? И кончилъ тѣмъ, что распродалъ свою лавочку, простился съ сосѣдями и поѣхалъ неизвѣстно куда.

Добравшись до Іерусалима, Абулъ крестился отъ патріарха, и жена его крестилась.

Такъ нашелъ Абулъ Абба свое новое счастье и пылавшая страсть его къ чудесному сама стала творить чудеса.

ЭСТУРГАНЪ

Эстурганъ, начальникъ арабской экспедиціи въ Калабрію, вернулся въ Карфагенъ съ богатой добычей. Налетъ вышелъ удаченъ. Вмѣстѣ съ драгоцѣнностями Эстургану досталась икона: онъ не хотѣлъ ее брать, но ему объяснили, что эта икона обладаетъ чудесной силой: храня ее въ домѣ, можно жить, какъ у Христа за пазухой; а изображенъ на иконѣ первый христіанскій святой чудотворецъ — Никола.

Эстурганъ получилъ большое назначеніе: генеральный育 фининспекторъ эмирата: весь податной африканскій округъ попалъ въ его вѣдѣніе.

Передъ составленіемъ годового отчета понадобилось Эстургану съѣздить провѣрить свой округъ. А хранилъ онъ у себя большія казенныя суммы и очень безпокоился оставить такую казну: боялся воровъ. Правда, у него чудодѣйственная икона: не зря же разсказываютъ, вѣрно есть въ ней такая сила — сторожевое свойство: сбережетъ и постращаетъ, если понадобится.. А вѣдь это и требуется. Деньги онъ хранилъ въ сундукѣ, передъ отъѣздомъ на сундукъ онъ положилъ икону. Такъ надежнѣй. А когда вернулся домой: икона лежала на сундукѣ, какъ положилъ, но въ сундукѣ, гдѣ хранились деньги — пусто: все до копѣечки подчистили, какъ вылущили!

Вотъ тебѣ и у Христа за пазухой! — Эстурганъ пришелъ въ ярость: его обманули!

И что ему дѣлать? — какъ онъ отвѣтитъ? — не можетъ онъ объяснять пропажу казенныхъ денегъ — не можетъ онъ разсказывать, что оставилъ деньги на икону. Никто не повѣритъ: и что онъ съ ума что ли спятилъ или дурака валяетъ? просто сочинилъ эту икону, чтобы прикрыть растрату! — такъ скажутъ.

— Послушайте, что же это такое? Я былъ такъ увѣренъ. Я оставилъ на васъ казенное. Понимаете? Я повѣрилъ, что вы надежнѣе всякаго сторожа. Я вамъ, наконецъ, довѣрилъ. Что бы сдѣлали со мной, если бы я поступилъ такъ? — Такъ поступятъ съ тѣмъ, кто обманетъ довѣріе? — и онъ выбросилъ икону за окно.

***

Воры, запихнувшись въ лѣсу въ надежное мѣсто, дѣлили эстургановы деньги. Воры были въ скрыти и полной безопасности. Нисколько не стѣснялись. Ни одинъ человѣкъ съ воли не ткнется! И вдругъ передъ ними — старикъ. Застигнутые врасплохъ, они какъ одеревенѣли, а у ихъ атамана отъ неожиданности вывалились зацѣпленные въ ноздри маскированные усы.

Языкъ не поворачивался спросить: чего? И только вытаращенные глаза — —

— Извольте снести эти деньги инспектору, — сказалъ старикъ, — откуда взяли, туда и положите: въ сундукъ. Не послушаете, пожалѣете: не на добро онѣ вамъ достались.

— А ты какъ сюда, — очнулся атаманъ, — разговариваешь?

Старикъ посмотрѣлъ на всѣхъ — да вѣдь это тотъ самый старикъ съ сундука у инспектора! — и каждому

почудилось: только на него смотритъ старикъ.

— Я — сторожъ — Никола.

И отъ этого взгляда морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Мы сейчасъ, — сказалъ атаманъ и дрожащими руками сталъ сгребать деньги въ мѣшокъ.

И когда собралъ все до послѣдней подклеенной бумажки и, встряхнувъ мѣшокъ, поднялъ, — старика не было. И только осталось — какъ слѣдъ отъ его словъ, гроза: исполнишь волю, избавишься, не исполнишь, пропалъ.

Вечеръ ходитъ Эстурганъ по комнатѣ — пустой сундукъ. И не можетъ ничего придумать — пустой сундукъ.

Такъ какъ же ему выкрутиться? что онъ скажетъ? чѣмъ оправдается? И сколько онъ думаетъ, все ни къ чему, всѣ его разсужденія — пустой сундукъ. Въ дурацкое положеніе попалъ и отвѣтитъ! Если бы онъ былъ подчиненный, турнули бы съ мѣста, этимъ и кончилось бы, но онъ начальникъ — и его не только погонятъ, а еще и примѣрно накажутъ... а откуда достать такую уйму? вѣдь всѣ его личныя сбережнія, всѣ его калабрскія драгоцѣнности — ничтожная часть довѣренной ему казны, нѣтъ, не выкрутишься! И изъ-за чего?

И вотъ когда онъ рвалъ и металъ передъ пустымъ сундукомъ, вбѣгаетъ дѣвчонка, на кухнѣ прислуживала Анютка, тащитъ икону:

— Дѣдушку обронили!

Эстурганъ икону взялъ — не объяснять же въ самомъ дѣлѣ дѣвчонкѣ! — поставилъ икону на столъ: «вернулся!»

— Послушайте! — сказалъ онъ, глядя на образъ, —

если сегодня же ночью воры не принесутъ назадъ деньги... — но что онъ могъ сдѣлать съ иконой? не живое, никакъ не отвѣтитъ! и подумалъ: «надо сдѣлать ему какую-нибудь уступку!» — если сегодня ночью воры принесутъ назадъ деньги... — и опять подумалъ: «надо ужъ навѣрняка!» — я бросаю нашу вѣру и перехожу къ вамъ. Я никогда не обманывалъ.

И положилъ икону на сундукъ, какъ тогда передъ отъѣздомъ.

И самъ вышелъ въ другую комнату: «не мѣшать».

Увѣренный — онъ никогда не обманываетъ! — Эстурганъ легъ спать. И преспокойно спалъ ночь. А когда на утро вошелъ къ себѣ въ комнату, все оказалось въ порядкѣ: на сундукѣ икона, а въ [illegible]стомъ сундукѣ казна: воры назадъ положили до послѣдней скленной бумажки.

И тогда Эстурганъ, исполняя обѣщаніе, крестился.

И весь податной округъ — подчиненные послѣдовали его примѣру, и ихъ семьи и вся прислуга. А та дѣвчонка Анютка, что «оброненнаго дѣдушку» вернула, оказалась давно крещенной!

Имя Николы разнеслось по Африкѣ среди арабовъ, и вѣра въ его чудесную помощь горѣла ярче, чѣмъ даже въ раззоренной обездоленной Калабріи.

ХОРДАДБЕ

Хордадбе, Багдадскій купецъ, возвращался зимой съ караваномъ изъ Миръ въ Багдадъ. Ярмарка въ Мирахъ на Николу: въ допотопныя времена справляли русаліи въ честь Артемиды Элейтеры — спасительницы, а теперь празднуютъ Николу — спасителя отъ всякихъ бѣдъ и чудотворца. Хордадбе наслушался всякихъ чудесъ на ярмаркѣ — имя святого во всѣхъ разсказахъ.

Хордадбе возвращался домой въ самомъ благодушномъ настроеніи: всѣ шелка онъ выгодно продалъ, накупилъ кожъ и оружія, да и прибыли порядочно. И на умѣ у него размышленія о высокой матеріи — Хордадбе философствовалъ.

День ѣдетъ и другой — все горами. Съ горы на гору трудно, но есть и большое наслажденіе по горамъ. Проѣхалъ онъ большой путь, не замѣтилъ, и ужъ не далеко отъ границы въ Киликіи застигла его метель: и такая была ночь, крутитъ: ни гдѣ ты, ни тебѣ куда — снѣгъ!

И тарарахнулся Хордадбе съ конемъ въ пропасть.

Въ смертномъ страхѣ все забылъ — изъ всей его памяти вспыхнуло имя — окоченѣлыми пальцами онъ схватился за чудодѣйственное имя спасителя отъ всякихъ бѣдъ и чудотворца.

И какъ только проговорилъ онъ мысленно «Николу», — налетѣлъ ястребъ, сѣлъ на грудь ему и распро-

стертыми крыльями закрылъ — — конь подъ нимъ поднялся и пошелъ. Тамъ на верху метель, здѣсь звѣзды. Богъ съ нимъ, съ караваномъ, слава Богу, что самъ-то цѣлъ!

А когда на разсвѣтѣ онъ выѣхалъ изъ долины и ос тановился для утренней молитвы, вдругъ видитъ: впереди высоко на горѣ идетъ его караванъ.

***

Хордадбе, Багдадскій купецъ — извѣстенъ и въ Малой Азіи и Месопотаміи: большой купецъ — старшина, и вѣру свою крѣпко держитъ — правовѣрный. А на его бѣлой одеждѣ на золотой цѣпи, какъ у архіерея панагія — носитъ онъ изображеніе чудотворца, спасителя отъ всякихъ бѣдъ, спасшаго его отъ смерти, а караванъ отъ гибели.

— Съ этимъ талисманомъ, — показываетъ Хордадбе себѣ на грудь, — всѣ мнѣ дороги свободны!

И какъ, бывало, съ ярмарки вернется, кому-нибудь изъ сосѣдей обязательно образокъ привезетъ — «Николу» — и кому его дастъ, значитъ — дружба.

АЙДАРЪ

Брошенъ, валялся Айдаръ въ подпольѣ. Какіе это темные демоны закрыли отъ него солнце? Добрыкъ просунется, затрясетъ бороденкой: «Дай за себя выкупъ, мерзавецъ, отпущу на твою землю!» А гдѣ Айдаръ возьметъ выкупъ: половецкую степь закутали сумерки и на его зовъ падаютъ съ потолка холодныя капли.

Добрыкъ набожный человѣкъ, читалъ божественныя книги, но ума не нажилъ: ну хоть бы разъ подумалъ — требовать выкупъ отъ плѣнника? да гдѣ же возьметъ онъ, прикованный безвыходно въ подпольѣ? У него и голосъ — скрипучая телѣга, и силы таютъ — воскъ, и дышетъ онъ — задавленная кошка.

— Отпусти въ степь, пригоню коней!

— Дай поруку, отпущу.

— Никого не знаю и нѣтъ на Руси человѣка, кто меня знаетъ.

— А хочешь, я дамъ тебя на поруку великому святителю и чудотворцу Николѣ?

— Я его не знаю.

— Онъ тебя знаетъ: онъ все знаетъ.

***

На угорскомъ урочищѣ на могилѣ Олега, гдѣ стоялъ Ольминъ дворъ, поставлена была божница во имя

св. Николы — первая на Руси Никольская церковь.

Въ церковь повелъ Добрыкъ Айдара. Показалъ на образъ:

— Вотъ — ему поручаю тебя.

И у Добрыка мысли не мелькнуло, что Айдаръ обманетъ: поручительство Николы крѣпко.

— Никола не обманетъ! — сказалъ Добрыкъ.

И отпуская Айдара, нарядилъ его, далъ ему хлѣба на дорогу и на своего коня посадилъ, поводья подалъ:

— Айдаръ, я тебѣ вѣрю: ты исполнишь. Но не дай Богъ, помни: отъ меня, человѣка, ты уходишь, а отъ руки поручителя — никуда не убѣжишь.

— Все исполню! — сказалъ Айдаръ и только свиснулъ.

И конь умчалъ его въ неоглядную, ковылевую, въ свою — тамъ каждый свистъ свой, каждый стрекотъ тебѣ — половецкую степь.

**
*

Ѣдетъ Айдаръ, такъ онъ радъ и смѣется себѣ:

«А и дуракъ же этотъ Добрыкъ — что мнѣ можетъ старикъ на иконѣ: вотъ я не вижу его, ни онъ меня. Да если бъ и самому русскому князю далъ на поруку, не боюсь: мнѣ? — на моей землѣ!»

И когда вернулся въ степь и разсказалъ всему своему роду, какъ русскій отпустилъ его: «далъ на поруку старику, а старикъ — икона: на деревѣ нарисованъ!» — всѣ такъ со смѣху и покатились.

— И какая увѣренность, — разсказывалъ Айдаръ, — отъ меня, говоритъ, ты можешь уйти, я человѣкъ, а отъ него — никуда не убѣжишь!

И смѣхъ еще пуще:

— Все это одно воображеніе.

— Да просто глупъ.

И живетъ себѣ Айдаръ, поживаетъ. Какой тамъ выкупъ, а что въ плѣну годъ сидѣлъ, и о плѣнѣ забывается.

И разъ ночью снится ему, сидитъ онъ будто у своей бѣлой палатки — и свѣтъ такой покойный, глазамъ хорошо и все глядѣлъ бы — и видитъ: идетъ по дорогѣ — всматривается Айдаръ — старикъ: старикъ остановился:

«Айдаръ, узнаешь меня?»

«Не знаю, — и не можетъ Айдаръ никакъ припомнить, — кто ты?»

«Не я ли за тебя поручился? Забылъ! — съ упрекомъ сказалъ старикъ, — а давно бъ надо исполнить: не отвезешь выкупъ, не минуешь бѣды».

И Айдаръ проснулся. И ему какъ-то тревожно. А потомъ подумалъ: мало ли чего во снѣ приснится! И забылъ.

И всего три дня прошло, ѣдетъ Айдаръ степью и опять такой свѣтъ уже на яву свѣтитъ, хорошо глазамъ, и видитъ: тотъ самый старикъ! — не успѣлъ Айдаръ и подумать, что ему скажетъ, съ чего-то вдругъ екнуло сердце, позеленѣло въ глазахъ и онъ упалъ съ коня.

И услышалъ:

«Не говорилъ ли тебѣ: отвези выкупъ! Я же за тебя поручился. И еще разъ говорю; а не то пожалѣешь».

Отдышался Айдаръ, раскрылъ глаза — никого. Сѣлъ на коня и повернулъ домой: выкупъ надо отвезти — непремѣнно!

Но рѣшить-то рѣшилъ, а исполнить воли нѣтъ, все откладываетъ: завтра! А на завтра помѣшаетъ что-нибудь и опять: завтра! Да и всякія объясненія сталъ подыскивать: почему съ нимъ такое творится? — А это въ плѣну, сидя въ подпольѣ, онъ надорвался, вотъ по-

чему: ему надо хорошенько отдохнуть и тогда онъ будетъ спать спокойно и ничего ему не будетъ казаться.

А какъ объяснилъ себѣ, такъ и «завтра» забылъ, и успокоился.

Въ степи былъ съѣздъ половецкихъ князей — курултай. Пріѣхалъ и Айдаръ. И когда на конѣ онъ стоялъ въ кругу, вдругъ на глазахъ у всѣхъ онъ упалъ съ коня.

«Я тебѣ говорилъ, — услышалъ онъ голосъ, — а посмотри, еще хуже будетъ. Добрыкъ повѣрилъ мнѣ и теперь ходитъ печальный. Не могу я видѣть его въ печали. Слышишь, не побоялся ты суда Божья — а суда не минуешь».

Съ болью Айдаръ раскрылъ глаза и видитъ: тотъ старикъ — и такой грозный, смотрѣть нѣтъ силы! — и Айдаръ ударился головой о землю, а его подбросило и кинуло на земь — весь онъ скорчился: голову свело съ ногами: кто-то палкой билъ его и онъ не могъ уклониться отъ ударовъ, и съ каждымъ ударомъ слышалъ голосъ: «повези выкупъ!»

Всѣ, кто былъ въ кругѣ, повернули коней да кто куда.

Весь избитый остался Айдаръ одинъ среди поля.

Тамъ дали знать его роду и родственники пріѣхали и взяли его: думали, померъ.

— — —

Айдаръ лежалъ безъ памяти. И когда очнулся, не могъ слова выговорить. Только въ мысляхъ клялся: только бъ встать, онъ все исполнитъ! И заговорилъ — разсказалъ всему роду о снѣ и встрѣчѣ въ степи и о грозѣ на кругѣ.

— Идіотъ! — напустились родственники, — да какъ же такъ можно? Мы же тебѣ говорили: разъ за тебя поручились, надо отвезти выкупъ.

А другіе говорили:

— За тебя поручился самъ русскій Богъ, а ты обманулъ, вотъ теперь и расхлебывай.

И еще говорили:

— Русскіе говорятъ: «за грѣхи наши Богъ не помогаетъ намъ!» Хорошо еще, что не всегда помогаетъ, а то бы ни одного изъ насъ не осталось.

И всѣ — весь родъ — въ одно слово:

— Если ты сейчасъ же не поѣдешь на Русь, не повезешь выкупъ, уходи отъ насъ и погибай одинъ, а то еще и намъ за тебя влетитъ!

Не дали человѣку поправиться, чуть поднялся на ноги, гонятъ: выбралъ Айдаръ табунъ лошадей — свой выкупъ, и еще отобралъ другой табунъ — даръ поручителю.

Въ Кіевѣ Айдаръ не повернулъ ко двору Добрыка, а прямо въ угорское урочище къ божницѣ. И слѣзъ съ коня и до церкви пѣшкомъ впереди отборнаго табуна. И, войдя въ церковь, подошелъ къ образу — тотъ самый старикъ глядѣлъ на него.

Айдаръ сложилъ руки и, прикоснувшись лбомъ къ образу, глубоко вдохнулъ.

— Не мучь меня! Я свой выкупъ привезъ, а тамъ — это тебѣ.

И увидѣлъ: старикъ совсѣмъ не грозный, а милостиво глядитъ на него: «Вотъ, молъ, и молодецъ, давно пора: Айдаръ обѣщанія исполняетъ, а не водитъ за носъ!»

— Я водить никого не буду! — сказалъ Айдаръ и еще разъ глубоко вдохнулъ.

— — —

И выйдя изъ церкви, передалъ отборный табунъ Никольскому попу Минѣ, а большой табунъ погналъ къ Добрыку.

— Вотъ тебѣ табунъ — выкупъ, а у поручителя я былъ ужъ.

И разсказалъ Айдаръ Добрыку все, что съ нимъ было: какую принялъ муку — а теперь онъ чистъ! И съ легкой душой поѣхалъ въ свою степь — никогда не забудетъ: русскій Богъ — Никола Добрый.

ГЛАЗА

Изъ всѣхъ сербскихъ королей, потомковъ Симеона Нѣманя, Стефанъ Урошъ Милутинъ самый мудрый, и только слава его внука царя Душана затмила память о дѣдѣ.

Царемъ Золотой Орды послѣ смерти Батыя сдѣлался его братъ Беркай. Поссорился Батый съ Византіей: изъ-за мамлюковъ — половцевъ, застрявшихъ въ Египтѣ: отъ ихъ султана Бейбарса не пропускали пословъ черезъ Константинополь въ Орду. Беркай послалъ своего «темника» полководца Ногая войной на императора. Ногай побѣдилъ грековъ, и Михаилъ Палеологъ вынужденъ былъ заключить союзъ съ Золотой ордой.

У ногайцевъ руки чесались и первому, кто ближе — Сербіи угрожала большая опасность. Сербія Милутина не Сербія его внука царя Душана, Ногаю стоило только пальцемъ пошевелить — и крышка.

Король отправилъ пословъ къ Ногаю. И сговорились: въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ разорять сербскую землю, когда рожонъ общій — греки, и миръ никогда не мѣшаетъ. И такая пошла дружба у короля съ Ногаемъ, своего сына королевича послалъ онъ ко двору Ногая въ татарскую науку.

Ну, конечно, дѣло понятно, дружба дружбой и наука наукой, а жилъ королевичъ при Ногаѣ, какъ плѣн-

никъ. Только королевичъ этого не замѣчаетъ: ему было что смотрѣть и слушать.

И много, чему научился онъ — всякимъ искусствамъ, а кромѣ того, хорошее знакомство: сколько русскихъ, тоже и китайцы, да и гостей не переводится, со всѣхъ странъ къ Ногаю ѣдутъ. И всѣ старались говорить или по-русски или по-китайски, а кто не можетъ, ну хоть по-татарски. Разсядутся чай пить и всякія исторіи разсказываютъ.

Королевичъ больше всего любилъ про чудесное — и глаза у него такіе, не позабудешь. И всѣ королевича любили. Ногай — это онъ любилъ говорить про себя, какъ когда-то Гуюкъ: «на небѣ Богъ, на землѣ Ногай! — Ногай самъ страхъ, а съ королевичемъ былъ кроткій, а когда распалится, одинъ королевичъ — только взглянетъ, и отойдетъ отъ сердца: такіе даются глаза человѣку, ихъ возжигаетъ какой-нибудь очень высокій ангелъ.

И такое стало, что Ногаю съ королевичемъ никогда не разстаться — какой тамъ заложникъ! самый первый при дворѣ и выше его нѣтъ. И если Ногаю подарокъ, королевича не позабудьте! Королевичъ-то, можетъ, и не замѣтитъ, а Ногай ничего не пропуститъ, отъ него ничего не скроешь — не даромъ Менгу - Темиръ въ родѣ царемъ его сдѣлалъ: отъ Тавріи до Дуная первый старѣйшина у великаго хана. И вонъ Телебугѣ за одну такую оплошку всю жизнь помнилъ, ну а Тохта — шаманскій глазъ — этотъ сумѣлъ втереться: задарилъ королевича, а за нимъ всѣ его и синіе и желтые ламы.

Рубрукъ, посолъ Людовика Святого, по дорогѣ къ великому хану Менке, заѣзжалъ къ Ногаю. Разсказалъ чудесную исторію съ королемъ Людовикомъ, отъ самого короля слышалъ.

Когда возвращались изъ крестоваго похода, ночью не подалеку отъ Кипра поднялась буря. Опасность была такъ велика, ничего не оставалось, какъ только готовиться къ смерти. Королева была въ отчаяніи, и сенешаль Жуанвиль предложилъ ей — единственное спасеніе! — дать обѣтъ паломничества въ Варанжевиль къ св. Николаю. Но королева не рѣшилась на такое безъ согласія короля. Тогда Жуанвиль предложилъ пообѣщать чудотворцу серебряный корабль. Королева обѣщалась. И въ ту же минуту вѣтеръ затихъ, и опасность миновала.

«Маленькій серебряный корабль сдѣлали въ Парижѣ и все было серебряное: и паруса, и мачты, и фигурки короля, королевы и всѣхъ дѣтей».

Королевичу очень понравилось, что все маленькое.

«И маленькія лодочки?»

«И маленькія бато, — говорилъ Рубрукъ, и, поправляясь, по-русски, — ботики.

Юсупъ Дубаевъ, первый мастеръ при Ногаѣ, смастерилъ королевичу серебряный караванъ — везутъ на верблюдахъ и чего только нѣту, какихъ только товаровъ и все серебряное, и шатеръ, а въ шатрѣ Ногай съ королевичемъ чай пьютъ и такой вотъ крохотный самоварчикъ — скороходовъ нарочно на Волгу въ Сарай посылали за матерьялами и инструментомъ.

«Это вамъ не ботики!»

И еще поразило королевича: разсказывалъ пріѣзжій изъ Бретани и русскій изъ Кіева. Это когда при перенесеніи мощей Николая-чудотворца везли его по морю и разлилась благодать по всему міру, два чуда: въ Нантѣ чудесное исцѣленіе бретонскаго принца Конана, а на Днѣпрѣ русскаго мальчонку зацѣпило.

> Отецъ Конана — Алэнъ Фержанъ, второй герцогъ Бретани изъ дома Корнуаллиса, мать Эрменгарда, дочь Фулька князя Анжуйскаго. Итти въ аббатство въ Анжу и посвятить себя и дѣтей св. Николаю дали обѣтъ родители Конана. Только чудо могло спасти маленькаго принца.

«И когда надъ умирающимъ произнесено было имя св. Николая, погасшіе «трехтысячелѣтніе» глаза кельтскаго мальчика вдругъ засвѣтились, и онъ сталъ разсказывать про море: какъ онъ на берегу собиралъ ракушки и подошелъ къ нему «эвэкъ» взялъ за руку и повелъ по волнамъ и въ лицо брызнула волна и онъ увидѣлъ: отецъ и мать и братъ».

А про Днѣпръ такое — и въ то же время:

> Мать переправлялась на лодкѣ черезъ Днѣпръ, задремала, мальчишка у нея и бултыхнись въ воду и пошелъ ко дну. Съ тѣмъ и домой вернулась: потонулъ.

«А ночью видѣли, по водѣ шелъ старикъ на ту сторону къ св. Софіи и къ ногамъ его подняло со дна, нагнулся онъ, выловилъ мальчонку, взялъ себѣ на руки и понесъ. И вынесъ его на берегъ и къ св. Софіи и тамъ на полати (на хоры) подъ икону — тепло тамъ — и положилъ: Ваня очнулся и ротикомъ, какъ плотвичка, воздухъ глотаетъ».

А случившійся при разговорѣ новгородскій посолъ Труфановъ говоритъ:

«А у насъ тоже, это Никола Мокрый, только у насъ по другому называется: явился онъ на Ильмень озерѣ на островѣ Липно и водой съ него исцѣлился Мсти-

славъ, сынъ Владимира Мономаха, образъ поставили въ Новгородѣ на дѣдовомъ Ярославовомъ дворѣ и называютъ его не Мокрый, а Дворищенскій или Липенскій».

«Николины чудеса» смѣнились арабскими сказками: отъ Хулаги изъ Багдата пріѣзжали послы, по-русски разсказывали. А арабскія сказки китайскими чудесами: отъ Кубилая изъ Пекина — китайскія лисичьи «про лисицу».

Королевичъ изъ отрока выросъ юношей. Неразлучно провожалъ Ногая, гдѣ-гдѣ не былъ — и въ Польшѣ и въ Венгріи и подъ Галичемъ — и ужъ такое видѣлъ, но глаза его — глаза его все также свѣтились, будто жизнь не коснулась его, впрочемъ, въ жизни — не то, что мы видимъ, а что въ насъ...

И вотъ случилось, что Тахта, по наущенію Ногая Телебугу прикончилъ, а потомъ и самого Ногая, правда, не своими руками — русскій убилъ! — да вѣдь это все равно, важно, чей починъ. И сталъ Тахта царемъ Золотой орды, а королевичъ вернулся къ отцу въ Скоплье.

***

Возвращеніе королевича отпраздновали свадьбой: женился онъ на болгарской царевнѣ Ѳеодорѣ, получилъ отъ отца Зетскую землю и сталъ тамъ жить королемъ.

Чары ли его глазъ или тутъ Ногайскій духъ дѣйствовалъ — поднялись бояре, хотятъ, чтобы не король Милутинъ, а королевичъ королемъ былъ надъ всей Сербіей. И король испугался: онъ Ногая такъ не пугался! Пишетъ сыну въ Зету: зоветъ его для объясненія, — очень трогательно писалъ ему. Остерегали бояре, предупреждаютъ, — «или ты головы своей не жалѣешь?» — не повѣрилъ. Повѣрилъ и пріѣхалъ въ Скоплье.

Король плакалъ при встрѣчѣ и въ глаза — въ эти

глаза — цѣловалъ сына. А когда проходили они по улицѣ, изъ свиты короля забѣжалъ впередъ одинъ изъ его ближнихъ и шиломъ королевичу выкололъ глаза.

Королевичъ упалъ и въ глазахъ его покатилась волна, а зеленыя молоньи — воробьиная ночь — рѣзали мозгъ. И вдругъ волна остановилась и молоньи погасли — или это сердце остановилось? — старикъ остановился, наклоняется надъ нимъ:

«Не бойся, — говоритъ, — твои глаза въ моихъ рукахъ».

И поднялъ руки — и королевичъ видитъ — изъ его ладоней глаза свѣтятся.

Королевичъ лежалъ безъ памяти на камнѣ около Никольской церкви. А когда очнулся, на глаза ему надѣли повязку и повели къ отцу: теперь онъ не страшенъ! — или и слѣпой еще страшенъ?

Море житейское не поддается никакому правописанію — человѣкъ одержимъ страхомъ и, чтобы устранить этотъ страхъ, ему ничего не страшно.

Король присудилъ его къ ссылкѣ и съ нимъ жену его и внука, будущаго царя Душана, — и это на вѣрную гибель: король послалъ его къ своему врагу въ Константинополь.

Андроникъ заключилъ сербскаго гостя въ Пантократоръ. Въ этомъ монастырѣ Вседержителя и началась слѣпая жизнь королевича.

Не было больше на свѣтѣ такихъ глазъ, но свѣтъ, возженный какимъ-то высокимъ ангеломъ, человѣку не погасить, этотъ чудесный свѣтъ свѣтился изъ сердца. И Андроникъ, не такой человѣкъ, привязался къ королевичу и, бывало, вечерами придетъ въ Пантократоръ и

прямо въ его келью и сидитъ — ночь готовъ просидѣть: очень любилъ слушать, какъ королевичъ разсказываетъ. А поразсказать было что и о чемъ: Ногай, Телебуга, Тохта — русскіе, китайцы, татары — чудеса и сказки!

Пять лѣтъ прожилъ королевичъ въ монастырѣ — плѣнникъ тьмы, а свѣтъ его сердца разгорался: сталъ свѣтомъ чуда, свѣтомъ творчества, свѣтомъ жизни.

Однажды стоя за всенощной, онъ задремалъ и видитъ: старикъ и тихо ему, точно боится, не напугать бы или тайна:

«Степанъ, помнишь, что я тебѣ говорилъ?»

Королевичъ всмотрѣлся — и не можетъ признать:

«Не помню... я, дѣдушка, все позабылъ».

«Я говорилъ тебѣ о твоихъ глазахъ, — и старикъ поднялъ руки и изъ ладоней его засвѣтились глаза, — я ихъ возвращаю тебѣ».

И руками такъ его обнялъ.

И это какъ отъ какого-то внезапнаго тепла королевичъ сразу очнулся и видитъ: лампады и много свѣчей.

Онъ рукой къ глазамъ — повязка сбилась — да онъ видитъ! Закрылъ глаза и опять: и опять — онъ видитъ!

Нѣтъ ничего прекраснѣе бѣлаго свѣта — только онъ теперь знаетъ, какъ это страшно на бѣломъ свѣтѣ! И не снялъ повязки, такъ и остался.

И когда король, незадолго до своей смерти, вернулъ его и простилъ, и самъ у него просилъ простить: «лишилъ бѣлаго свѣта!» — королевичъ все видѣлъ, а не снялъ повязки: «слѣпой».

НАРЕЧЕННАЯ ДОЛЯ

Былъ Аника купецъ богатый. Ѣхалъ онъ разъ путемъ-дорогой домой съ барышами.

Ѣдетъ онъ селомъ, а тамъ на банѣ надпись надписана:

рожаница лежала Авдотья Муравьева:
— мальчика родила —
быть этому мальчику солдатомъ!

Проѣхалъ Аника, ничего не подумалъ.
Въѣзжаетъ въ другое село, опять надпись:

рожаница лежала Палагея Архипова:
— мальчика родила —
этому мальчику быть хозяиномъ!

Ѣдетъ Аника дальше, думаетъ о долѣ:

«рядитъ судьба человѣку долю,
судьбы конемъ не объѣдешь!»

Въ третье село въѣзжаетъ Аника.
И тутъ баня и тутъ надпись:

рожаница лежала Наталья Котова:
— родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!

Аникѣ это не показалось:

— Какъ такъ, Котову моимъ добромъ и казной владѣть! Не согласенъ.

Все село поднялъ Аника.

Указали ему Котову Наталью:

на краю села, мужъ-то пропалъ, одна съ ребятишками билась, — очень худо жила Наталья.

Аника ей денегъ даетъ:

«отдай ему мальчика!»

Поплакала Наталья и отдала:

«все едино, Богъ приберетъ!»

Съ Ванюшкой Котовымъ поѣхалъ Аника домой.

Ѣдетъ лѣсомъ. Стоитъ осиновая дупля. Пріостановился, да Ванюшку въ дупло и спустилъ.

— Ну, слава Богу, — перекрестился Аника, — избылъ бѣду!

И ходчѣе поѣхалъ.

А случилось о ту пору, сосѣдскій попъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. Наѣхалъ на осину. Видитъ, изъ дупла парокъ идетъ. Колонулъ —

а тамъ Ванюшка плачетъ.

Ну, сейчасъ же вытащилъ его изъ дупла, завернулъ въ тулупъ и домой.

— Что, отецъ, пріѣхалъ порожнемъ? — встрѣчаетъ попадья.

— Молчи, мать! Я намъ сына нашелъ.

А они бездѣтные были, попъ съ попадьей.

И остался Ванюшка у попа жить.

Воспитали его, обучили.

Десять лѣтъ прошло — и выровнялся мальчишка на славу, дѣльный.

Позабылъ богачъ Аника о Ванюшкѣ, живетъ, богатѣетъ. Пуще прежняго валитъ ему счастье и удача.

«Вотъ она, судьба-то»

Заѣхалъ Аника по дѣламъ въ то село, гдѣ попъ жилъ. Зналъ попа Аника сколько лѣтъ, остановился у него ночевать.

— Откуда это, отецъ, сына взялъ, ровно бы и не было у васъ?

— А вотъ Богъ сынка далъ: въ дуплѣ нашли!

И разсказалъ попъ, какъ поѣхалъ онъ въ лѣсъ по дрова, наткнулся на дупло.

Аника такъ и замеръ:

«Вотъ она, судьба-то!»

Да спохватился: проситъ у попа мальчишку.

Смутилъ попа. За полтысячи сторговались.

И по-утру увезъ Аника Ванюшку.

Куда его дѣвать?

Гдѣ схоронить, чтобы ужъ до-чиста — концы въ воду?

Ѣдетъ Аника большой деревней. Большой колодезь. Вылѣзъ. И Ванюшка за нимъ — воды напиться.

Ванюшка нагнулся —

а Аника сзади какъ пхнетъ.

И угодилъ Ванюшка въ колодезь.

— Ну, слава Богу, ушелъ отъ бѣды!

Перекрестился Аника да скорѣе домой.

И надо же такому быть — пожаръ. Запылала деревня. Набатъ. Всполошились крещеные: кто съ чѣмъ — и прямо къ колодцу.

И какъ опустили первую бадью, такъ и вытащили Ванюшку.

Глядь, а огня какъ и не было, чуть только курится.

— Это, — говорятъ старики, — для него и пожаръ появился. Станемъ-ка мы, крещеные, кормить его міромъ.

И остался Ванюшка жить въ деревнѣ.

Изъ дома въ домъ — въ каждой избѣ ему домъ. Поили, кормили — этакій молодецъ вышелъ.

**
*

Двадцать лѣтъ Ванюшкѣ.

Не признать его и родной матери, не узналъ бы и попъ съ попадьей, а Аника и подавно.

Позабылъ Аника, былъ или не былъ на свѣтѣ Ванюшка.

Была судьба Ванюшкѣ владѣть его добромъ и казной —

«Аника судьбу обошелъ!»

Старый сталъ Аника, а счастье съ годами не убывало, —

богатый купецъ Аника.

Ѣдетъ Аника съ товаромъ на ярмарку въ ту самую деревню. Остановился у старосты. Разговоръ о томъ, о семъ.

А Ванюшка о ту пору у старосты прислуживалъ.

— Экій молодецъ-то у тебя! — залюбовался Аника на Ванюшку.

А староста и говоритъ:

— Не простой онъ у насъ, колодезный: изъ колодца вынули!

И разсказалъ Аникѣ про пожаръ.

«Вотъ она, судьба-то!»

Ударило больно Анику, онъ къ старостѣ:

— Отдай да отдай молодца!

Ну, старостѣ чего, — бери.

Далъ Аника отступного тысячу, да съ Ванюшкой и покатилъ домой.

Пріѣхалъ Аника домой, привезъ Ванюшку.

Самъ со своей старухой раздумался:

«чего бы такое сдѣлать, отдѣлаться отъ Ванюшки?»

— Въ монастырь бы его опредѣлить! — совѣтуетъ старуха.

А и въ самомъ дѣлѣ, чего лучше.

И на слѣдующій день повезъ Аника Ванюшку въ монастырь.

Знакомые были монахи — уважали Анику. Такъ въ монастырѣ Ванюшку и оставилъ:

«пускай за душу молитъ.»

Полюбился Ванюшка въ монастырѣ — хорошій работникъ.

Два года прожилъ — на братію трудился.

Два года прошло, сбылъ Аника Ванюшку.

Кажется, теперь чего ему бояться?

А сердце неспокойно:

ѣстъ ли, пьетъ, а Ванюшка изъ памяти не выходитъ.

Такъ и видится ему баня: на банѣ надпись:

рожаница лежала Наталья Котова:
— родила мальчика —
этому мальчику Аникинымъ добромъ и казной владѣть!

И во снѣ Ванюшка снится:

стоитъ передъ нимъ, какъ живой, ничего не скажетъ, только смотритъ неотступно, какъ судьба безотступна — —

«Рядитъ судьба человѣку долю, судьбы конемъ не объѣдешь!»

— Вотъ что, старуха, поѣду-ка я въ монастырь провѣдать: на убегъ ли Ванюшка?

Собрался Аника и поѣхалъ.

Повезъ монахамъ угощенье.

— Ну что, какъ Иванъ?

— Живъ, живетъ хорошо, въ монахи постригаемъ.

— Что вы говорите: въ монахи?

У Аники отъ радости духъ захватило.

Тутъ подскочили къ Аникѣ, высаживать его пустились изъ коляски.

— Ахъ, — говоритъ Аника, — бѣда какая: деньги-то я дома забылъ. Отпустите Ивана съ письмомъ, пусть онъ сходитъ домой, а я у васъ погощу.

Ну, монахи что угодно: извѣстно, — для богатаго да щедраго на голову пойдешь! — притащили и бумаги и конвертовъ и промокашку.

И написалъ Аника старухѣ:

какъ будетъ Иванъ домой, послала бъ его въ лѣсъ, а слѣдъ за нимъ Шалапуту, чтобъ тамъ его и кончилъ.

Запечаталъ письмо, подалъ Ивану.

— Снеси старухѣ, передай въ руки, никому не показывай!

Съ письмомъ Аникинымъ пошелъ изъ монастыря Иванъ.

Идетъ лѣсомъ. Задумался. Роботко что-то. Глядь, старичокъ навстрѣчу.

Ласково посмотрѣлъ старикъ:

— А, здорово, Аникинъ пріемышъ!

— Какой я Аникинъ пріемышъ, я — монахъ.

— А покажи, что несешь?

— Письмо.

— Дай, покажи.

— Да какъ я покажу? Аника не велѣлъ.

— Да дай же, говорю тебѣ.

Да такъ строго и праведно смотритъ —

а это Никола былъ: печальникъ о всѣхъ гонимыхъ.

Иванъ письмо ему подалъ.

Разорвалъ старикъ письмо:

— Вотъ, не давалъ, а тутъ тебѣ смерть была!

Самъ отошелъ въ стоорнку, сталъ у сосны.

Иванъ ужъ и смотрѣть боится.

— На тебѣ письмо, иди съ Богомъ.

И пошелъ Иванъ — понесъ старухѣ письмо — не Аникино.

Пришелъ Иванъ въ домъ Аникинъ, подалъ старухѣ письмо.

А въ письмѣ будто пишетъ Аника, —

чтобы шла къ попу да просила бъ попа обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта.

Схватилась старуха, вывела дочку —
благословила Ивана съ Софьей.

А сама къ попу.

Попъ было уперся: такъ скоро! Ну, она ему волю Аникину сказала, попъ и размякнулъ: извѣстно — для богатаго да щедраго все можно! — до свѣта Ивана съ Софьей и обвѣнчалъ.

И живутъ молодые день и другой и третій — полюбили другъ друга, дней не замѣчаютъ.

А Аникѣ не терпится:

хоть бы узнать поскорѣй, прикончилъ ли Шалапутъ Ивана?

Прожилъ Аника въ монастырѣ три дня, отблагодарилъ монаховъ — деньги-то при немъ были! — и домой поѣхалъ.

Веселъ Аника: теперь ужъ окончательно развязался —

лежитъ Иванъ гдѣ подъ кустомъ въ лѣсу,
мертваго ѣдятъ его звѣри.

Смѣшно Аникѣ, смѣется —

«вотъ она, судьба-то!»

— Я — Аника!
Доѣхалъ до воротъ, да къ дверямъ:
— Я — Аника!
Распахнулъ дверь —

а на порогѣ Иванъ съ Софьей подъ руку,
а за ними старуха.

У Аники въ глазахъ помутилось: какъ стоялъ, такъ и остался:

«Вотъ она, судьба-то!»
Едва отошелъ, присѣлъ на лавку.
— Что ты надѣлала, старуха?
— Твоя воля, Аника.
— Да я жъ его велѣлъ въ лѣсъ завести Шалапуту.
Старуха письмо:

«обвѣнчать дочку съ Иваномъ до свѣта!».

Его рука: самъ и писалъ, самъ и подписывалъ.
Ничего понять не можетъ Аника:

ужъ не снится ли ему?
или онъ ума рѣшился?

— Я — Аника!
Аника вскочилъ, да опять на лавку — и повалился.
А когда очнулся, призвалъ Ивана.
И разсказалъ ему Иванъ о старикѣ чудномъ.
— Никто, какъ Никола угодникъ.
Не можетъ Аника помириться:

нѣтъ, самъ онъ спроситъ Николу, такъ это или обманъ?

И посылаетъ Ивана:

пусть идетъ, отыщетъ Николу и попроситъ для него письмо — «хочетъ Аника видѣть Угодника».

Раннимъ утромъ простился Иванъ съ женою и отправился въ путь:

пусть Никола будетъ ему водитель!

Шелъ Иванъ путемъ-дорогой — близко ли, далеко

ли, низко ли, высоко ли, доходитъ до рѣчки.

На рѣчкѣ перевозъ:

> сидитъ въ лодкѣ дѣвица, почернѣла вся подъ вѣтромъ, сидитъ, держитъ весла.

— Перевези меня! — крикнулъ Иванъ.

— А куда пошелъ, Аникинъ пріемышъ?

— А иду я къ Николѣ. Не знаю, найду ли?

— Найдешь, найдешь, Ванюша! Перевезу тебя на тотъ берегъ, пойдешь берегомъ, выйдешь въ лѣсокъ и будетъ направо избушка, тутъ и увидишь.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

Перевезла его дѣвица.

— Послушай, Ванюша, какъ будешь ты у Николы, спроси, сдѣлай милость: долго ли мнѣ перевозить еще, устала! ни стать мнѣ и рукъ не разомкну.

Пообѣщалъ Иванъ — не забудетъ, онъ спроситъ о срокѣ. И пошелъ, какъ указала дѣвица. И по тропочкѣ дошелъ до избушки.

А тамъ сидитъ старичокъ — тотъ самый, что въ лѣсу встрѣлся.

— Далеко ль ты, Аникинъ пріемышъ, пошелъ?

— Николу ищу.

— Самый я и есть Никола. Что тебѣ, Ванюша, надо?

— Аника послалъ къ тебѣ: проситъ письмо — хочетъ спросить у тебя, мнѣ не вѣритъ.

— Ну, что жъ, напишу. Да чтобы скорѣе самъ приходилъ.

И написалъ Никола письмо Аникѣ.

Взялъ Иванъ письмо, сталъ прощаться.

— Да вотъ еще что: перевозила меня дѣвица, черная подъ вѣтромъ, заказала спросить у тебя, долго ли ей перевозить, устала она, ни стать ей и рукъ не разожметъ.

— А скажи ей, Ванюша: какъ придетъ Аника, она и встанетъ со скамейки и ея руки отстанутъ отъ веселъ. Да скажи ей, чтобы сказала Аникѣ: «Аника, молъ, богатый, погреби самъ, я отдохну малость!».

Попрощался Иванъ съ Николой, тропочкой вышелъ къ берегу.

А тамъ дѣвица ждетъ.

Сѣлъ Иванъ въ лодку.

— Ну, что, Ванюша, когда мнѣ срокъ?

Онъ ей все — всѣ слова Николы.

Поблагодарила дѣвица — черна отъ вѣтра.

— Спасибо тебѣ, Ванюша, дай тебѣ Богъ счастья.

Вернулся Иванъ домой, подаетъ письмо Аникѣ.

Обрадовался Аника:

самъ Никола-Угодникъ письмо ему написалъ
— велитъ къ себѣ ѣхать!

— Я —Аника! — кричитъ Аника, — старуха, пеки пироги, суши сухарьки! Меня самъ Никола - Угодникъ приказываетъ.

Разсказалъ Иванъ Аникѣ путь-дорогу. И пошелъ Аника, понесъ мѣшокъ съ пирогами да съ сухарьками. Дошелъ до рѣчки. На рѣчкѣ перевозъ. Онъ — въ лодку.

— Аника богатый, погреби самъ, я отдохну малость! — сказала дѣвица.

И тотчасъ поднялась со скамейки —

и руки отошли отъ веселъ.

Аника сѣлъ на ея мѣсто.

И какъ сѣлъ, точно влипъ —

и руки приросли къ весламъ.

Доѣхали до берега.

Встала дѣвица да на берегъ.

А Аника хочетъ подняться и не можетъ.

— Ты куда, дѣвка?

— Я тридцать лѣтъ перевозила, устала, теперь ты перевози свой вѣкъ, мнѣ будетъ.

И пошла, не оглянулась.

Аника порвался, порвался, —

нѣтъ, не можетъ стать и рукъ не оторвешь отъ веселъ.

И остался въ лодкѣ свой вѣкъ оттруждать.

А Иванъ съ Софіей зажили богато: все добро, вся казна Аникина перешла къ Ивану.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Внѣ закона 7
О трехъ купцахъ 11
О коврѣ 19
О Димитріи 26
Крестикъ 29
Надоѣлъ 30
Проби - лобъ 31
О золотомъ гробѣ 36
Пастухъ напуталъ 40
О трехъ иконахъ 44
Гимнографъ Іосифъ 59
О монахѣ Николаѣ 62
Схоларій Петръ 64
О Христофорѣ 70
Сквозь бездну 74
О двухъ сосудахъ 76
Лютня 82
Освобожденный 87
О Василіи 93
Обманутый Іаковъ 113
Абулъ Абба 121
Эстурганъ 127
Хордадбе 131
Айдаръ 133
Глаза 139
Нареченная доля 146

. ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Взвихренная Русь. Изд. Таиръ. Парижъ, 1927.

Оля. Изд. Волъ. Парижъ, 1927.

Звѣзда Надзвѣздная. Изд. YMCA PRESS. Париж 1928.

Три серпа. Изд. Таиръ. Парижъ, 1929. I ч.

Три серпа. Изд. Таиръ. Парижъ. II ч. (готовится).

По карнизамъ Изд. Волъ. Парижъ - Брюссель (гото вится).

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris.